

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2015

Содержание

1. РОССИЯ И НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. СВЯТОЙ БЕЗ КАНОНИЗАЦИИ
4. В ГОДОВЩИНУ 17 СЕНТЯБРЯ
5. О КНИГЕ «БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ»
6. «УБИТЫ В КАТЫНИ»
7. «НАЗВАТЬ ПОИМЕННО»
8. ЯН КАРСКИЙ: БОНД, КОТОРЫЙ ПЛАЧЕТ
9. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
10. СТИХОТВОРЕНИЯ
11. СО СТИХАМИ НА ТАНКИ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ДОЛИНЫ ПОД СНЕГОМ

РОССИЯ И НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

— Г-н профессор, поговорим о России. Как вы воспринимали роль России в 2005 г., когда были министром иностранных дел, и какой она видится вам сейчас? Начнем, пожалуй, *ab ovo* (с самого начала) — с биографических аспектов. С вашего первого столкновения с русской культурой, Россией... и с того, как это формировало ваше политическое мышление.

— Дебаты о России сегодня *à la mode* — про Россию говорят и пишут едва ли не все. Зачастую это довольно-таки банальные высказывания. Повторяются известные и глубоко закрепившиеся стереотипы. Я дистанцируюсь от таких расхожих мнений, и не без удовлетворения отметил, что в президентской избирательной кампании в Польше российская проблематика трактовалась сдержанно и с чувством ответственности за употребляемые формулировки. Но — в соответствии с вашим предложением — начну со своих первых контактов с Россией и россиянами.

После окончания вуза я — не без сложностей — нашел себе место в Польском институте международных вопросов. Работавший там в то время проф. Стефан Боратынский узнал, что после завершения учебы у меня нет работы, и отреагировал спонтанно, сказав, чтобы я в ближайший понедельник явился к нему в институт, где он найдет мне какое-нибудь занятие. Проф. Стефан Боратынский был автором вышедшей после октября 1956 г. ^[1] книги «Дипломатия периода Второй мировой войны» (изд. «ПВН», 1957). Это была первая публикация, касавшаяся важных проблем построения основ послевоенного мирного порядка; сегодня, после того, как был открыт доступ к архивным документам, которые тогда все еще оставались секретными, мы знаем об этом значительно больше. Словом, книга Боратынского была одной из первых попыток прояснить, как формировался послевоенный международный порядок.

На первых порах меня приняли на работу по договору, который сегодня в Польше называли бы «мусорным» ^[2] — иными словами, я работал по разовым трудовым соглашениям, суть которых сводилась к необходимости просмотреть подшивки двух газет за период с ноября 1918 г. до сентября 1939 г. Это были «Варшавский дзенник народowy» и «Газета польска». По

опубликованным там материалам я составлял документацию за период с момента повторного обретения Польшей независимости вплоть до сентябрьской катастрофы 1939 года. «Варшавска газета народов» (после закрытия переименованная в «Варшавский дзенник народowy») была рупором националистов — национал-демократов (эндеков); в свою очередь, «Газета польска» была квазиофициальным правительственным органом. Вот так и начиналась моя профессиональная деятельность, благодаря которой картина политической жизни межвоенной Польши предстала передо мной, можно сказать, «в подлинном виде».

Спустя какое-то время один мой близкий знакомый по Студенческой ассоциации поощрения ООН (я имею в виду Адама Кручковского, первого председателя этой Ассоциации, который был в тот момент главным редактором журнала «Международные вопросы» («Справы мендзынародове»)) предложил мне работу в этом ежемесячнике. Я начинал как редактор журнала, потом получил повышение, став секретарем редакции, и именно в этом качестве выехал — в рамках сотрудничества с редакцией издававшегося в Москве ежемесячника «Международная жизнь» — в свою первую служебную поездку. Добавлю, что московский журнал был и остается официальным органом российского МИДа. Принял меня тогда заместитель главного редактора, обладавший внушительным ростом и звучной фамилией, которая засела у меня в памяти, а именно — Шалва Парсаданович Санакоев. Рассказывали, что он был князем из Осетии. Ко всем сотрудникам журнала Санакоев общался на «ты», тогда как при обращении к нему все употребляли форму «вы» и смотрели на него с огромным респектом. Никто не объяснил мне, кто в этом журнале является главным редактором. Позже я узнал, что им был Андрей Громыко, многолетний советский министр иностранных дел, писавший свои передовицы под псевдонимом «Андрей Советов».

В процессе какой-то беседы на общие темы я предложил российским коллегам опубликовать советскую документацию по встречам в верхах, которые проходили во время Второй мировой войны в Тегеране, Ялте и Потсдаме. К тому моменту уже вышли американские документы по конференциям на Мальте, в Ялте и Потсдаме. Я наивно спросил у своих российских руководителей, почему они не публикуют собственные материалы. Слово за слово, и мой российский собеседник сказал, что обратится по этому вопросу к главному редактору, иначе говоря, к Громыко. Тот выразил согласие на издание российских стенограмм (потому что на упомянутых

конференциях не существовало единого совместного протокола — каждая делегация вела собственные записи проходивших бесед и переговоров, при этом они касались абсолютно всего: и тостов, и разговоров за обеденным столом, и официальных переговоров). Результатом моего путешествия была публикация этих документов одновременно у нас и в «Международной жизни». Я оперативно переводил их по мере появления, а какую-то часть перед обнародованием в нашем журнале «Справы мендзынародове» поместил — дабы заинтересовать более широкую аудиторию — на страницах популярного еженедельника «Политика». Мариан Турский, который уже тогда (более 50 лет назад...) руководил в нем историческим отделом, мгновенно сориентировался, что протоколы неизвестных бесед и переговоров Сталина с Черчиллем и Рузвельтом будут приманкой для читателей. (Добавлю на полях, что недавно — по случаю торжественных конференций, организованных в честь 70-й годовщины победы над Германией, — россияне впервые обнародовали записи подслушивавшихся ими разговоров между Черчиллем и Рузвельтом, что обеспечивало им полный доступ к мотивам и аргументам, которыми руководствовались лидеры Запада на встречах со Сталиным).

Таковы были мои первые служебные контакты с тогдашней Россией и россиянами...

— Интересно, хватало ли россиянам, с которыми вы тогда познакомились, мужества разговаривать с вами в открытую?

— Бывало по-разному. Мне довелось встречаться с несколькими учеными, причем вполне приличными людьми, которые, разумеется, боялись — были запуганы. Но не все и не всегда. Один из моих тогдашних знакомых имел частично польское происхождение (бабушка у него была русской, а дед — поляком, который перед Первой мировой войной служил в Варшаве то ли офицером, то ли чиновником), его звали Дмитрий Томашевский. Он был научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), входившем в Академию наук СССР. Этот институт был и остается одним из лучших и наиболее престижных российских научно-исследовательских центров. Томашевский показывал мне Москву, а когда мы приблизились к Лубянке, вдруг ни с того ни с сего сказал: «Эта система непременно рухнет». Я спросил у него: «Какая система?», — и услышал в ответ: «Та система, в которой мы живем. Здесь попросту ничего не функционирует». С оттенком иронии и из духа противоречия я отреагировал вопросом: «Как это ничего?». На

это Томашевский бросил: «Знаю, сейчас ты мне скажешь, что метро функционирует». Я сказал: «Вот именно, метро. Но не только метро». Мы как раз проходили мимо внушительного здания универмага «Детский мир», а прямо за ним располагается Лубянка, которую на протяжении последней сотни лет занимали и по-прежнему занимают зловещие специальные службы, именовавшиеся когда-то, сразу после революции, ЧК, иными словами, Чрезвычайная комиссия, потом — ГПУ, НКВД, КГБ, а теперь — ФСБ (Федеральная служба безопасности). И неизменно все упомянутые службы размещались в данном здании. Я посмотрел на это массивное сооружение и говорю: «КГБ наверняка тоже хорошо функционирует». На что Томашевский ответил: «Ничего подобного, тебе — и многим другим — так только кажется. Эти службы сознательно создают себе легенду и распускают подобные слухи, чтобы люди их боялись». На что я ответил: «Ты прав. Но не до конца. Так получилось, что во время войны я жил ребенком в глухой галицийской провинции. Русские не располагали там развитой сетью информаторов — еще не располагали (поскольку это была украинская деревня), я жил в монастыре под чужой фамилией, но, несмотря на это, они все-таки нашли меня даже там. О чем это свидетельствует? Я ведь был всего лишь маленькой иголкой в огромном стоге сена, но все равно они отыскивали меня. Наверно, у них были свои методы, и они умели организовать работу так, чтобы ничто не ускользнуло от внимания бдительных "рыцарей революции"» (так определяли себя эти службы).

— А еще какие-нибудь знакомства у вас были?

— Конечно. Я познакомился с тогдашними руководителями ИМЭМО — Анушаваном Арзуманяном и Николаем Иноземцевым, а также с их сотрудниками — Олегом Быковым и Владимиром Размеровым, которые самыми разными способами пробовали «крушить бетон догматизма» (добавлю в этой связи, что Арзуманян в 1954 г. отправил Хрущеву знаменательную для будущности советской политики докладную записку о том, каким способом СССР должен выйти из холодной войны с Соединенными Штатами и Западом). В академической среде тогда за независимость мышления уже не грозила ни ссылка, ни тюрьма. Однако все-таки некоторые платили за свое интеллектуальное мужество тем, что не получали разрешения на зарубежные поездки (становились невыездными), а их научные труды не публиковались. Таких людей маргинализировали.

Через несколько месяцев после моего краткого пребывания в Москве к нам в Варшаву прилетел в порядке обмена журналист Андрей Ермонский. Он был восхищен Польшей и опубликовал на страницах «Международной жизни» репортаж о своих впечатлениях, хотя, как правило, этот ежемесячник печатал только казенную публицистику. Спустя какое-то время Ермонский начал сотрудничать с журналом «Иностранная литература», на страницах которой знакомил российских читателей с творчеством Витольда Гомбровича и Тадеуша Конвицкого, а также с отдельными эссе Адама Михника.

В 1960-х годах в Варшаву приехал начинающий научный сотрудник ИМЭМО, которого звали Евгений Примаков. Через некоторое время он стал директором Института востоковедения Академии наук. Я встречался с ним и позже — в Стокгольме, когда он выступал с лекцией в Стокгольмском международном институте исследования проблем мира (SIPRI). Я был тогда директором этого института. В конечном итоге сложилось так, что, когда Примаков стал министром иностранных дел России, я проводил в Москве презентацию русскоязычного издания «Ежегодника SIPRI», другими словами, самого важного ежегодного доклада о результатах исследований, проводимых в моем институте. Примаков был незаурядной фигурой. Он оказывал значимое воздействие на ход государственных дел в России — даже в те времена, когда уже не занимал высоких постов.

— Как вы в те годы воспринимали сложившуюся ситуацию? Ожидали ли, что тогдашний «Союз нерушимый» (СССР) распадется?

— Когда я видел эту громадную страну, настолько тотально идеологизированную и усмиренную спецслужбами, которые контролировали всех и вся, то не сомневался, что данная система дисфункциональна. Как это сформулировал один из знакомых мне немецких дипломатов (в частном порядке — выдающийся оперный критик), Советский Союз был системой «институционализированной неэффективности». Такова, пожалуй, самая короткая и самая емкая дефиниция советской системы во времена Хрущева, Брежнева и их преемников. Я считал, что изменения наступят в результате какой-то большой встряски, турбулентности и катаклизма. Однако то, что советская система рухнет таким способом, каким это произошло после 1985-го года, когда на пост генерального секретаря коммунистической партии выбрали Горбачева, я и представить себе не мог.

Я внимательно наблюдал за процессом фундаментальных перемен, которые привели в 1991 г. к расформированию Советского Союза, но не ожидал, что его распад будет носить мирный характер. Кроме того, я не мог даже представить себе, что это произойдет при моей жизни. Сейчас с момента избрания Горбачева прошло уже 30 лет. Россия по-прежнему продолжает искать свое место на карте мира. У сегодняшней России нет никакой большой стратегии. Ее реакция на развитие событий в Украине представляет собой попытку повернуть ход истории вспять. То, что мы наблюдаем на протяжении последних полутора с лишним лет, не носит окончательного характера. Нынешние отсылки к традиции «консервативной модернизации», восходящей к временам Петра Столыпина, или же к философскому наследию Владимира Соловьева («Оправдание добра») и Николая Бердяева («Философия неравенства») свидетельствуют скорее об интеллектуальной беспомощности современных политических элит России, чем о мышлении стратегическими категориями по поводу ее будущего. Наиболее зловещим в таких поисках новых ответов на основе старой российской политической мысли представляется возвращение к рекомендациям Ивана Ильина, который не скрывал своего восхищения Адольфом Гитлером и его идеологией. Повторяю, у сегодняшней России нет никакой большой стратегии. Главная цель ее сегодняшних политических элит — равно как и вчерашних, — состоит в том, чтобы удержаться у власти.

В России бывали разнообразные завихрения. При Горбачеве был период надежды, потом — при Ельцине — период проб и ошибок, дестабилизации, хаоса и деструкции. Оба они — Горбачев и Ельцин — разными способами выполняли необычайно важную историческую миссию по выведению России из тоталитаризма мирным путем. Эти лидеры не построили демократию, но создали ситуацию, о которой можно сказать, что она была близка к состоянию, определяемому по-английски как *point of no return* (точка невозврата). Представлялось, что Россия вступила на путь, с которого уже нет обратной дороги. К сожалению, оказалось, что, хотя для нее и нет возврата к коммунизму, но существуют другие версии бездорожья — авторитаризм, популизм и вездесущая тоска по временам, которые бесповоротно миновали. Чехи говорят в таких случаях: «*To se ne vrátí...*» (Это не вернется).

Вступление во власть нового президента, помазанного Борисом Ельциным, не означало возврата ни к Советскому Союзу, ни к царской России. В том, что происходит в России, присутствуют

элементы непрерывающейся связи как с царской, так и с советской Россией. Однако перед нами государственность качественно иного типа. Ведь «путинизм» не является прямым продолжением советской империи, учрежденной Лениным и Сталиным, равно как и давней империи под скипетром Романовых, хотя парадоксальным образом мы найдем в сегодняшней России зерна и одной, и другой. Чтобы понять формирующуюся в России систему, следует исходить из того, что там имеет место попытка как возвращения к империи, так и обретения новой позиции в мире посредством выстраивания антизападных коалиций. При этом на такие поползновения налагает свой отпечаток Путин. Любые аналогии с Муссолини в Италии, Франко в Испании или с Пероном в Аргентине не отражают того, что является спецификой российского авторитаризма во втором десятилетии XXI века.

— Возвратимся еще раз к началу — идет 1945 год, теперь у нас на календаре 2015-й, с момента окончания Второй мировой войны прошло 70 лет. Но по-прежнему продолжается информационная война вокруг вопроса о том, что же тогда произошло на самом деле, — имела ли место новая оккупация или же это было освобождение... Как это воспринималось в 45-м году? Уход немцев и приход русских был принят с облегчением или...?

— Этот вопрос задал мне 20 лет назад мой предшественник в Стокгольме Вальтер Штютцле, давний директор SIPRI. Вальтер был до того статс-секретарем в министерстве обороны Германии, потом вел публицистические программы на немецком телевидении. Тогда, в 50-ю годовщину победы над гитлеровской Германией (это происходило в 1995 г.), он как раз пригласил меня в Потсдам, в миниатюрный дворец Цецилиенхоф, где во второй половине июля и в первые дни августа 1945 г. велись переговоры Трумэна и Черчилля со Сталиным. Вальтер был модератором беседы, в которой участвовали еще два человека — Эгон Бар, ветеран германской «восточной политики», начало которой положил канцлер Вилли Брандт (Бар был доверенным лицом Брандта, откомандированным для переговоров с Россией), и Валентин Фалин, бывший посол России в Германии, а ранее — заведующий международным отделом ЦК КПСС. Вальтер пригласил также и меня — как представителя страны, очутившейся в клещах между двумя мощными тоталитарными державами — гитлеровской Германией и сталинской Россией.

Во время телетрансляции из дворца Цецилиенхоф Вальтер Штютцле задал мне в точности тот же самый вопрос, который теперь ставите передо мной вы, а именно: воспринималось ли вступление Красной Армии на территорию Польши как освобождение или же как новая оккупация? Я сказал тогда, что для подавляющего большинства — в том числе и для меня как ребенка — это событие, невзирая ни на что, было спасением. Если бы в той войне Германия победила, то миллионы людей ждала бы неизбежная смерть. В польском обществе преобладало сознание того, что судьба, которая постигла во время Второй мировой войны евреев, могла также стать уделом значительной части поляков и других народов Центральной и Восточной Европы. Согласно гитлеровской концепции полякам предстояло стать «народом рабов». Немногие из сегодняшних молодых людей осознают, чем была немецкая оккупация в Польше; особенно не понимают этого жители Западной Европы и Соединенных Штатов. В Польше было запрещено высшее образование. Поляки имели право лишь на начальное обучение. Следовало научить их читать и писать. Читать — для того, чтобы они понимали немецкие распоряжения, соблюдали их и выполняли указания «народа господ» (Herrenvolk). Была запрещена любая форма обучения на уровне, хотя бы несколько превышающем начальную школу. Конец войны означал для поляков спасение от смерти — выживание. Одновременно люди были встревожены и напуганы тем, что несет с собой новая власть, установленная по воле Сталина. Приход Красной Армии был спасением, но вместе с тем он означал власть навязанную внешней державой. Советский Союз заклеил легитимное польское правительство в эмиграции и отказался его признать. В результате разоблачения в 1943 году катынского преступления Сталин разорвал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне и передал власть созданному им самим Польскому комитету национального освобождения (ПКНО). В Москве под личным надзором Сталина была проведена быстрая подготовка особой команды для управления Польшей. Согласно воле Сталина и после утверждения им ее состава этим людям, назначенным выполнять самые высокие функции в государстве, предстояло взять власть в подчиненной стране и осуществлять ее в полной зависимости от СССР. С этой целью в 1944 г. было заключено несколько секретных соглашений между ПКНО и СССР.

Другими словами, вовсе не Ялта определила судьбы послевоенной Польши, а исключительно присутствие Красной Армии на польской земле. Ялта была формальностью. Решения принимались значительно раньше. Но Ялта считается

символом предательства западными державами польского народа.

Публицисты и историки часто нуждаются в символах — положительных и отрицательных. Попытки вникать в суть сложной реальности воспринимаются как «умничанье» и стремление избежать необходимости называть вещи своими именами. Любопытно, что при этом мнения тех выдающихся авторов, у кого хватает мужества дерзнуть в поисках истины, как правило, игнорируются. Я имею в виду хотя бы монографию Яна Цехановского о Варшавском восстании 1944 г. или то, о чем написал Ян Карский в главном труде своей жизни — «Великие державы по отношению к Польше, 1919–1945. От Версаля до Ялты» (*The Great Powers and Poland 1919–1945. From Versailles to Yalta. University Press of America. London 1985*).

Рекомендую эту работу всем, чтобы люди поняли, какой была во время Второй мировой войны политическая логика позиции великих держав по отношению к Польше. В 40-ю годовщину Ялты Збигнев Бжезинский опубликовал в журнале «Foreign Affairs» текст под названием «The Future of Yalta» (Будущее Ялты). Первая фраза этой статьи — хотя с тех пор прошло уже 30 лет — запомнилась мне так: «Yalta is unfinished business». Иными словами, Бжезинский — через 40 лет после переговоров в Крыму — с профессиональной точностью обращал внимание на тот факт, что Ялта представляет собой незавершенное дело, и призывал добиваться от Советского Союза, чтобы он выполнил свои тогдашние обязательства. Можно сказать, что о том, какие решения были реально приняты в Ялте, в тот период общество не знало. Это интересовало главным образом политиков на самых высоких уровнях власти, а также немногочисленную группу экспертов.

После вступления Красной Армии на польские земли в стране доминировала атмосфера неуверенности и ожидания неизбежных изменений. Одни опасались этих изменений, поскольку знали, что это будет система, навязанная Польше и полякам, — с другой стороны, вселяло надежду то, что немцев уже нет, что уже не будет массовых убийств, облав, лагерей смерти и вывоза на принудительные работы. Вместе с Красной Армией прозвучали имена на тот момент никому не известных руководителей новой Польши — вроде Болеслава Берута, Владислава Гомулки или Эдварда Осубки-Моравского... Еще несколько недель назад никто не слышал об этих людях, и вдруг оказалось, что именно они стоят у власти.

Многие посчитали тогда, что война окончилась, нужно восстанавливать страну. И хотя такие люди сохранили

критическую дистанцированность по отношению к новому строю, они всецело посвятили себя труду. Это в равной мере касалось ученых и людей культуры, архитекторов и рабочих. Важное значение приобретал аргумент, что в любом случае это все-таки поляки, это все-таки Польша. Да, другая Польша — зависимая от России, но несмотря ни на что, Польша.

В стране имелось также много политически ангажированных людей. Они полагали, что боролись не за такую Польшу. При этом любопытно, что новая власть не считала самыми большими врагами нового строя политиков с крайне правыми взглядами, которые вели свою родословную от эндеков или от довоенной «Фаланги». Тогдашние власти своими главными врагами признали лидеров движения сопротивления подпольной Польши. Именно их вывезли в Москву и организовали там над ними «процесс шестнадцати»^[3]. Тот факт, что этих людей коварно и обманом заманили на переговоры, что они, получив «железную охранную грамоту», были затем арестованы русскими, имел свою политическую значимость. Видимо, сами русские считали, что этот судебный процесс не может состояться в Польше, так как он целиком и полностью дискредитировал бы новую власть. Русские взяли это гнусное дело на себя.

Довоенный заместитель директора Восточного департамента в польском МИДе, а позднее советник польского посольства в Москве Станислав Забелло был во время войны дипломатическим представителем эмигрантского правительства РП во Франции. После возвращения в страну польская служба безопасности арестовала его. Освобождением он был обязан Болеславу Пясецкому, довоенному руководителю фашиствующей «Фаланги». После выхода из тюрьмы Забелло работал в Польском институте международных вопросов. На волне «оттепели» 1956 г., когда политический климат начал меняться, он написал несколько важных книг. Одна из них: «Польский вопрос во время Второй мировой войны в дневниках и воспоминаниях» — была издана под эгидой ПИМВ. На тот момент это было произведение выходящее за рамки публикаций, дозволенных цензурой. Позднее он (по моей просьбе) помещал в журнале «Справы мендзынародове» рецензии на выходившие в Москве очередные тома «Документов внешней политики СССР», которые — при всех цензурных ограничениях — были компетентным комментарием к политике Сталина в межвоенный период. Опубликовал Забелло также книгу и в издательстве ПАКС-РАХ^[4] (там печатались книги, на которые цензура не давала согласия другим издателям). Эта книга носила название «За

правительство и границы» (*O rzad i granice*). Заглавие отражало то, за что тогда велась борьба.

Власти также канализировали допускавшуюся ими в качестве уступки и послабления политическую активность людей, связанных с кругами националистов, особенно с теми, у которых была антинемецкая направленность: в тот период возник Западный институт в Познани, а впоследствии — еще и Западное агентство печати. По большей части туда принимали на работу лиц, связанных с правыми, с эндеками, — зачастую антикоммунистов, главным образом, с отчетливой антигерманской ориентацией. В этой среде у меня были кое-какие знакомства, потому что в 60-х годах я был в ПИМВ секретарем координационного комитета германоведческих исследований. Антинемецкий национализм был для коммунистических властей удобным инструментом по привлечению сторонников из правых кругов.

Все было непросто. В общем и целом можно сказать, что послевоенный период, особенно после 1948 г., был скорее угрюмым и мрачным.

Вместе с тем это было время, когда предпринимались действия, которые в долгосрочной перспективе имели для польского государства фундаментальное значение. Польша — которая 17 сентября 1939 г. потеряла в пользу СССР земли на востоке (они составляли свыше 40% ее довоенной территории) — по решению великих держав получила значительные территориальные приобретения на севере и западе; по пространству эти места были меньше, но они были значительно лучше обустроены, располагали современной инфраструктурой и заселены немецкими жителями. На повестку дня встали вопросы массовой репатриации поляков с утраченных земель, переселения немцев, а также безотлагательной и кропотливой интеграции приобретенных земель с остальными частями польского государства.

Суверенитет Польши был в то время более чем ограниченным, но в вопросе об упрочении и закреплении польского присутствия на северных и западных землях правительство пользовалось полной поддержкой общества, всех жителей страны.

Краткое отступление: в мае с. г. по дороге в Гданьск на торжества 70-летия окончания Второй мировой войны я прочитал в одном из популярных исторических журналов текст известного и уважаемого мною историка. В первом же абзаце автор пишет, что в Ялте наша страна — «первый и

самый верный союзник антигитлеровской коалиции в победоносной войне — потеряла половину территории». Точка. Давайте поясним: решение было принято вовсе не в Ялте, а в пакте Риббентропа-Молотова. Далее, прежде чем дело дошло до встречи большой тройки в Ялте, уже было заключено несколько соглашений между СССР и ПКНО по вопросу о демаркации польско-советской границы на востоке Польши. В упомянутом юбилейном тексте даже не вспоминается, что в Тегеране, Ялте и Потсдаме было решено: западная граница Польши будет проходить вдоль рек Одер (Одра) и Нейса (Ныса-Лужицкая). Я говорю об этой — в конечном итоге далеко не самой важной — публикации, чтобы обратить внимание на своеобразное нездоровое явление. Да, мы знаем, что в Польше произошли в 1989 г. фундаментальные перемены. Но ведь они же не означали — и не должны означать — исторической амнезии. Указанные перемены привели иногда к тому, что в некоторых публикациях всё, что имело место между 1944 и 1989 годами, мажется сплошь одной черной краской. На полях добавлю, что многие из пишущих на данные темы не получили бы высшего образования, если бы плуг истории не перепахал тогда польское общество столь глубоко. В результате голос обрели те его слои, которые на протяжении веков принадлежали к числу исключенных, отсталых, рассматриваемых как навоз истории. Этот плуг истории стал причиной того, что слои, в давние времена подвергавшиеся дискриминации, особенно крестьяне, оказались на теперь переднем плане.

Я уже говорил вам, что в бытность ребенком занимался тяжелым трудом, в том числе ходил за плугом. Именно тогда я сообразил, что плуг надо держать правильно — не слишком мелко и не слишком глубоко. Плуг, пахущий чрезмерно глубоко, нередко выворачивает наверх песок и камни. Во времена Народной Польши у меня порой складывалось впечатление, что власть попала в руки не столько рабочих, сколько люмпен-пролетариата; что она досталась не столько настоящим крестьянам, сколько разным ловкачам, прохиндеям и карьеристам. Такие явления сопутствуют глубоким переменам всегда и везде. Хватало их также и после 1989 г.

Наконец-то мы после 89-го года имеем государство не только полностью суверенное, но и — что немаловажно — государство нормальное. Со всеми позитивными и негативными явлениями. Эта нормальность представляет собой большую ценность. Иногда недооцениваемую и не в полной мере осознаваемую. Сегодня мы в Польше располагаем огромным человеческим капиталом — образованным обществом;

располагаем землями, статус которых — после войны неустойчивый — ныне окончательно признан Германией и всем международным сообществом; причем эти земли прочно интегрированы, освоены и обустроены. На этих землях уже родилось несколько новых польских поколений.

— В нашей беседе вы упорно возвращаетесь к вопросу о сдвиге польской территории на запад. Почему? Ведь это решение трех великих держав, утвержденное в 1945 г. в Потсдаме, было одним из краеугольных камней нового политического порядка в Европе.

— Я возвращаюсь к этому вопросу по той причине, что — к всеобщему ошеломлению — Россия, инкорпорируя в 2014 г. Крым, пошатнула один из краеугольных камней европейского порядка, а именно, принцип нерушимости границ. На протяжении долгих лет Польша прилагала усилия, чтобы решения большой тройки получили не только политическое подтверждение, но наряду с ним и международно-правовое признание. В конце концов — через 30 лет после окончания войны — это удалось. Сначала в Згожельце (Gorlitz) был заключен договор с ГДР (1950), затем — договор с ФРГ (соглашение подписал в Варшаве Вилли Брандт — 7 декабря 1970 г., за неделю до отстранения от должности Владислава Гомулки, для которого договор с ФРГ стал самым важным достижением всей его политической деятельности). А спустя еще пять лет в Хельсинки был подписан Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, куда в декалог принципов, на которых основывается порядок безопасности в Европе, был включен и принцип нерушимости границ. Объединенная Германия признала это политическое и юридическое состояние как фундамент прочного мира в своих двусторонних и многосторонних отношениях.

Долгие годы я занимался этой проблематикой, переводил документы, писал экспертные заключения, публиковал аналитические материалы. В течение десятков лет эти вопросы были предметом исследований самых выдающихся польских юристов-международников — таких, как Манфред Ляхс и Альфонс Кляфковский, Кшиштоф Скубишевский и Болеслав Вевюра. Этими вопросами занималась вся «познанская школа» международного права. Проф. Кшиштоф Скубишевский опубликовал в 1969 г. блестящую книгу «Западная граница Польши» (*Zachodnia granica Polski*). Этот труд стоило бы переиздать, потому что он сохраняет свою научную ценность и не имеет себе равных — не только в Польше.

Гримаса истории привела к тому, что — на последней стадии войны — среди лидеров антигитлеровской коалиции единственным «сподвижником» новой польской западной границы с Германией вдоль рек Одер и Ныса-Лужицкая был вовсе не Рузвельт и не Черчилль, а Сталин. Он навязал Польше новое правительство, но вместе с тем он же менял ее границы. И менял в пользу Польши, причем по четырем причинам. Во-первых, тогдашний советский вождь считал, что для польского правительства, сформированного с чужой подачи, важно, чтобы оно могло иметь какое-либо легитимирующее свидетельство или же заслугу перед обществом. Сталин выступил в Тегеране, Ялте и Потсдаме как сторонник установления польской западной границы по Одру и Нысе-Лужицкой. Во-вторых, в его понимании это должно было стать для Польши компенсацией за земли, утраченные ею на востоке. В-третьих, Сталин полагал, что, коль скоро Польша будет входить в зону советского влияния и доминирования, то ее необходимо усиливать, а Германию — ослаблять, поскольку он правильно предвидел, что эта страна скорее раньше, нежели позже возродится и вновь станет великой европейской державой. Следовательно, Германию надлежит всерьез и надолго ослабить. Все эти причины известны и часто приводятся. Менее известен иной мотив.

— В чем же состоит эта четвертая причина?

— Сталин откровенно высказался об этом в беседе с де Голлем. А именно, он констатировал, что «тем самым мы навсегда вбиваем прочный клин между Польшей и Германией». Предположительно он стремился внушить своему собеседнику, что Польша после получения столь значительных территориальных приобретений за счет Германии будет на веки веков обречена на российские гарантии, на своеобразный «российский протекторат». Сталин не предполагал, что Польша сможет когда-нибудь договориться с Германией и получить ее признание территориальных изменений. И здесь он совершил ошибку: то, что он считал несбыточным, стало реальностью. Мы живем в такие времена, когда демократическая Германия не только признаёт нынешнее положение дел, но и — что для нас чрезвычайно важно и позитивно — именно госпожа канцлер Германии в контексте событий, происходящих сейчас на украинско-российском пограничье, подчеркивает, что фундаментом безопасности Европы является нерушимость границ. А вот сегодняшняя Россия, напротив, приняла для себя программу территориального ревизионизма. Это подрывает основы основ европейской безопасности.

— Приблизительно с 2009 г. мы пытаемся сделать польско-российские взаимоотношения более открытыми, и вы являетесь олицетворением разнообразных усилий, направленных на улучшение отношений с Россией. Теперь в этой области мы переживаем скорее нехороший момент. Чего нам удалось достичь с 2009 г. и что из этого будет иметь долгосрочные последствия?

— Польско-российская группа по сложным вопросам, в которой мне с 2008 г. поручили сопредседательство, имела целью внести ясность в такие вопросы, которые выходили за рамки компетенций разнообразных государственных учреждений. Наша группа не занимается вопросами, принадлежащими к числу задач, которыми обычно занимаются правительственные ведомства, вроде министерств иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, культуры и национального наследия. У нас был особый мандат — заняться такими делами, которые остались нам в наследство от истории. В Польше и России были образованы коллективы ученых — историков, архивистов, социологов, юристов, политологов — которые совместно согласовали каталог вопросов, требующих выяснения. Смысл этой работы заключался в том, чтобы эти вопросы прошлого не затрудняли решение текущих двусторонних проблем политического, экономического и гуманитарного характера.

По естественным причинам в центре внимания оказалась необходимость внести окончательную ясность в катынское преступление и установить его виновников. В Советском Союзе посвятили гораздо больше времени и энергии лицемерной фальсификации правды об этом преступлении, чем попыткам его кардинального расследования и осуждения виновных, — пусть бы это было всего лишь мнение и оценка историков. Группа по сложным вопросам решила разобраться как с этим «черным пятном» сталинизма, так и с другими до сих пор невыясненными злодеяниями довоенных, военных и непосредственно послевоенных времен.

Мы поставили перед собой цель: создать некую отправную точку для формирования новых польско-российских взаимоотношений, основанных на исторической правде. Ведь такого рода преступных акций НКВД по отношению к полякам, как истребление польской элиты в Катынском лесу, Старобельске, Осташкове, Харькове и Быковне, было больше. Упомяну хотя бы про убийство в июле 1945 г. — то есть уже после окончания войны с Германией — 592-х жителей деревень в окрестностях Августовской пущи. Без суда

вывозились в Россию бойцы АК и польские шахтеры. Впрочем, подразделения НКВД часто вывозили поляков без всякого повода — к примеру, потому что в Москве решили строить новую линию метро и там требовались инженеры-геологи. На основании списка польских геологов какую-то их группу в принудительном порядке «расквартировали» в Москве, а после окончания строительства освободили на основании польско-советского соглашения.

В работе польско-российской группы по сложным вопросам мы придерживались системного и целостного подхода. Предметом нашей заинтересованности был период с 1918 (возобновление независимости Польши) до 2008 г. Метод состоял в изложении позиции польских и российских исследователей по принципу «зеркального» отражения — в каждом тематическом блоке содержались две параллельные главы на одну и ту же тему, имевшие польское и российское авторство. Факты были одинаковыми. Толкования могли быть разными, но факты не подвергались сомнению ни одной из сторон. Относительно быстро мы достигли согласия, и после двух лет работы дело дошло до издания сборника «Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях (1918–2008)». Выход в свет этого тома в 2010 г. обозначил некий рубеж — некоторые темы наконец-то были затронуты в совместной публикации. Точка. От этого уже невозможно отступить. Сие не означает, что не найдется пара десятков или даже несколько сотен пропагандистов, которые будут повторять ложь, якобы казнь польских офицеров в Катыни представляла собой «нацистское преступление». Немцы совершили достаточно много преступлений — во сто, а может, даже в тысячу крат больше, чем русские в отношении поляков. Немцы истребили в Польше миллионы невинных людей, создали на ее территории сотни гетто и лагерей уничтожения. Они убивали жителей Польши на каждом шагу. Нет ни малейшей необходимости приписывать им то, чего они не сделали.

В таком контексте, возможно, есть смысл отметить, что решение сложных вопросов между Польшей и Германией (а вышеуказанные вопросы были и остаются по-настоящему сложными) отличалось от выяснения болезненного прошлого с другими народами тем, что немецкие элиты — хотя и не всегда по собственной воле, а под давлением западных оккупантов — приняли для себя следующее фундаментальное методологическое указание: неоспоримые факты нужно признавать как основу диалога. Их можно толковать по-разному, но следует их признать. И немцы такие факты признали.

В этой связи — очередное отступление. Когда польские епископы в конце 1965 г. обратились к своим братьям — немецким епископам — со знаменитым письмом, ключевая фраза которого звучала: «Прощаем и просим прощения», в Польше вторая часть приведенной формулы вызвала огромное сопротивление, причем не только со стороны коммунистической власти, но также и широких слоев общества, в том числе ряда епископов. Стоит помнить, что тогдашнее послание подписали всего лишь пять польских епископов. Сегодня епископат Польши насчитывает 117 человек, тогда он составлял, видимо, немногим больше половины этого количества — 60 или, может быть, 80 человек. Из них мужеством, позволяющим сказать то, что следовало сказать, обладали пятеро. Спустя какое-то время эта правда начала доходить до более широких масс верующих; а именно — правда о том, что все-таки существуют такие постыдные и болезненные деяния, за которые и мы должны попросить прощения у соседей. Стоит отметить, что в Германии реакция на послание польских епископов была неоднозначна. Лютеранская Церковь восприняла его лучше, чем католическая. Кардинал Стефан Вышинский ^[5] констатировал тогда, что ответ мы получили, но не от тех, от кого ждали. Я бы сказал, что в Германии перед католической Церковью по сей день стоит вопрос, каким образом ответить на это письмо 50-летней давности. Я говорю об этом, потому что процессы взаимного понимания и примирения между народами необычайно сложны и трудны. Даже в демократической стране. В Германии — спустя 70 лет после окончания войны — только элита, да и то не вся, коренным образом поменяла самосознание. К счастью, это она сформировала новые поколения немцев, которые признали ответственность немецкого народа за преступления, совершенные отцами и дедами, остававшимися на службе Третьего рейха...

Приведу вам пример: в прошлом году Германский исторический институт в Варшаве пригласил меня на презентацию XVI тома, посвященного германской оккупационной политике. Это один из четырех томов, где рассматривается немецкая оккупация в Польше. В нем содержатся документы, отражающие германские преступления против польских евреев. Другими словами, это картина гитлеровской оккупации в Польше на основании документов, оставленных виновниками, а не жертвами. До сих пор почти всё, что мы знаем по этому вопросу, опиралось, главным образом, на свидетельства жертв. Впервые немцы — а ведь после окончания войны прошло 70 лет! — набрались храбрости и представили документацию о собственных преступлениях.

Сделали доступными неизвестные до этого времени материалы, которые оставались запертыми в архивах, что давало возможность многим преступникам и их защитникам утверждать, будто бы они ничего не знали и не слышали, — хотя в тогдашних злодеяниях участвовали миллионы немецких мужчин и женщин.

Немцы раскрыли в этом томе такие вещи, которых никто до этого момента не выставлял на всеобщее обозрение. Такая открытость вызывает уважение. На мой взгляд, этот том стоит перевести на польский язык. Он вносит многое, очень многое в наши знания о тех временах. Иллюстрирует и объясняет, почему нам легче разговаривать об исторической памяти и примирении с немцами, чем с русскими.

Именно поэтому наш сборник, опубликованный совместно с россиянами, был таким важным шагом — быть может, не столько на пути к примирению (вы не найдете там никаких рассуждений на тему «примирения»), сколько в поисках такого способа формирования исторической памяти, который бы опирался на факты, а не на мифы и легенды. Участвующие в работах нашей группы российские ученые — это в преобладающем большинстве люди, не только обладающие доброй волей, но часто еще и проявляющие свидетельства личной порядочности. Нередко они докапывались до таких фактов, которые польской стороне были просто неизвестны. Небольшим примером, подтверждающим этот мой тезис, служит хотя бы то обстоятельство, что российская исследовательница, автор главы, касающейся периода 1939–1941 гг., озаглавила ее *IV раздел Польши*. Если учесть атмосферу сегодняшней России, это является ясным свидетельством ее гражданского мужества и интеллектуальной честности. Надо не только уважать таких людей, но также помнить и в полной мере осознавать, что именно они являются представителями того, что есть в России самого лучшего. Мы не должны основывать наших мнений на том, что читаем в пропагандистских текстах, — следует обращаться к позиции и оценкам тех россиян, которым хватает смелости помериться с собственным прошлым и во имя правды подвергать себя остракизму оппортунистов и далеко не самому лучшему обращению со стороны властей. Однако именно они останутся в памяти следующих поколений русских и поляков, как люди, которые во времена, когда за отвагу приходилось платить высокую цену, стали с открытым забралом перед лицом истории — весьма драматичной, иногда мрачной и зачастую трагической. Здесь необходимо также напомнить о трех личностях с польской стороны, которые внесли выдающийся

вклад в работу Группы по сложным вопросам. Я имею в виду Анджея Пшевозника, генерального секретаря Совета по охране памяти борьбы и мученичества, Анджея Кремера, заместителя министра иностранных дел, и Анджея Сариуша-Скомпского, президента Федерации катынских семей. Все трое погибли в авиакатастрофе под Смоленском вместе с делегацией во главе с президентом Лехом Качинским, которая летела на торжественные мероприятия, посвященные 70-й годовщине катынского преступления.

Наша Группа сумела в определенной степени облегчить начавшееся движение к созданию нового типа взаимоотношений между Польшей и Россией. Дорога уже проторена.

— Почему же в таком случае работа вашей Группы столкнулась с препятствиями?

— Причины носят внешний характер. Речь здесь идет не о том, что работа затрудняется людьми, которые должны были что-то выявить, однако не только не соглашались открывать архивы и предоставлять к ним доступ, но решили вновь эти архивы закрывать. Случается, что те сведения, которые когда-то уже были открытыми, теперь вдруг снова признаются секретными... В отдельных случаях мы получали те или иные материалы как *inedita* — то есть неизвестные и никогда не публиковавшиеся, — хотя в Польше они уже были опубликованы. Проблемы возникают отнюдь не из-за отсутствия доброй воли у членов Группы или по причине ошибочной методологии. Замедление в наших работах наступило ввиду внутренней ситуации в России.

Положительным аспектом сотрудничества ученых в Польско-российской группе по сложным вопросам служило то обстоятельство, что ее действия были деполитизированы и опирались на взаимное доверие людей науки. Этот климат взаимного доверия следовало бы восстановить. Мы позаботились о том, чтобы не впутывать работу нашей Группы в текущие политические споры.

— А как вы воспринимаете работу Группы в контексте конфликта между Россией и Украиной?

— Моя интерпретация украинско-российского кризиса не до конца совпадает с расхожим мнением: ведь между Россией и Украиной формально не было столь серьезных взаимных напряженностей и проблем, которые бы обосновывали разразившуюся войну; не было таких вопросов, которые

невозможно было бы решить посредством нормальных политических и дипломатических контактов. Более того, вплоть до сегодняшнего дня Украина поддерживает с Россией нормальные дипломатические отношения на уровне послов. Обычно, как мы знаем, послов принято отзывать «на консультации» даже по довольно-таки мелким причинам, а уж война ведет, как правило, к разрыву дипломатических отношений. Впрочем, она, вообще говоря, с этого иногда и начинается. Проблемы, которые довели до войны на юго-востоке Украины, возникли не в результате напряженностей между Россией и Украиной, а вследствие ситуации внутри России и внутри Украины. Я клоню к тому, что Украина воспринимается сегодняшними властями России как внутренняя проблема. Политические элиты России опасаются, что если на Украине процесс осуществления политических устремлений украинского народа завершится успешно, это станет вызовом для властей и их способа правления Россией. Крупнейшее массовое движение, которое было создано в России после бегства президента Януковича, — это «Антимайдан». Майдан в Киеве русские воспринимали как угрозу для власти в Москве. Бои на юге Украины должны предотвратить возникновение Евромайдана в России.

— Оказывает ли это влияние на взаимоотношения России с Польшей?

— И да и нет. Вопросы взаимоотношений с Польшей оказались в некотором смысле на обочине. Сегодня в России польско-российские взаимоотношения значительно больше обременены тем, что происходит на Украине, нежели историей. Их состояние в решающей степени определяется тем, что мы поддерживаем Украину. Если бы Польша заняла такую же позицию, которую выбрали для себя венгры, словаки или даже чехи, то вполне вероятно, что наши взаимоотношения с Россией были бы лучше. Ход международной жизни надо принимать таким, каким он есть. И основываться следует не на мифах, а на реальных фактах. Я далек от довольно широко распространенного убеждения, будто для Украины самый трудный этап уже остался позади. К сожалению, она всё еще находится в процессе поиска своей новой идентичности. Долговременное и прочное решение украинского вопроса наступит в тот момент, когда не только Россия переварит до конца — до дна — тот факт, что Украина имеет право на полный суверенитет; право на то, чтобы самой решать, хочет ли она быть в ЕС и НАТО или же предпочитает остаться вне этих структур. Это НАТО и Евросоюз примут решение, созрела ли уже Украина для того, чтобы войти в состав обеих названных

евроатлантических структур, или пока еще не созрела. Решения по этим вопросам еще впереди. Окончательно ничего пока не предопределено.

— Как в этой ситуации будут развиваться взаимоотношения между Россией и Польшей?

— Бесспорно, польско-российские вопросы не являются препятствием в поисках нормализации отношений между Украиной и Россией. Стоит отметить то, что в недавней президентской избирательной кампании в Польше тема польско-российских отношений практически не затрагивалась. И уж, безусловно, эта тема не была в ней центральной. Более того, оба конкурента, — как действующий, так и вновь избранный президент — сохранили в данном вопросе далеко идущую сдержанность и высказывались взвешенным образом. Оба продемонстрировали наличие чувства ответственности. Оно вытекает из того факта, что мы испокон веков граничим с Россией и в последующие годы тоже будем с ней соседствовать. Политики не могут давать волю эмоциям, они должны стремиться скорее к формированию таких взаимоотношений, которые полезны для польских государственных интересов.

— Что останется надолго из того, чего за прошедшие годы достигли лично вы и Группа по сложным вопросам?

— Мы сумели отработать методологию совместного поиска истины. Существенным элементом была деполитизированность работ и институционализация диалога. В нашей Группе мы вели с русскими разговор о самых трудных и сложных вопросах — как равные с равными.

Группа поспособствовала тому, что 17 августа 2012 г. впервые в истории дело дошло до визита в Польшу патриарха Русской Православной Церкви и принятия совместно с римско-католической Церковью Польши послания к народам Польши и России, подписанного Председателем Польской епископской конференции архиепископом Юзефом Михаликом и Патриархом московским и всея Руси Кириллом, представителем Русской Православной Церкви.

Исходной точкой для нормализации взаимоотношений России и Польши является их партнерский и равноправный характер. Раньше или позже наши отношения станут нормальными. В значительной мере это зависит от того, какая линия поведения возьмет верх внутри России.

Наши отношения с Россией возбуждают понятный интерес во всем мире. По американской инициативе книга «Белые пятна — черные пятна» была переведена и опубликована издательством «Pittsburgh University Press» (*White Spots—Black Spots. Difficult Matters in Polish–Russian Relations, 1918–2008*). Американцы воспринимают Россию как постоянный фактор на карте мира; для нас это не только огромная страна на карте Европы и Азии, но и наш исконный сосед. Россия в поисках своего нового места в международном сообществе государств не может не учитывать тех ограничений, которые вытекают из взаимозависимости современного мира. Это, впрочем, касается всех глобальных и региональных держав, а также средних и малых государств.

Ключом к пониманию идеи, организующей новый миропорядок и целостную концепцию стабильности в Европе, служит признание того, что мир XXI века основывается на взаимозависимости. Попытки возвращения к прошлому, к меттерниховской идее «концерта великих держав» и организации мира, основанного на разделе сфер влияния между глобальными державами ведут на беспутье. А также ведут к потере чувства реальности. Европа, разделенная на сферы влияния, — это политическая концепция, которая может породить — и порождает — последствия, противоположные задуманному.

— Скоро исполняется десять лет с того времени, когда вы были министром иностранных дел. Сегодня нас окружает другая реальность. Лучше или хуже эта новая международная ситуация по сравнению с той, которая существовала десять лет назад? Ожидали ли вы, когда занимали этот высокий пост, что дела могут пойти подобным образом? И куда мы движемся?

— Вы ставите самый важный вопрос ближе к концу нашей беседы. Этой теме мы могли бы посвятить отдельный серьезный разговор. Вопрос: «Куда мы движемся?» — носит принципиальный, фундаментальный характер. Ожидал ли я такого развития событий десять лет назад? Отвечу так: уже тогда, в то время у меня было осознание того, что мир становится всё менее стабильным и трудно предсказуемым (кстати говоря, я писал об этом больше двадцати лет тому назад). В общем — то я весьма сдержан в приписывании себе какой угодно роли — в том числе и по формулированию таких оценок, которые со временем получают всеобщее хождение. Считаю, что наши роли и позиции — даже если они имели какое-то значение — должны оценивать другие люди. Это

касается среди прочего также моего участия в разработке стратегической концепции НАТО на ближайшее десятилетие («НАТО 2020: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие» — NATO 2020: Assured Security, Dynamic Engagement). Этот документ — как вы, наверно, помните — был результатом работы двенадцати экспертов, которым председательствовала Мадлен Олбрайт. В то время я высказал мысль, нашедшую отражение в первой фразе согласованной концепции. Тогда я констатировал, что НАТО вступает во второе десятилетие XXI века как важнейший фактор стабильности в неопределенном и непредсказуемом мире (Essential source of stability in an uncertain and unpredictable world).

Предсказуемость предшествующего мира вытекала из того, что в его биполярном разделении, которым руководили и управляли два центра — Вашингтон и Москва, — высокая вероятность внезапной вспышки ядерной войны вела к тому, что ей сопутствовала очень высокая степень стабильности. После распада этой двухполюсной системы вероятность того, что разразится ядерная война, сократилась почти до нуля, и соответственно, снизилась до нуля степень стабильности. Такое произошло из-за двух причин.

Во-первых, во времена холодной войны угрозе ракетно-ядерного конфликта сопутствовало осознание «гарантированного взаимного уничтожения» (MAD – Mutual Assured Destruction). Во-вторых, мир вступил в период ускоренной трансформации и перемен. А перемены — это отрицание стабильности. Для системы, основанной на поддержании территориально-политического *status quo*, характерной чертой была стабильность. Коль скоро мы вступили в период ускоренных перемен, нельзя было рассчитывать на то, что мир по-прежнему останется стабильным. Начался процесс перестройки того мира, который возник, как результат Второй мировой войны.

Хельсинкская встреча на высшем уровне стран участия Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которая состоялась в июле 1992 года — через год после распада СССР — должна была ответить на фундаментальный вопрос: «Как управлять переменами?» (How to manage the change?). Название документа, принятого на этой встрече в верхах, звучало так: «Вызовы времени перемен» (*Challenges of Change*). Содержащийся в нем ответ не принес, однако, эффективного управления переменами, которые затрагивали уже не одно только евроатлантическое пространство, но выходили далеко

за пределы пространства ОБСЕ, а также взаимных отношений между Россией и Соединенными Штатами. Они распространились на весь мир, на все регионы. Охватили территорию Персидского залива, Ближний Восток и весь арабский мир, а также Юго-Восточную Азию. При этом перемены не касаются — как мы это часто слышим — геополитики и соотношения сил между державами. Они касаются значительно более глубоких проблем. Они являются результатом столкновения мира либерально-демократических ценностей с миром, где правила поведения определяются военными потенциалами и голой силой. Как это трактовалось в названии организованного Россией осенью 2014 г. заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» с участием президента Путина — «Мировой порядок: Новые правила или игра без правил?» (*World Order: New Rules or Game without Rules? Valdai Discussion Club 2014*). На этом совещании президент Путин заявил, что прежний мир, который основывался на равновесии сил, уже не существует, а потому правила, установленные для мира такого типа, перестали обязывать, и добавил: никто не будет диктовать России, каким образом она должна формулировать свою новую стратегию.

Дело в том, что никто и не намеревается ничего диктовать России. Однако Россия приняла в свое время определенные нормы поведения, которые обязательны для всех подписавших соответствующие документы. Я имею в виду хотя бы государства, принявшие Устав ООН и Заключительный акт СБСЕ. Эти документы определяют обязательства, которые имеют не только политическую природу, но также — в значительной части — и юридическую силу. Россия — как и все другие страны — обязана уважать и соблюдать те нормы, которые приняла. Выступили, однако, определенные новые явления, которые, понятное дело, требуют новых регулирующих норм.

Как вам известно, в декабре 2014 г. тогдашний президент Швейцарии Дидье Буркхальтер, выполнявший в тот период функцию председателя ОБСЕ, созвал экспертную группу, официальное название которой звучит: «High-Level Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project» (Экспертная группа видных деятелей высокого уровня по европейской безопасности как совместному проекту). Меня пригласили участвовать в работах этого уважаемого собрания. В середине июня с.г. мы представили на форум всех 57 представителей стран ОБСЕ согласованные к тому времени соображения в форме предварительного доклада под названием *Lessons Learned for the OSCE from Its Engagement in*

Ukraine (Уроки для ОБСЕ, извлеченные из опыта ее втянутости в события в Украине). Это рекомендации, носящие скорее операционный, нежели концептуальный характер. Их цель заключается в укреплении превентивных функций ОБСЕ благодаря наделению ее генерального секретаря большими полномочиями, а всей Организации — «правоспособностью», чтобы после окончания вооруженного конфликта ее присутствие вело не к петрификации («окаменению») состояния враждебности, а к восстановлению мира и нормальности.

Однако ошибался бы тот, кто думает, что институциональные реформы либо укрепление структур той или иной организации могут послужить основанием нового политического порядка. Новый международный порядок будет в большей мере опираться на новые реальности, чем на идеи, концепции и теории. Мир вступил в такую фазу своего развития, в которой политические перемены и время имеют большее значение, нежели идеи и пространство. Бои на пограничье Украины и России ведутся не за завоевание нового пространства, а за то, каким должно быть будущее Украины и России. Какими ценностями станут руководствоваться эти страны при организации своего государственного строя и какими окажутся стандарты их внутреннего поведения — и во взаимных отношениях. Попытки ответить на эти вопросы будут содержаться в заключительном докладе нашей экспертной группы, завершение которого должно быть представлено на рассмотрение 57 государств в ноябре 2015 г.

Мир не возвращается к холодной войне, вопреки довольно частым попыткам объяснять новую действительность с помощью старых мыслительных схем. Сегодня противоречия и антагонизмы носят значительно более сложный характер. Независимо от традиционных конфликтов и напряженностей новые технологии и киберпространство придали международным отношениям совершенно другие, неизвестные ранее измерения. В роли нового глобального игрока на мировую сцену вступил Китай. Роль России уменьшилась в результате несостоявшейся модернизации. Уменьшается и роль Соединенных Штатов. На наших глазах рождается полицентрический мир. Россия претендует на то, чтобы стать одним из центров гравитации — притяжения, для которой организующей идеей является противопоставление себя политической философии Запада. Другими словами, пытается создать вокруг себя своеобразный «анти-Запад». Это вступает в противоречие с устремлениями тех народов,

которые вновь обрели независимость и хотят пользоваться также полным — а не только ограниченным — суверенитетом.

После Второй мировой войны Польша, согласно нормам международного права, была независимым государством, но ее суверенитет носил ограниченный характер. Государства, расположенные к востоку от Эльбы и Верры, принадлежали к советской сфере влияния и по своей сущности были обязаны подчиняться интересам СССР. Эта реальность бесповоротно миновала — она принадлежит к прошлому и сегодня представляет собой анахронизм, но этот анахронизм еще продолжает удерживаться в менталитете и способе мышления некоторых российских политиков.

Несколько дней назад в Берлине на семинаре, организованном — в связи с 60-й годовщиной вступления ФРГ в Североатлантический союз — по инициативе и с участием министра иностранных дел Германии и генерального секретаря НАТО его российский участник, главный редактор журнала «Russia in Global Affairs» (Россия в глобальной политике) Федор Лукьянов заявил, что хельсинкский Заключительный акт «легитимировал сферу влияния России в Европе».

На это заявление я спонтанно отреагировал, не скрывая своего крайнего изумления таким пониманием обязательств, принятых в Хельсинки. По моему убеждению, сказал я, согласованные в Хельсинки принципы создавали рамочные условия для преодоления раздела Европы, а не для укрепления «сфер влияния». После чего добавил, что жизнь подтвердила именно такое толкование принципов и правил, принятых сорок лет тому назад.

Я убежден, что в новых поколениях политических элит всех глобальных держав возникнет сознание, что созрело время решительного и окончательного отказа от концепции зон влияния или сфер «привилегированных интересов».

После того, как тоталитарная система в СССР и в зависимых от него странах рухнула, многие стали исходить из наивной предпосылки, якобы мир вступил в период, когда западные ценности трансатлантического сообщества государств будут признаваться в качестве универсальных общих ценностей. Это послужило бы основанием для формирования глобального управления (*global governance*), то есть признания общего способа управления сообществом демократических государств мира.

Иллюстрацией подобных ожиданий и усилий был созыв в Варшаве в июне 2000 г. конференции министров иностранных дел мира под лозунгом «На пути к сообществу демократий». Соавторами идеи этой встречи были две личности: тогдашний глава МИД Польши проф. Бронислав Геремек и статс-секретарь США Мадлен Олбрайт. Существенную роль в ее организации сыграли представители Польши как государства-хозяина — проф. Роман Кузньяр и проф. Хенрик Шляйфер. 15 лет назад они внесли свой существенный вклад в разработку и принятие документов упомянутой конференции, а также обеспечили продолжение, основав новую институцию под названием «Сообщество демократий». Её очередные встречи состоялись в Сеуле, Сантьяго-де-Чили, Бамако, Лиссабоне, Кракове, Вильнюсе и Улан-Баторе. Были созданы секретариат и исполнительный комитет. В ООН образовали Демократический клуб. Однако от идеи и вышеуказанных институтов до реализации по существу самой концепции мирового сообщества демократий — дальняя и ухабистая дорога. В результате функционирования всех названных учреждений мир ведь не стал более демократическим.

Мы живем отнюдь не в однородном, гомогенном мире, а в разноречивом и гетерогенном сообществе государств. По-прежнему в разных регионах народы руководствуются собственными традициями и ценностями. Во многих внеевропейских регионах демократические ценности воспринимаются как «западные», а не общие и «универсальные». Гетерогенный мир — невзирая на то, что его участники руководствуются разными ценностями — остается взаимозависимым. В мире новых технологий такая взаимозависимость носит сетевой характер и становится всё более тесной.

— Что это означает на практике?

— Приведу пример: в ракетно-ядерных делах по-прежнему в качестве обязательного действует установленный в период холодной войны принцип, согласно которому ракетно-ядерное равновесие образует своего рода «предохранитель», защищающий мир от атомной катастрофы. В ракетно-ядерной сфере Россия и Соединенные Штаты сохраняют на практике равновесие. Совсем иначе формируется и будет формироваться это равновесие в сферах новых технологий, киберпространства, а также глобальных угроз. В каждой из этих областей объект равновесия является иным и действуют другие субъекты: в ракетно-ядерных делах — это по-прежнему Россия и Соединенные Штаты; в вопросах финансового равновесия мира

главными партнерами выступают сегодня Америка, Китай и Европейский Союз; по вопросам климата — это ЕС, США, Китай, Япония, семь глобальных держав.

Качественно новый вызов представляет собой безопасность в киберпространстве — явление, которое еще не до конца «переварено» лицами, ответственными за национальную и международную безопасность. Те или иные виды кибернетического оружия могут парализовать функционирование целых государств. Эта проблема требует срочного решения в рамках новых мер безопасности и доверия.

На повестке дня встает вопрос согласования в срочном порядке новых каналов и способов поддержания связи и коммуникаций между военными (*military to military*), равно как и такой системы обмена информацией, которая препятствовала бы случайным инцидентам. Необходима, наконец, система предотвращения конфликтов — локальных, региональных и глобальных.

— Что нужно сделать в этой связи?

— Во-первых, правильно диагностировать подлинные источники той болезни, которая подтачивает сегодняшний мир. Понять, чего опасаются сегодняшние государства, а также выработать такие ответы, которые нейтрализовали бы существующие опасения. Легитимацией политических систем является воля обществ. Международная общественность не может навязывать принудительного изменения системы (*regime change*) — изменения, которое не отвечает политической традиции и культуре народов в разных регионах мира. Навязывать такие изменения силой — значит порождать последствия, которые противоположны задуманному. Примерами служит развитие ситуации в Ираке и Ливии.

Во-вторых, надлежало бы внести некоторый порядок в дебаты на тему противоречий в современном мире. Часто мы слышим о противоречии между западным миром и исламом. Но мы сравниваем здесь разные категории самых понятий: коль скоро мы говорим о западном мире, то имеем в виду политический строй; когда говорим о мире ислама, то дебаты касаются вопросов религии, ценностей, традиций. В чём состоит проблема? Если в политических вопросах мы можем искать компромисс, то религия никакого компромисса не допускает. Из истории средневековой Европы мы знаем, что невозможно было выработать компромисс с теми деятелями Церкви, которые не верили в догмат о Святой Троице. Для католиков этот догмат был и остался неоспоримым и фундаментальным

для их восприятия христианства. Споры по таким вопросам не могут завершиться компромиссными решениями. Другими словами, политика и религия — это два разных миропорядка. Тем не менее, многое указывает на следующее: среди аналитиков и государственных деятелей отсутствует осознание того, что мы имеем дело с совершенно другими категориями мышления. В поисках общих правил нужно принять к сведению, что нельзя смешивать несравнимые и несопоставимые понятия и трактовать их как пространства для потенциальных согласований.

В-третьих, способ мышления нынешних руководителей западного мира, особенно Соединенных Штатов, опирается на предположение, якобы все возникающие проблемы можно решать. Другими словами — каждая проблема поддается решению. Но это не так. Имеются неразрешимые вопросы, к примеру, упомянутые противоречия между религиями. Можно лишь договориться по поводу того, что представители разных конфессий придерживаются разных взглядов. Заслугой Иоанна Павла II явились его попытки донести до сознания глав монотеистических религий, что они могут вести диалог, не пробуя взаимно убеждать друг друга в превосходстве собственных аргументов и понимая, что для них всех общим знаменателем является вера в Бога — в идеальное, совершенное существо — в Творца Вселенной. В поисках нового глобального порядка надо принимать во внимание, что мир, в котором мы живем, становится всё более сложным. Согласование новых правил в рамках этого порядка не может ограничиваться только вопросами политической, военной или экономической природы. Новый миропорядок по своей сути является холистическим, целостным. Он охватывает разные измерения и категории явлений.

Наконец, в-четвертых, существенную роль при подготовке политических решений, которые — раньше или позже — будут приняты на самом высоком уровне, могут и должны сыграть неправительственные организации и исследовательские центры, *think tanks* («мозговые центры»), всякого рода международные рабочие группы, в состав которых входят часто выдающиеся и опытные политики, которые не принимают уже участия в политической жизни. Их размышления и постулаты, пожелания и требования наверняка облегчат принятие соответствующих решений. В этом контексте стоит упомянуть отчеты и доклады Евроатлантической инициативы по безопасности (EASI — Euro-Atlantic Security Initiative); Европейской сети лидерства (ELN — European Leadership Network); Аспенского форума министров (AMF — Aspen

Ministers Forum) либо Европейского совета международных отношений (ECFR — European Council on Foreign Relations).

Новое мышление требует раз и навсегда отказаться от европоцентрической точки зрения и пытаться искать такие решения, которые будут в равной мере учитывать интересы как европейских, так и неевропейских актеров глобальной политической сцены. Можно предположить, что достигнутые соглашения будут носить дифференцированный характер, т.е. частичный и целостный, сетевой и функциональный, глобальный и региональный, — а не только межгосударственный характер, как это происходило на протяжении сотен и тысяч лет в прошлом, и будут учитывать изменившуюся природу современного мира.

— Большое спасибо за беседу.

Мартин Заборовский — политолог, б. директор Польского института международных отношений.

-
1. В октябре 1956 г. после смерти руководившего Польшей Б. Берута, в ситуации глубокого кризиса, сопряженного с массовыми беспорядками, был восстановлен в партии и избран первым секретарем ЦК В. Гомулка, сидевший в 1951–1954 гг. в тюрьме за «правонационалистический уклон». Здесь и далее прим. пер.
 2. Мусорным называют в Польше любое трудовое соглашение, которое не в полной мере отвечает действующему трудовому законодательству.
 3. Показательный политический процесс, проведенный в 1945 г. в Москве, над 16 высокопоставленными представителями польского движения Сопротивления. Чтобы дискредитировать легальные лондонские власти РП в глазах поляков и мирового общественного мнения, подсудимых

ложно обвинили, среди прочего, в сотрудничестве АК с Германией и в диверсиях в тылу Красной Армии.

4. РАХ — общественно-политическое объединение католических деятелей, принадлежавших до войны к Национально-радикальному лагерю «Фаланга» и к столь же ультраправой Национальной конфедерации.
5. Стефан Вышинский (1901–1981) — примас Польши (1948–1981) и общественный деятель, кардинал с 1953 г. Борясь с коммунистическими репрессиями против церкви и общества и защищая христианскую идентичность народа, он вместе с тем инициировал политику примирительных отношений церкви с властями.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Вчера Анджей Дуда принес присягу перед Национальным собранием — Сеймом и Сенатом — и вступил в должность президента, начав пятилетний срок своих полномочий». (Павел Маевский, «Жечпосполита», 7 авг.)

• «На фоне неподвижно сидящего окружения президента Бронислава Коморовского выделился генерал Станислав Козей, собирающийся в отставку начальник Бюро национальной безопасности, громкими рукоплесканиями встретивший слова президента Анджея Дуды о том, что Польше нужна сильная армия. Увы, но его шеф, президент Бронислав Коморовский, когда Анджей Дуда приносил присягу, по-прежнему сидел в президентском кресле в парламентской галерее, вместо того, чтобы продемонстрировать, что он уже больше не является главой государства, и почетное право сидеть в этом кресле теперь принадлежит другому. (...) Достоин и уважительно вел себя министр национальной обороны Томаш Семонок, с одобрением кивавший президенту Дуде, когда тот обратился к правительственному ряду, говоря о необходимости сотрудничества министерства обороны с главой государства. (...) Депутатов весьма компрометирует галдеж, который они подняли во время чтения послания нового президента, даже если с содержанием этого послания они не согласны. (...) Народные избранники все-таки не должны опускаться до такого низкого уровня». (Бартош Венглярчик, «Жечпосполита», 7 авг.)

• «Президент заявил о грядущем восстановлении общественной системы элементарного взаимоуважения, что вызывает определенные — можно даже сказать, большие — надежды. (...) Анджей Дуда не затронул напрямую тему российско-украинской войны, однако высказался относительно перемен, наступивших в геополитической ситуации и сфере безопасности Польши. (...) Третьим важным пунктом послания стала идея об обязательной корректировке распределения материальных благ и доступа к ним. (...) Президент никак не затронул ключевые для польского культурно-цивилизационного спора проблемы, связанные, в частности, с абортами, искусственным оплодотворением и

партнерскими союзами, (...) хотя принятые по этим вопросам решения его явно не устраивают. Надеюсь, он отдает себе отчет, что это противоречило бы основной теме послания — созданию системы общественного взаимоуважения и единства. (...) Если президент Анджей Дуда — набожный католик, в чем он сам признается — не затронул этих вопросов в своем послании, это значит, что он понимает, в какой стране живет. (...) Мне кажется, что президент постарается ухватить вот этот момент динамического равновесия между польскими базовыми ценностями, которые, реализуясь вполне светским образом, имеют религиозную подоплеку, и всё более меняющимся обществом с его ярко выраженным плюрализмом. (...) Дуда, зная о существовании общественного конфликта, не упоминает о нем, поскольку в противном случае ему пришлось бы открыто заявить, на чьей он стороне», — Людвик Дорн, бывший вице-премьер и маршал Сейма. («Газета wyborcza», 8–9 авг.)

- Оставляющий свой пост «президент Бронислав Коморовский назначил выборы в Сейм и Сенат на 25 октября 2015 г. (...) Он также заявил, что не собирается бороться за место в парламенте». («Тыгодник повсехный», 26 июля)

- «Прокуратура Торуня возбудила предварительное следствие в связи с оскорблением президента Бронислава Коморовского в эфире радио “Мария”». «Президента в эфире называли «российским агентом украинского происхождения» и «предателем», заявили, что он «хуже Гитлера». Также велись рассуждения о его «настоящей» фамилии. К дискуссии подключился о. Тадеуш Рыдзык, подчеркнув, что «в окружении Гитлера тоже имелись профессора». Священник, который вел программу, никак не реагировал на оскорбления в адрес главы государства — напротив, «горячо и сердечно благодарил» участников дискуссии за агрессивные высказывания, а в конце заявил, что Коморовский недостойн принимать Святое Причастие. (...) За публичное оскорбление президента Польши виновным грозит до трех лет тюрьмы». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 31 июля)

- «“Политики, голосовавшие за принятие закона об искусственном оплодотворении, а также президент, который этот закон подписал, не имеют права принимать причастие. Они должны исповедаться и публично отказаться от своих взглядов”, — с таким заявлением выступил Правовой совет Епископата». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 6 авг.)

- «“В Польше нет другого морального учения, кроме того, которое гласит католическая Церковь”, — об этом в минувшее

воскресенье на праздничном мероприятии, проводимом радио «Мария», заявил Ярослав Качинский, ясно давая понять, какая идеология начнет внедряться в стране после победы его партии». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 15–21 июля)

• «6 августа в варшавском костеле сестер-визитанток был совершен молебен за бывшего президента Польши Бронислава Коморовского и членов его семьи. В богослужении приняли участие: ректор костела визитанток о. Александр Сенюк, о. Казимеж Сова, о. Анджей Лютер и о. Станислав Опеля. Священнослужители извинились перед президентом «за множество несправедливых и подлых обвинений, высказанных теми, кого считают людьми Церкви». (...) О. Сенюк сообщил, что под извинениями также подписываются те священнослужители, которые в этот день не смогли принять участие в молебне, в том числе Томаш Достатный, Адам Бонецкий, Альфред Вербицкий, Вацлав Ошайца и Мацей Земба». («Газета выборча», 8–9 авг.)

• «Новым маршалом Сейма (второй человек в стране) была избрана Малгожата Кидава-Блонская. Она заменила своего однопартийца Радослава Сикорского, подавшего в отставку. (...) Малгожата Кидава-Блонская — правнучка довоенных польских политиков: президента Польши Станислава Войцеховского и премьер-министра Владислава Грабского, который вошел в историю благодаря валютным реформам, стабилизировавшим польскую экономику». (Мацей Дея, «Польска», 26–28 июня)

• «Вчера Сейм избрал Адама Боднара на пост уполномоченного по гражданским правам». «Боднар получил 239 голосов, его соперник Зофья Ромашевская — 155. (...) Избрание вице-президента Хельсинкского фонда на должность уполномоченного по гражданским правам еще должен утвердить Сенат. Кандидатуру А. Боднара выдвинули 60 неправительственных организаций. (...) Кандидатура Адама Боднара вызвала резкую критику со стороны правых сил». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 25–26 июля)

• «В Сенате Адам Боднар победил с разницей всего в два голоса. Это наглядно демонстрирует, что Польша расколота также в области отношения к гражданским правам. (...) Выбор, сделанный в пользу Боднара, является важным прецедентом. Это первый уполномоченный, который одновременно является и весьма уважаемым теоретиком права, и практиком в области защиты прав человека». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 8–9 авг.)

- «Польшу можно с полным правом назвать страной социальной несправедливости, причем сразу на многих уровнях, начиная с таких вопросов, как перераспределение пенсий и доступность образования, и заканчивая медицинскими услугами. Разумеется, нам далеко до стран с таким сильным общественным расслоением, как в США. Но я согласен с горькими словами Кароля Модзелевского, что не совсем о такой Польше мечтал он, когда еще до 1989 года боролся за нашу свободу. В силу выбранного нами курса более бедные социальные слои общества постепенно люмпенизируются», — Адам Боднар (р. 1977), юрист Хельсинкского фонда прав человека. («Тыгодник повшехный», 2 авг.)

- «У нас три приоритета: снижение пенсионного возраста, повышение суммы, свободной от налогообложения, а также программа детских пособий. (...) И нам бы хотелось реализовать эти три приоритетные направления сразу, как только мы приступим к формированию правительства», — Беата Шидло, кандидат на пост премьер-министра от партии «Право и Справедливость». («Дзенник газета правна», 9 июля)

- «Последние 23 года польская экономика не знала рецессии. В 2004–2013 гг. национальный доход в перерасчете на одного жителя Польши вырос с 22 до 42 тыс. злотых. (...) Уровень безработицы снизился почти на 21%, достигнув примерно 10%. (...) Количество занятых поляков в 2004–2013 гг. выросло с 52% до 60%. Сеть железных дорог и автострад за десять лет, с 2004 г. по 2014 г., увеличилась примерно в пять раз — с 631 км почти до 3 тыс. км. (...) По состоянию на сегодняшний день Брюссель финансово поддержал 185,5 тыс. самых разных наших проектов, выделив на эти цели 332,7 млрд злотых. Почти 80% этих средств были направлены на строительство новых зданий, дорог и мостов, а также на ремонт построенных ранее объектов. (...) Средняя начисленная зарплата уже достигла 4 тыс. злотых и продолжает расти. (...) Прожиточный минимум составляет 456 злотых на члена семьи и 542 злотых на одинокого человека. Это 15,2 и 18 злотых в день соответственно. По данным Главного управления статистики именно столько хватает на день примерно 2,8 миллионам поляков». (Марек Рабий, «Ньюсуик Польша», 29 июня — 5 июля)

- «Пренебрегая реальным положением дел, Беата Шидло повторяет обещания Анджея Дуды о повышении суммы, свободной от налогообложения, снижая бюджетную стоимость этой операции приблизительно с 20 млрд злотых до 7 млрд злотых, и не принимая во внимание потери, которые понесут

институты самоуправления. (...) Если эти обещания Дуды, которые теперь повторяет Беата Шидло, окажутся выполненными, мы можем повторить судьбу Греции. Данное решение повлечет увеличение бюджетной дыры почти в три раза, резкий рост стоимости обслуживания долга, возобновление процедуры избыточного дефицита и, в итоге, санкции, в результате которых мы будем отсечены от структурных фондов. Невозможно нарисовать 50 миллиардов злотых в год на подобное мотовство. Обещания Дуды отдались эхом в Европе и ослабили злотый, но теперь последствия могут быть куда более опасными, поскольку с этими заявлениями выступает кандидат в премьер-министры», — Януш Левандовский, депутат Европарламента, возглавлявший комиссию по бюджету, в 2010–2014 гг. комиссар по вопросам бюджета в Европейской комиссии. («Газета wyborcza», 8 июля)

• «В пятницу, 19 июня, Экофин (Совет ЕС по экономическим и финансовым вопросам) закрыл процедуру избыточного дефицита по отношению к Польше. И хотя дефицит государственных финансов в 2014 г. составил 3,2%, превысив допустимый в ЕС потолок в 3% ВВП, из суммы дефицита при определенных условиях могут быть вычтены расходы на пенсионную реформу. (...) После того, как эти расходы были вычтены из суммы дефицита, она оказалась ниже допустимого уровня. Разумеется, это не значит, что реальный дефицит, требующий финансирования, снизился в таком же объеме. (...) Одним из условий закрытия процедуры избыточного дефицита стали обязательства правительства по дальнейшему снижению дефицита (...) до 2,7% ВВП в этом году, 2,3% — в 2016 г. и 1,2% — в 2018 году. Чтобы выполнить это условие, нужно усилить бюджетные ограничения. (...) Необходимо во что бы то ни стало быстро уменьшить бюджетный дефицит до уровня не превышающего 3% ВВП. В противном случае процедура избыточного дефицита будет возобновлена, что повлечет серьезные последствия, включая блокировку доступа к европейским фондам». (Анджей Верник, «Жечпосполита», 7 июля)

• «Нам необходимо просто сделать нашу налоговую систему более цивилизованной и справедливой. Налоги, которые у нас платят граждане с низкими доходами, выше, чем у представителей этого же социального слоя в странах Запада. С богатыми же людьми дело обстоит ровно наоборот. Повышение суммы, свободной от налогообложения, будет дорогостоящим мероприятием, но мы бы нашли необходимые средства, если бы нам удалось ликвидировать эту патологическую ситуацию в сфере налогообложения. Кроме того — и это ключевой момент

— рост наших запросов опережает наши успехи. (...)

Рационализм по-прежнему бродит эдаким призраком по страницам экономической литературы, в то время как люди далеко не всегда руководствуются соображениями рационального характера», — Марек Белька, председатель Национального банка Польши. («Газета wyborcza», 18-19 июля)

• «Надежда, что в политической жизни будут доминировать мудрые решения и правильный выбор, лишена, мне кажется, каких-либо оснований», — Ян Врубель. («Дзенник газета правна», 24-26 июля)

• «Канцелярия премьер-министра перестала публиковать результаты контрольных проверок в нижестоящих инстанциях». «Результаты этих проверок неоднократно становились основанием для проводимых прокуратурой следственных действий. Вот уже девять месяцев, как канцелярия премьера перестала их публиковать. (...) Закон о доступе к публичной информации обязывает правительство публиковать результаты проверок». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 10 авг.)

• Поддержка партий: коалиция «Право и Справедливость» / «Польша вместе» / «Солидарная Польша» — 35%, «Гражданская платформа» — 23%, движение Павла Кукиза — 7%, Коалиция левых сил — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «СовременнаяРЛ» — 5%. Прочие политические объединения не преодолели пятипроцентного избирательного порога. Не определились с симпатиями — 11%. Опрос института «Ното Номіні», 30-31 июля. («Жечпосполита», 4 авг.)

• «Наша официальная Церковь, епископат и рядовые священнослужители предвидят переход власти к партии «Право и Справедливость», которая уже не первый год заверяет Церковь, что та сможет рассчитывать на разного рода бонусы. После смоленской катастрофы Церковь начала становиться партийной. При этом среди церковных иерархов не оказалось никого, кто мог бы противостоять этому процессу, во всяком случае, официально». (Адам Шосткевич, «Польска», 3 авг.)

• «В прошлом году расходы Церковного фонда на пенсионные и медицинские страховые взносы духовенства составили 133,1 млн евро. Такая сумма фигурирует в отчете Национальной контрольной палаты об исполнении государственного бюджета. Это самый настоящий рекорд, поскольку еще несколько лет назад на оплату соответствующих взносов духовных лиц хватало приблизительно 90 млн злотых, в 2012 г.

эти расходы возросли до 96,5 млн, а в 2013 г. составили 118,2 млн злотых». (Виктор Ферлецкий, «Жечпосполита», 29 июля)

• «“Я больше не буду просить, чтобы Церковь осуществила проверку епископских декретов, на основании которых меня отстранили от службы в приходе в Ясенице и наложили временный запрет в служении”, — написал вчера о. Войцех Леманский в частном письме, адресованном тем, кто предлагал ему финансовую поддержку. (...) Ватиканский трибунал не признал достаточным основанием для освобождения о. Леманского от процессуальных расходов справку варшавско-пражской курии, из которой следует, что вот уже более 20 месяцев священник не получает жалования от своей епархии. (...) Сумма залога в размере 1 550 евро за каждую из двух апелляционных жалоб, а также оба гонорара итальянского адвоката из ватиканского реестра, по 3-4 тыс. евро каждый — всё это в общей сложности составляет около 10 тыс. евро. (...) “Суммы, которые от меня требуют, — пишет о. Леманский в письме к друзьям, — совершенно нереальны. (...) Я не буду собирать деньги на эти цели. (...) К счастью, временное отстранение от служения — это не смертный приговор. (...) Я по-прежнему остаюсь священником римско-католической Церкви”». (Ярослав Миколаевский, «Газета wyborcza», 4-5 июля)

• «Наблюдается своеобразная эпидемия обращения в католицизм, причем среди тех, кто менее всего с этим вероисповеданием ассоциируется — рок-музыкантов, деятелей крайне националистических и ксенофобских группировок, которые пока еще трудно назвать партиями. Но кто знает, не станут ли они таковыми именно благодаря поддержке польских церковных иерархов? (...) Польский католицизм не имеет ничего общего с христианской верой, это вообще не религия, а массовая идеология, позволяющая отличать себя от других, в крайних же своих проявлениях — бороться против тех, кто придерживается иных взглядов. (...) Никогда и нигде в мире католические теологи не выдвигали тех идей, которые сейчас публично высказываются архиепископами Анджеем Дзенгой, Генриком Хосером или Станиславом Гондецким», — Станислав Обирек, теолог и антрополог, бывший иезуит. («Газета wyborcza», 18-19 июля)

• «Сейм принял закон, регулирующий вопросы, связанные с искусственным оплодотворением. За него проголосовал 261 депутат «Гражданской платформы» (ГП), часть фракции крестьянской партии ПСЛ и все депутаты от левых партий. Против высказались 176 депутатов, в основном

представляющих правые силы; среди них 5 депутатов от ГП и 16 от ПСЛ. (...) Епископат выступил со специальным заявлением, подчеркнув, что “более 260 депутатов серьезно разошлись во взглядах с большинством своих избирателей”». («Газета wyborcza», 26 июня)

- «Архиепископ Анджей Дзенга выступил с проповедью во время 24-го «Паломничества семейства радио “Мария”» в Ясную Гуру, призывая к «тихому сопротивлению в отношении несправедного закона», выступая, в частности, против конвенции о насилии в семье и жестко критикуя закон об искусственном оплодотворении. (...) Архиепископ назвал этот закон преступным». («Жечпосполита», 13 июля)

- «В 2009 году синод Евангельско-аугсбургской Церкви Польши практически единогласно, лишь при одном воздержавшемся, принял резолюцию, допускающую применение методики искусственного оплодотворения. (...) Часть православной Церкви также не возражает против этой методики. (...) Поэтому заявления, которые делают некоторые иерархи римско-католической Церкви якобы от имени всего христианского мира, не только выходят за рамки биоэтических дискуссий, но и идут вразрез с экуменическими тенденциями. Представители отдельных католических Церквей не обладают таким правом, за исключением тех случаев, когда их точка зрения согласована с форумом Всемирного совета Церквей и римско-католической Церкви», — епископ Мартин Хинц, профессор Христианской теологической академии в Варшаве, член синода лютеранской Церкви. («Газета wyborcza», 13 июля)

- «Президент Бронислав Коморовский подписал закон об искусственном оплодотворении, собираясь при этом направить один из параграфов данного закона на рассмотрение Конституционного трибунала». («Жечпосполита», 23 июля)

- «Епископат молниеносно отреагировал на президентскую подпись. (...) Епископы, в частности, подчеркивают, что «моральная ответственность за случившееся лежит на законодателях, поддержавших и утвердивших закон, допускающий применение методики искусственного оплодотворения, а также на руководителях служб здравоохранения, в которых эта методика применяется». (...) Закон о лечении бесплодия приводит в действие пять директив ЕС по качеству, касающихся стандартов безопасности при работе с половыми клетками (гаметами) и человеческими зародышами». («Газета wyborcza», 23 июля)

- «По данным ЦИОМа, 76% поляков считают, что процедура искусственного оплодотворения должна быть доступна для супружеских пар, а 62% поддерживают использование этой методики лицами, находящимися в фактических брачных отношениях. 44% не возражают против использования данной процедуры одинокими женщинами». («Жечпосполита», 17 июля)

- «Участники референдума, назначенного президентом Брониславом Коморовским на 6 сентября, ответят на три вопроса. Первый касается одномандатных избирательных округов, второй — финансирования партий из госбюджета, а третий — принципа, согласно которому вызывающие сомнения вопросы в сфере налоговых правоотношений решаются в пользу налогоплательщика». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 18 июня)

- «Комплекс электростанций «Понтнув-Адамув-Конин» проиграл местный референдум в Бабяку (Великопольское воеводство), где планировал построить открытую шахту по добыче каменного угля. Против создания открытой разработки «Дембы шляхецке» высказались 90% местных жителей, принявших участие в голосовании. Это уже не первая гмина, возражающая против подобного рода инвестиций на своей территории». («Жечпосполита», 29 июня)

- «Важно не только с пониманием относиться к присутствию бобров, тюленей и лосей рядом с нами, но и выказывать добрую волю, чтобы решать те проблемы, которые эти животные неизбежно создают. (...) И в Польше это потихоньку, но происходит. Создается система возмещения ущерба за уничтоженное этими животными имущество. Появляются фирмы, которые занимаются отловом наиболее докучливых особей и вывозом их на неосвоенные человеком территории, где они никому не будут мешать. Лучше становится охрана рыбных прудов, плотин, деревьев, мелиоративных каналов и пастбищ. А иногда то, что раньше считалось однозначно вредным, может, оказывается, приносить пользу. “Этот год выдался исключительно жарким и сухим, — говорит профессор Ежи Романовский, — И те самые фермеры, которые еще два года назад боролись с бобрами, из-за которых заливалась обрабатываемая почва, в этом году изменили свою точку зрения. Они сообразили, что там, где находятся бобровые плотины, угодья не высыхают”». (Войцех Миколушко, «Газета wyborcza», 5 авг.)

- «С момента падения коммунистической системы прошло 25 лет, а мы по-прежнему мечтаем построить собственное

государство, свободный рынок и демократию. Мы совершенно не заметили, что здание, которое мы собирались построить, давно стоит. (...) Основа, скелет государства, выглядит неплохо и держится уверенно. У нас есть налоговая система, независимая (от политических пертурбаций — В.К.) армия, банковская тайна. Разработано и кодифицировано законодательство, действует трехуровневая система самоуправления, гарантирована свобода мысли и убеждений. Проблема у нас только с тем, что находится внутри, в самой сердцевине. А там, нравится, нам это или нет, находится наше общество. (...) Продолжающиеся вот уже 25 лет реформы усыпили нас. Жизнь в уверенности, что главной проблемой является качество государственных институтов, снимает с общества всякую ответственность за происходящее», — Анджей Андрусак. («Дзенник газета правна», 3-5 июля)

• «Некогда мощное и ветвистое древо интеллигенции (...) постепенно умирает, не давая юных ростков в виде новых поколений-преемников. Молодые городские профессионалы — вот новый либеральный средний класс. (...) Появляется новая разновидность космополитической эрудиции, свойственная интернациональному классу интеллектуалов, у которого мало общего с укорененной в локальных традициях интеллигенцией. (...) Кризис элит наступил не только в Польше. Парламентская демократия никогда не оспаривала идею элит, но делала эту элиту избираемой, то есть зависимой от воли большинства. Сегодня мы всё отчетливее наблюдаем тенденции, направленные на радикализацию демократии, что автоматически переводит элиту в разряд чего-то подозрительного. (...) Интернет стал главным орудием гнева масс, которые в каждой знаменитости видят всеобщего врага. (...) Для нашего времени характерен массовый уход из публичной сферы людей, (...) более склонных к рефлексии, самокритичных, умеющих сомневаться, способных на конструктивную дискуссию, а не только на то, чтобы скандировать прописные истины. (...) На наши места приходят какие-то жуткие «сверхлюди», которых я, однако, не рискнула бы назвать элитой», — Агата Белик-Робсон, сотрудник Ноттингемпского университета и Института философии и социологии Польской академии наук, также преподает в Collegium Civitas. («Тыгодник повшехный», 2 авг.)

• «Прогрессирует олигополизация книжного рынка, особенно в контексте дистрибуции и продажи. Дистрибьютеры диктуют свои условия издателям, концентрация продаж разоряет независимые книжные магазины. (...) Цены на книги в Польше растут: крупные олигополисты настаивают на увеличении

скидок, что вынуждает издателей повышать цены на свою продукцию. Это совершенно абсурдная модель. (...) Всё это может привести к тому, что жителям небольших населенных пунктов придется добираться до ближайшего книжного магазина, преодолевая расстояние в десятки километров. (...) Закон, регулирующий фиксированные цены на книги, позволит спасти множество книготорговых точек и независимых издательств. (...) Малообеспеченные люди (...) должны иметь доступ к книгам в публичных библиотеках. (...) Датские библиотеки, к примеру, закупают все книжные новинки. Показатель закупок издательских новинок там составляет 30 разных книг на 100 жителей. В Польше — менее восьми», — Гжегож Гауден, директор Института книги. («Газета wyborcza», 25 июня)

- «В научной среде их называют «словаками». (...) В Словакии быстрое получение научных титулов за деньги постепенно превратилось в самую настоящую фабрику докторов наук и даже профессоров. Достоверность нескольких отраслей польской науки находится под угрозой. (...) Ученые с фиктивными степенями докторов наук из Словакии заседают во всё более важных и ответственных комиссиях, они даже входят в Польскую аккредитационную комиссию, контролирующую качество высшего образования. Один из таких ученых — доктор наук, о. Тадеуш Бонк, член коллегии общественных и юридических наук». (Артур Грабек, Цезарий Белаковский, «Впрост», 3-9 авг.)

- «В этом году только 15% выпускников школ смогли назвать формы участия в непосредственной демократии (к примеру, референдум). Выпускники лицеев, которые сдавали выпускной экзамен по углубленному изучению обществоведения, получили в среднем 26 баллов. Ни на одном другом дополнительном экзамене школьники не показали таких плохих результатов». («Газета wyborcza», 3 июля)

- «Почти 50 тыс. человек участвовало в субботнем молитвенном собрании на столичном Национальном стадионе. Руководил им о. Джон Башобора, харизматический священник из Уганды». («Жечпосполита», 20 июля)

- «Духовник из Уганды прибыл в столицу по приглашению варшавско-пражского митрополита, архиепископа Генрика Хосера. (...) Билет стоил в среднем 50 злотых, а формальным организатором молитвенного собрания выступила Варшавско-пражская епархия». (Мацей Дея, «Польска», 20 июля)

- «18 июня 2015 г. на пресс-конференции в здании Епископата Польши во время представления папской энциклики «Laudato si'», докладчики весьма уклончиво ответили на вопрос, какие именно действия предпримут епископы в рамках своего влияния на пастырей, чтобы те могли донести до верующих содержание и моральный смысл энциклики». (Ханна Схуды, «Дзике жице», июль-август)

- «Нынешний преемник святого Петра в своей первой энциклике «Laudato si'» поднимает проблематику, которая для Церкви, по большому счету, несущественна. (...) Страдания людей, для которых «Бог умер», все же заслуживают большего внимания со стороны Апостольской столицы, нежели — как сказано в «Laudato si'» — “стоны матери-земли”». (Филип Мемхес, «Жечпосполита», 19 июня)

- «“Любая жестокость по отношению к какому-либо живому существу несовместима с человеческим достоинством”, — пишет Папа римский Франциск в энциклике «Laudato si'». Он также доказывает, что “жестокое обращение с другими созданиями, живущими в этом мире, так или иначе сказывается на нашем отношении к окружающим людям”, поскольку “сердце у человека одно, и та самая низость души, которая толкает человека на издевательства над животными, неизбежно проявится в его контактах с другими людьми”». (Магдалена Срода, «Газета wyborcza», 24 авг.)

- «В Варшаве свое заседание провели теологи-моралисты. На завершающей встрече дискуссии речь шла, в частности, о «христианской критике современных тенденций экологической жизни», (...) осуждению также подверглось «преувеличенно заботливое» отношение человека к животным на примере появляющихся во многих странах кладбищах для четвероногих». («Тыгодник повсехный», 28 июня)

- «Почти пять тысяч варшавян проголосовали за партиципаторный бюджет на строительство собачьих площадок. Самая большая из них появится в столичном районе Урсынов». «Территория общей площадью 7 200 кв.м. будет огорожена, на ней разместится полоса препятствий для игры с собаками, в частности, туннель, слалом и перекладины, используемые в аджилити — спортивных соревнованиях с собаками». (Якуб Хелминский, «Газета wyborcza», 16 июля)

- «Ответить на вопросы анкеты, которая бы помогла составить представление о реальном положении семьи в обществе, широким кругам верующих наши епископы не позволили. В результате до Ватикана была доведена точка зрения,

основанная исключительно на взглядах тех, кто близко связан с церковными иерархами. (...) На официальном представлении энциклики «Laudato si'» (...) в Варшаве не было ни одного польского епископа. (...) Прошло уже три недели после публикации этого текста. Ни один польский иерарх не удостоил серьезного внимания «экологическую» энциклику, что, безусловно, свидетельствует об их пренебрежительном отношении к ней». (Конрад Савицкий, «Газета wyborcza», 8 июля)

- «На официальном портале Католического информационного агентства появился пресс-релиз Совета Конференции Епископата Польши по вопросам миграции, туризма и паломничеств. (...) «Ситуация требует, чтобы Польша принимала у себя беженцев из стран Африки и Ближнего Востока. (...) Мы обязаны напомнить обществу о христианском долге помощи беженцам, которые спасаются от войны или религиозных преследований. (...) Мы считаем, что эта помощь должна предоставляться всем беженцам, независимо от их вероисповедания», — заявили иерархи. (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 20-21 июня)

- «В пятницу в Братиславе премьер-министры стран Вышеградской группы (в нее входят Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) единодушно воспротивились предложению Европейской комиссии относительно размещения в странах ЕС 40 тыс. иммигрантов». («Газета wyborcza», 20-21 июня)

- Против обязательного приема Польшей беженцев из Африки и стран Ближнего Востока высказалось более 70% участников опроса, проведенного институтом «Homo Homini». Поддерживает прием беженцев 23,9% респондентов». («Жечпосполита», 13 июля)

- «Польша согласилась принять 1 тыс. человек, скитающихся по Греции и Италии, и еще 1 тыс. человек с территорий, не входящих в ЕС. Кроме того, мы заявили о готовности принять 200 беженцев-христиан непосредственно из Сирии. (...) На это дипломатия Евросоюза заметила, что 38-миллионная Польша могла бы позволить себе разместить у себя больше людей», — (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 10 июля)

- «В течение двух лет наша страна примет 2 тыс. беженцев из Сирии и Эритреи. В понедельник в Брюсселе вице-министр иностранных дел Петр Стаханьчик обязался предоставить этим людям убежище. (...) Несколько недель наша страна пыталась уклониться от обязательств подобного рода. Уже далеко не первый год Польша принимает исключительно мало беженцев.

Так, по данным Евростата, в прошлом году наша страна предоставила убежище всего 720 человекам, в том числе 315 чехам и 130 сирийцам. В пропорции к численности населения страны это в 25 раз меньше, чем Германия, и в 180 раз меньше, чем Швеция». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 21 июля)

• «“Вы готовы умереть за свободу и веру?” — “Нет” — “В таком случае ваша история кончилась”. Такой диалог состоялся между послом Саудовской Аравии в Чехии и чешским кардиналом Домиником Дукой, который пересказал ее во время своего визита в Варшаве. (...) В интернете можно найти запись перепалки в центре для беженцев в Линине. Мусульмане из Чечни пытаются навязать исламские порядки жителям центра, в том числе немусульманам из Грузии и Украины. Когда женщина, которую видно на записи, говорит, что здесь Европейский союз, а не Исламское государство, один из мужчин отвечает: “Здесь Исламское государство, потому что здесь живут мусульмане”. Охранники, наблюдающие эту сцену, не вмешиваются». (Эва К. Чачковская, «Впрост», 6–12 июля)

• «Теракт на нефтеперерабатывающем заводе в Ираке 13 июня совершил террорист-смертник, оказавшийся поляком. Действия 28-летнего Яцека С. привели к гибели 11 человек, 27 пострадали. (...) Погибший террорист год назад принял ислам». («Газета выборча», 13 авг.)

• «В здание мечети в варшавском районе Охота были подброшены свиные головы. Злоумышленника, которым, по предварительным данным, была женщина, разыскивает полиция». («Жечпосполита», 13 июля)

• «В прошлом году о предоставлении им польскими властями статуса беженца ходатайствовали 8 195 человек (в том числе 4 112 россиян). Среди них также было 2 318 украинцев (еще в 2013 году их было всего 46)». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 23 июня)

• «На призыв правительства помочь беженцам из охваченного войной Донбасса откликнулись всего лишь 20 муниципалитетов, то есть менее 1% от общего количества гмин в Польше. (...) Согласно индексу MIPEX (Migrant Integration Policy Indeks, отражающий условия интеграции иммигрантов в 38 странах) Польша занимает 32-е место из 38-ми». (Томаш Жулцяк, «Дзенник газета правна», 11 авг.)

• «Более 40 детей из Украины проведут каникулы в польских семьях в Олыштыне. (...) Их отцы либо братья погибли или воюют на фронте. (...) Инициаторы этой акции уже в прошлом

году организовали каникулы в Польше для аналогичной группы детей». («Жечпосполита», 6 авг.)

- «Президент Бронислав Коморовский в пятницу наградил заслуженных деятелей польско-украинского сотрудничества, в том числе активистов из Союза украинцев в Польше». («Газета wyborча», 3 авг.)

- «Неизвестные преступники уничтожают украинские памятники в Польше, (...) разбивая их молотками. Записи этих актов вандализма охотно публикуют российские интернет-порталы». «Украинское посольство уже обратилось в Совет охраны памяти борьбы и мученичества, а Союз украинцев в Польше — в Министерство внутренних дел, ходатайствуя об установлении личностей злоумышленников и пресечении попыток спровоцировать конфликт на польско-украинских пограничных территориях». (Анна Горчица, Бартломей Курась, «Газета wyborча», 17 июля)

- «Мы, нижеподписавшиеся, призываем поляков и украинцев не поддаваться на какие-либо провокации и попытки разжечь ненависть между нашими народами и странами. Мы осуждаем любые случаи уничтожения польских памятников на Украине и украинских — в Польше. Не дадим же вновь нас поссорить! (...) Мы с глубоким удовлетворением поддерживаем формирование Институтами национальной памяти обеих наших стран совместной исторической комиссии, а также решение Парламентской ассамблеи Республики Польша и Украины о создании рабочей группы, которая подготовит декларацию о примирении польского и украинского народов. (...) Оба наших народа и социума просто обречены на сотрудничество — и сейчас, и в будущем, ради процветания и безопасности наших стран и Европы». Документ подписали многие известные политики обеих стран. («Газета wyborча», 11-12 июля)

- «На сайте российского МИДа было размещено официальное сообщение (...): «Мы крайне возмущены действиями руководства польского города Нова Суль в Любушском воеводстве, которое (...) приняло решение о сносе (...) памятника братства по оружию солдат Войска Польского и Красной армии». (...) Пресс-секретарь польского МИДа Мартин Войцеховский (...) признал, что (...) решение о судьбе памятников принимают местные власти». (Якуб Новак, «Польска», 6 июля)

- «Во Владимире-Волынском на Украине найдены очередные останки польских военнослужащих». «Археологи обнаружили

хорошо сохранившийся значок с польским орлом с офицерского мундира, а также польские медали. (...)
Территория древнего городища служила страшным местом массовых расстрелов, многие историки называют ее «малой Катынью». В 1939–41 гг. советские спецслужбы уничтожали там польских военнопленных, а также арестованных украинцев. В последующие годы немцы убивали там евреев». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 3 авг.)

• «Жанна Немцова, дочь убитого Бориса Немцова, получила во вторник в президентском дворце премию «Солидарности» им. Леха Валенсы. «Я верю, что эта награда вдохновит многих россиян на дальнейшую борьбу», — сказала она. («Жечпосполита», 3 авг.)

• «Как сообщает радио «Свобода», Калининградская область в последнее время превратилась в одно из самых милитаризованных мест в Европе». («Дзенник газета правна», 22 июня)

• «Согласно последним планам Министерства национальной обороны, до 2022 г. в Польше должны появиться в общей сложности шесть батарей зенитно-ракетного комплекса «Пэтриот», а оставшиеся две будут доставлены позднее. (...) У американского концерна «Raytheon» не возникнет сложностей с доставкой в Польшу первых двух батарей в 2018 году. (...) Ракеты будут произведены и поставлены в обстановке строгой секретности. (...) В результате мы получим зенитно-ракетные комплексы, способные к обнаружению среднестатистического многофункционального самолета (...) на расстоянии более 200 км и его уничтожению на незначительно меньшей дистанции при помощи снарядов класса РАС-2. В свою очередь, снаряды класса РАС-3 смогут поражать главным образом баллистические ракеты, однако на гораздо более меньшем расстоянии». (Михал Ликовский, «Рапорт Войско Техника Обронносць», №08/2015)

• «В этом году Польша выделит на оборону 10,3 млрд долларов — это почти столько же, что и в прошлом году (10,1 млрд), зато в три раза больше, нежели в 2000 году. С точки зрения величины военных расходов, мы занимаем девятое место среди 27 стран-членов НАТО. (...) Если же посчитать, сколько процентов нашего ВВП мы тратим на оборону, то в этом контексте Польша находится в самом верху списка членов Северо-Атлантического альянса. В этом году расходы на вооруженные силы в нашей стране составят 2,2% ВВП». (Мартин Качмарчик, «Газета wyborча», 23 июня)

- «Более 11 тыс. человек обратились в военные комиссариаты, желая пройти подготовку либо переподготовку в воинских частях. Это реакция на объявленную оборонным ведомством в марте 2015 г. акцию «Время добровольцев», адресованную всем, кто хотел бы пройти военную подготовку». («Польска збройна», авг.2015)
- «Скандинавский военный концерн «Saab» получил от Европейского оборонного агентства заказ на производство боеприпасов для гранатометов «Carl Gustaf». Заказ стоимостью 13,6 млн евро включает в себя поставку боеприпасов (...) в Эстонию, Латвию, Литву, Чехию и Польшу». («Жечпосполита», 23 июня)
- «Министры обороны стран НАТО постановили увеличить численность Сил быстрого реагирования альянса (NATO Response Force) до 40 тыс. военных, а также расширить их, добавив авиационный, морской и специального назначения компоненты, сообщил генеральный секретарь альянса Йенс Столтенберг». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 29 июня)
- «Учения «Noble Jump» («Благородный прыжок») — это первая проверка Объединенных сил целевых групп очень высокой готовности (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF). (...) В четверг за учениями, в которых участвовали 2,1 тыс. военных, наблюдали генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, министр национальной обороны Томаш Семоняк, главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Филип Бридлав, а также министры обороны стран-участниц. Это только один из этапов масштабных учений «Allied Shield» («Союзнический щит»), в котором принимает участие 15 тыс. военных. Одновременно в Польше и странах Балтии проходят сухопутно-морские учения «Baltops» и «Saber strike»». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 19 июня)
- Военные «предусматривают возможность того, что российская колонна бронетехники пересечет границы альянса и двинется на Вильнюс, Ригу или Варшаву. Я был свидетелем этих дискуссий в Вашингтоне. Есть специальная статья расходов на консультантов, которые анализируют возможные сценарии. (...) США лишь реагирует на те или иные события, а не создает их, но при этом адекватно отвечает на российские угрозы, равно как и на призывы о помощи со стороны союзников по НАТО. (...) Ситуация развивается крайне тревожным образом, и это весьма печально», — Мэтью Рожанский, директор института по изучению России в

вашингтонском Международном центре им. Вудро Вильсона.
(«Газета выбора», 16 июня)

• «Постулат президента Анджея Дуды о необходимости постоянных баз НАТО в Польше невыполним. Так считает Дэвид Лиддингтон, британский министр по делам Европы. (...) Данной инициативе поляков решительно сопротивляются Германия и Франция — обе страны считают, что такой шаг подтолкнет Кремль к эскалации агрессии на Украине». («Жечпосполита», 3 авг.)

• «В шести странах, недавно вступивших в НАТО, американская армия разместит тяжелое вооружение, заявил во вторник министр обороны США Эштон Картер во время своего однодневного визита в Таллинн. (...) Он пояснил, что заинтересованность в появлении у себя таких баз выразили Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния и Болгария». («Жечпосполита», 24 июня)

• «Американцев заинтересовали казарменные постройки в Цехануве. Не исключено, что именно там разместятся танки из США. (...) На бывшие казармы в Цехануве, как на возможное место своей дислокации, указали сами американцы. (...) Рассматривается перспектива размещения там американского батальона бронетехники. (...) «Появление у нас американской воинской части благотворно повлияет на развитие города», — считает мэр Цеханува Кшиштоф Косинский. («Жечпосполита», 7 авг.)

• «“Было бы лучше, если бы Польша и Румыния подумали о чем-нибудь другом, вместо того, чтобы размещать у себя элементы американской противоракетной обороны”, — заявил Евгений Лукьянов, заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации. (...) “Обе эти страны автоматически становятся нашими потенциальными целями”, — добавил он». (Франсис Эллиот, Дебора Хейнс, «Польска», 26–28 июня)

• «Министр национальной обороны Томаш Семонок, находившийся с двухдневным визитом в Китайской народной республике, проинформировал, что в следующем году в Польше будут организованы специальные курсы для китайских офицеров, а уже в этом году ожидается визит китайских военных кораблей в польские порты». («Газета Польска цодзенне», 4 авг.)

• «20 лет назад в Сребренице в течение нескольких июльских дней было убито 8 тыс. человек. Когда генерал (...) Радослав Крстич оказался перед Гаагским трибуналом, он утверждал, что

«8 тысяч — это еще не геноцид». (...) Генерал Крстич по собственной просьбе отбывает 25-летнее наказание в польской тюрьме. (...) Он выучил польский, работает библиотекарем. Тюремное начальство очень им довольно». (Давид Варшавский /Константы Геберт/, «Газета wyborcza», 8 июля)

• «Ровно в 17.00. в столице завыли сирены, на всех улицах на минуту застыли пешеходы, остановились автомобили, водители трамваев и автобусов включили сигналы. Варшава почтила 71-ю годовщину начала Варшавского восстания». «На кладбище Варшавских повстанцев в районе Воля в памятных мероприятиях приняли участие президент Бронислав Коморовский и митрополит варшавский, архиепископ Казимеж Ныч. Это самый большой некрополь Варшавского восстания, на котором покоится свыше 100 тыс. его жертв — военные и гражданские. (...) “То, что произошло в дни восстания на улицах Воли, до сих пор не укладывается в голове. — сказала мэр столицы Ханна Гронкевич-Вальц — Черная суббота 5 августа стала особой датой: в течение одного этого дня здесь были убиты от 20 до 45 тыс. человек”. (Ежи С. Маевский, «Газета wyborcza», 3 авг.)

• «Меня охватило отчаяние, когда в годовщину восстания во многих районах Варшавы не звучали сигналы сирен. Оказалось, что половина из них просто была неисправна», — Станислав Тым. («Газета wyborcza», 5 авг.)

• «В актовом зале Силезского медицинского университета в Катовице состоялось необычное мероприятие — прощание с 34 умершими людьми, которые завещали свои тела на нужды науки. (...) Когда в 2003 г. стартовала программа сознательного пожертвования останков, то в первый год состоялось 8 таких пожертвований, сегодня же их количество достигло 1 400. (...) Чтобы принять участие в программе, необходимо заверить у нотариуса два экземпляра акта передачи останков, после чего один экземпляр нужно доставить в ВУЗ. Университет урегулирует все прочие формальности, в том числе касающиеся транспортировки останков и их последующего захоронения в соответствии с вероисповеданием и последней волей дарителя. Даритель вправе сохранить инкогнито». (Кшиштоф Ковальский, «Жечпосполита», 26 июня)

СВЯТОЙ БЕЗ КАНОНИЗАЦИИ

Отец Ян Зея (1897–1991) был, как говаривали его друзья-диссиденты — в большинстве своем атеисты, — «живым доказательством существования Бога».

Он родился в бедной деревенской семье, но благодаря добрым людям, заметившим его недюжинный интеллект и силу духа, получил образование. Стал священником Римско-католической Церкви. Добровольцем сражался в польско-советской войне, с которой вернулся радикальным пацифистом.

Он был прекрасным священником — проповедником и исповедником, и при этом христианским анархистом. Он не подчинялся ни указаниям церковных иерархов, ни законам государства, если они, по его мнению, противоречили Евангелию.

Однажды Ян Зея почувствовал необходимость совершить пешее паломничество в Рим в качестве искупления за гибель солдат во время майского переворота Юзефа Пилсудского (в 1926 году). Поскольку повеление исходило свыше, он отправился в путь без паспорта и виз. Его задержали в Австрии.

Ксендз Зея жил в добровольной бедности и не раз подвергал свою жизнь опасности, прежде всего во время оккупации, когда был капелланом солдат Армии Крайовой. После войны основал дом опеки для молодых женщин, вступивших в конфликт с уголовным кодексом и моральным правом.

В пятидесятых годах он был одним из немногих священников, выразивших свою солидарность с пребывавшим в заключении примасом Польши кардиналом Стефаном Вышинским.

Проповедь, произнесенная 17 сентября 1974 года в варшавском соборе св. Иоанна, была не только отважным поступком, но и своего рода политической декларацией, вырастающей из тех же убеждений, на которых была основана концепция Ежи Гедройца и всей парижской «Культуры».

В 1976 году о. Ян Зея стал одним из основателей Комитета защиты рабочих, кроме того, он активно участвует в создании

общественной организации «Патронат», целью которой была помощь всем заключенным.

После введения военного положения 84-летний о. Зея еще подвергался преследованиям служб безопасности, но арестовать его не осмелились.

Он был прекрасным священником — проповедником и исповедником, и при этом христианским анархистом. Он не подчинялся ни указаниям церковных иерархов, ни законам государства, если они, по его мнению, противоречили Евангелию.

Однажды Ян Зея почувствовал необходимость совершить пешее паломничество в Рим в качестве искупления за гибель солдат во время майского переворота Юзефа Пилсудского (в 1926 году). Поскольку повеление исходило свыше, он отправился в путь без паспорта и виз. Его задержали в Австрии.

Ксендз Зея жил в добровольной бедности и не раз подвергал свою жизнь опасности, прежде всего во время оккупации, когда был капелланом солдат Армии Крайовой. После войны основал дом опеки для молодых женщин, вступивших в конфликт с уголовным кодексом и моральным правом.

В пятидесятых годах он был одним из немногих священников, выражавших свою солидарность с пребывавшим в заключении примасом Польши кардиналом Стефаном Вышинским.

Проповедь, произнесенная 17 сентября 1974 года в варшавском соборе св. Иоанна, была не только отважным поступком, но и своего рода политической декларацией, вырастающей из тех же убеждений, на которых была основана концепция Ежи Гедройца и всей парижской «Культуры».

В 1976 году о. Ян Зея стал одним из основателей Комитета защиты рабочих, кроме того, он активно участвует в создании общественной организации «Патронат», целью которой была помощь всем заключенным.

После введения военного положения 84-летний о. Зея еще подвергался преследованиям служб безопасности, но арестовать его не осмелились.

В ГОДОВЩИНУ 17 СЕНТЯБРЯ

Проповедь на мессе за души погибших, убитых в лагерях и пропавших без вести солдат кампании 1939 года, отдавших жизнь за свободную и независимую Польшу, в тридцать пятую годовщину героической смерти их предводителей, погибших генералов бригады Юзефа Кустроня († 16 сентября под Ольшицами), Станислава Гжмота-Скотницкого, Франтишека Влада († 18 сентября на р. Бзуре), Миколая Болтуця († 22 сентября в Кампиносской пуще) и Юзефа Ольшины-Вильчинского († 22 сентября под г. Сопоцкин), произнесенная 17 сентября 1974 года в кафедральном соборе св. Иоанна в Варшаве.

Мы собрались здесь, в святыне Единого Бога, Бога всех людей, Бога всех народов, чтобы почтить память солдат Сентября и помолиться за них. Есть среди них командующие, генералы, имена которых мы знаем, есть и множество простых солдат, polegших на поле брани или пропавших без вести.

Однако особенно мы чтим память солдат и офицеров, принявших мученическую, а не воинскую смерть, убитых, а не погибших на поле боя. А ведь как солдаты — они имели право погибнуть в сражении. Им было отказано в этом. Все, кого мы сегодня вспоминаем, простые солдаты и генералы, маршируя строем, не раз пели традиционную песню «Стрелецкого союза». Верно, и всем нам эта песня знакома и близка. Сегодня, когда в начале богослужения мы слышали слова послания апостола Иоанна и слова Евангелия Иисуса Христа, над нами как будто зажглись два высших светила, два мерила всего, что здесь будет сказано — и я осмелюсь здесь, в храме Божьем, напомнить один куплет этого солдатского марша:

Судьба ль нам умереть в болотах,

Или в тайге сибирской сгнить,

Из нашего труда и пота

Восстанет Польша, чтобы жить.

Восстала и живет! Восстала из солдатской крови, пролитой в Первой и Второй мировых войнах. Восстала и живет из нашего труда. И хотя в ее судьбе бывали очень тяжелые минуты, сегодня даже во время заупокойной молитвы мы обращаемся к

Богу с благодарственной молитвой. Польша живет на глазах у всего мира. Она живет в нас — в нашей ежедневной работе, здесь и всюду, где живут поляки, даже за океаном. Мы рады каждому новому дому, каждому новому заводу, каждой новой улице в городе, каждому новому порту на Балтике. Польша живет и растет.

Сегодня мы собрались в храме Бога всех народов, чтобы помолиться за наших павших солдат.

Дата 17 сентября особенная. Прошло тридцать пять лет со дня, когда на сражающуюся Польшу обрушился удар с востока. С горькой памятью об этом событии мы предстоим здесь сегодня перед лицом Господа.

Как нам, собравшимся здесь в храме, пережить эту годовщину?

Пусть свет прольют нам слова одного польского солдата, тяжело раненного в тех боях: «Ужели эту пропасть уничтожения и ненависти, смердящую на весь мир, удастся нам засыпать, как фашиной, лишь булыжниками польских тел, в которых нет высшего духа, кроме злого, метущегося в пропасти? Чем-то существенно иным должны мы стать. Ибо кто пожелает ненависть и зло — злом побороть и ненавистью, тот пусть не забудет, что великую ненависть победит только еще большая, а зло большое может поглотить зло только еще большее.

Или все же, наперекор своей польской натуре ... мы воспитаем в себе ненависть и зло большее, чем то, с которым так кроваво боремся?

И какова граница ненависти и зла — уже ли, пожрав, что было можно, они сами себя в конце концов не пожирают?»

Так как же нам сегодня пережить память о том ударе, неожиданно нанесенном с востока? Как предстать перед лицом Бога, Отца всех народов?

А ведь мы, христиане, когда приступаем не только ко Святому Причастию, но даже к ежедневной молитве, обязаны, прежде всего простить всем, к кому испытывали гнев, простить все личные обиды, причиненные нам. Но можно ли говорить о прощении одного народа другим народом? Да, можно, хотя у нас, собравшихся здесь на траурной мессе, нет полномочий на такие деяния.

Прислушаемся еще раз к голосу того солдата:

«Если до сих пор мы побеждали зло, то только потому, что превозмогали воюющие с нами орды той малой пядью духа любви, отмеренной королевской шпорой Белого Орла. Но чтобы победить все зло, надо сначала перерастить его духом любви высотой с Татры»!

«Перерастить духом любви высотой с Татры»!

Так писал солдат, не священник, не какой-нибудь капеллан. Солдат, тяжело раненный в бою, призывает нас к Высшей Любви.

А значит, и к прощению в духе любви. До этого нам надо расти, и каждому отдельно и всему народу.

Сегодня мы, собравшиеся здесь, можем сказать, наверное, лишь то, что мы всем сердцем жаждем единения нашего народа с тем народом.

Но произойти это может только в правде. Мы надеемся, что когда-нибудь встретятся уполномоченные представители польского и русского народов, и оба народа, представ в правде перед лицом своей истории и своего будущего, — придут к согласию. Пока же ничего подобного не произошло. Не было предстояния в правде. Сегодня, в горькую годовщину тридцатипятилетия удара, нанесенного с востока, мы молимся о скором наступлении этого дня единения в правде, в духе Высшей Любви.

Но прежде чем это случится, уже сейчас нам надо помнить о том, что на востоке, за Бугом, немного на север, живет и работает литовский народ, который жаждет жить свободно и независимо и имеет на это право. А прямо на востоке живет и работает белорусский народ, который имеет право жить свободно и независимо. А немного южнее живет народ, который мы когда-то называли русским народом, а сегодня он называется украинским — и у него есть право жить свободно и независимо.

Надо это признать и помнить об этом. Ведь мы радуемся, когда узнаем, что какое-то африканское или южноамериканское племя — даже не очень многочисленное — обретает право на полную свободу и государственную независимость.

Как же можно забыть о самых близких нам народах, с которыми мы когда-то жили в одной Речи Посполитой, которая в конце своей истории называлась Речью Посполитой Обоих Народов, а в стремлениях лучших своих сынов поистине

хотела таковой быть! Сейчас мы называли бы ее Речью Посполитой Четырех Народов. Речь идет не о восстановлении былых политических структур, но об уважении к действительности, которая уходит корнями в то, что Бог наш есть Богом всех народов и каждому народу дает право на свободу и развитие. Признать это право и ежедневно придерживаться его в мыслях и делах — наша обязанность. Молясь сегодня за упокой душ наших павших и расстрелянных солдат, мы молимся также и о том, чтобы настал день правды, свободы и единения не только для нас, но и для наших братьев литовцев, белорусов и украинцев, о свободе всех народов мира и всех людей, как призывает Рим в этот Юбилейный год.

Сейчас на алтаре совершится жертва хлеба и вина, а затем — таинство Жертвы Христовой за спасение всего мира.

Помолимся Господу, чтобы к крестной Жертве Иисуса Христа присоединил Он все людские страдания и принял их во имя вечного спасения всего мира и во имя наступления на земле царства правды, мира, справедливости и любви.

Нина Берберова

О КНИГЕ «БЕСЧЕЛОВЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ»

Мы публикуем первый отклик на книгу Юзефа Чапского «На бесчеловечной земле», которую он писал с 1942 по 1947 год. Книга вышла в издательстве «Институт литературы» на польском языке в Париже в 1949 г. Эта небольшая заметка Нины Берберовой, опубликованная в октябрьском номере парижской эмигрантской газеты «Народная правда» (1949, № 5), впервые представляла книгу Чапского на русском языке.

В 2012 г. книга вышла в русском переводе: Чапский Юзеф, На бесчеловечной земле. Москва — Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака-Езёранского, 2012.

Студент Петербургского Университета до революции, участник советско-польской войны 1920 года, польский писатель и художник Иосиф Чапский, насчитывающий в среде русской эмиграции многочисленных друзей, человек пропитанный русской культурой, только что выпустил книгу о своем пребывании в СССР в 1939–1942 гг., под названием «Бесчеловечная земля».

Если бы среди иностранцев, а Чапский по отношению к нам несомненно является таковым, надо было в свое время выбрать человека, которого следовало бы отправить в Советскую Россию, чтобы он мог «все понять», то трудно было бы найти человека более подходящего. Чапский исколесил Россию вдоль и поперек, сначала как Зе-Ка, как раб концентрационных лагерей, где были интернированы польские офицеры, затем — как «свободный» офицер формирующейся польской армии генерала Андерса. Он говорил с русскими людьми, от А.Н. Толстого и Ахматовой до беспризорников и энкаведистов, не как жадный до сенсаций журналист, корреспондент иностранной печати, но так, как если бы один из нас оказался на родине. Один из нас, житель Петербурга, Парижа, Варшавы, он видел, чего нам видеть было не дано: позор отступления красной армии, обратный натиск ее от берегов Волги, беглецов из осажденного Ленинграда и мирный Ташкент, город хлебный... Он встретил людей — скрытых подвижников, и других — каннибалов и убийц. И это была Россия, о которой он талантливо рассказал в своей книге.

Книга разделяется на две части: первая — история поисков 15 000 польских офицеров и солдат, товарищей Чапского, по всей России — от Земли Франца Иосифа до Караганды. Они не были найдены. Только через год после отъезда поляков из России, весной 1943 года, была немцами открыта могила в Катыни, где обнаружены были трупы 4 000 человек, убитых еще весной 1940 года. Остальные 11 000 еще не найдены в русской земле и вряд ли будут когда-нибудь найдены. Но и без того все ясно: уцелевший чудом Чапский (400 человек уцелело с ним, проследовавших через лагерь в Грязовце) свидетельствует на основании своих изысканий о том, что заключенные поляки Старобельска, Козельска и Осташкова были уничтожены большевиками под предлогом того, что «Польша больше не существует и никогда существовать не будет».

Вторая половина книги рассказывает о неудаче, постигшей ген. Андерса в деле формирования польских полков на советской территории. Сталин не желал их вооружать, а англичане соглашались вооружать их только вне пределов СССР. В этой второй половине рассказаны встречи Чапского с обитателями России и Сибири и отъезд несформированных польских полков и беженцев-поляков в Иран. Там, в Азии, существует тот же «железный занавес», и не без волнения поляки перешагнули русско-персидскую границу, испытав голод, холод, унижение, оторванность от близких, потери. Они оказались «на свободе», среди «гостеприимных, сочувствующих людей»... Это была Персия!

В «мягких» и «жестких» вагонах, на дорогах, в очередях за хлебом и в театрах, в разрушенных церквях и в кабинетах вершителей судеб России, Чапский видел так много тяжелого и страшного, мрачного и тоскливого, что надо было иметь в душе прочную привязанность к русской культуре и живую память о русском человеке, чтобы все понять и многое простить, чтобы успеть заметить в приглушенных разговорах запуганных людей, иногда в их глазах, иногда в их жестах, все ту же вечную смиренность, жертвенность, безответность, на которые так чутко отзывалось сердце Чапского, братски близкого нам. Сказать ли? В противоположность другим иностранцам, бывавшим в СССР, за которыми стояла их сильная, свободная, прекрасная страна, он сам иногда бывал запуган, смирен, жертвенен и безответен, в своем качестве польского офицера в СССР, товарищи которого безвестно пропали в просторах огромной страны. Вот перед ним Рейхман, генерал МВД, правая рука Берии и Меркулова, который на вопрос Чапского: «Где наша армия?» отвечает ему: «Это не моего ведомства дело!», в то же время, как Чапский уже знает, что «дело» прошло

именно через Рейхмана, что он сам распорядился судьбой 11 000 поляков, отступивших осенью 1939 года, под натиском немцев, в восточную часть Польши, оказавшуюся, при разделе, за Сталиным. Не прикрашивая свое унижение, Чапский признаётся в том, как он бежал по Москве, под ливнем и ветром, грозя кулаком Кремлю, как когда-то бедный Евгений грозил Медному Всаднику. То — под ливнем, а то и под метелью, странно напоминающей ту, которая над Варшавой бушевала над головой Александра Блока в «Возмездии»... Меркулов, всё на тот же вопрос Чапского, отвечает: «Ах, эти! Мы совершили по отношению к ним большую ошибку»... И в это мгновение Чапский чувствует, как государство раздавливает личность, словно сапог — муравья.

Слезы, кровь, разлуки, потери, ушедший и никогда более не вернувшийся к матери сын, муж, разлученный навеки с женой, друзья, потерявшие друг друга между Вологдой и Аральским морем — вот сегодняшняя Россия. «Знатный человек», А.Н. Толстой, отказывающийся прийти к Чапскому на чашку чая из боязни не потрофить МВД, и мальчишка, обливающий труп немца водой и потом, на замёрзшей кукле, съезжающий с ледяной горы, за неимением санок — вот сегодняшняя Россия. И понятны, и простительны слова ген. Андерса, которыми он отвечает на трагическую жалобу Чапского: «Что они сделали со всеми нашими?». Ген. Андерс в это время был занят переправой своих подчиненных в Иран, Ирак, Азию и Африку:

«Забудем всё... Простим... Надо думать о живых...»

Простим? Это было сказано за год до того, как была открыта Катынь.

Но вот солдаты и офицеры, дети, женщины уже в Мешедде. Две девочки-сёстры шепчутся в больничной палате, где одна из них лежит перевязанная после катастрофы, случившейся с грузовиком: «Когда я пришла в себя, — говорит больная, — я была уверена, что сейчас умру... Быстро я прочла «Аве Мария» и, — в этом месте голос ее звучит громче и полон слез, — я поблагодарила Бога, что умру здесь, а не в Советской России!»

Удивительно ли, что католик Чапский, после двух лет жизни в СССР, оказывается чувствителен к виду мечетей, к крику муэдзина? Он отвык от всего, что так или иначе говорит о высоком, о вечном. Удивительно ли, что он в последней главе своей книги «возвращает билет»?

Сохранена пунктуация оригинала.

Нина Берберова. О книге «Бесчеловечная земля» И. Чапского//
«Народная правда», Париж, 1949, № 5 (октябрь)

Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — с 1922 года жила в эмиграции, писала для эмигрантских газет в Праге, Берлине и Париже. С 1950 жила в США, преподавала в Йельском и Принстонском университетах. Публикуется с 1921 г., наиболее известна своей главной книгой автобиографической прозы «Курсив мой» (1969) и художественным исследованием «Люди и логи. Русские масоны XX столетия» (1986). В 1989 г. посетила Ленинград и Москву.

«УБИТЫ В КАТЫНИ»

В год 75-летия Катынского преступления общество «Мемориал» издает книгу памяти «Убиты в Катynи». Впервые на русском языке будут опубликованы краткие биографии 4 415 польских военнопленных, узников Козельского лагеря, расстрелянных весной 1940 года и захороненных в Катынском лесу в урочище Козьи горы под Смоленском.

В 2013 году в Варшаве «Мемориал» и Центр КАРТА издали книгу памяти «Zabici w Katyniu» на польском языке. Готовящееся русское издание по сравнению с польским будет расширено и дополнено новыми источниками.

Это будет первая из серии книг памяти жертв Катынского преступления. Исследователи «Польской программы» «Мемориала» сегодня готовы назвать имена 18 тысяч из около 22 тысяч расстрелянных польских военнопленных и гражданских лиц, узников Осташковского, Старобельского и Козельского лагерей НКВД и заключенных тюрем Западной Украины (по расстрелянным весной 1940 года польским заключенным тюрем Западной Белоруссии никаких документов нет и никого из них поименно назвать невозможно).

Целей у издания несколько. Во-первых, необходимо было уточнить персональный состав и число расстрелянных, поскольку в данных был разноречивый. Группе Александра Гурьянова удалось установить дополнительно семерых новых военнопленных и доказать, что они тоже относятся к 4 415 расстрелянным в Катynи. «Поименное перечисление жертв со ссылками на документальные источники критически важно — говорит Александр Гурьянов. — Российское государство, решением Государственной думы в 2010 году формально признавшее, что Катынское преступление стало актом произвола тоталитарного государства и было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей, категорически отказывается признать потерпевшим каждого погибшего в отдельности. В 2004 году уголовное следствие о Катынском расстреле было прекращено, а его результаты засекречены. После этого Главная военная прокуратура не просто отказывается в реабилитации жертв преступления, но отказывается даже начинать предписанную законом процедуру — как по заявлениям "Мемориала", так и по заявлениям

польских родственников погибших». Поэтому вторая — главная цель — реабилитация расстрелянных. В готовящемся к печати томе содержатся все материалы для индивидуальной реабилитации 4 415 военнопленных. «Как граждане своей страны, мы должны добиться от российских государственных органов поименной реабилитации жертв Катынского преступления» — убеждены в «Мемориале».

Председатель правления Международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский называет будущую книгу «точкой реализации нашей гражданской ответственности, как мы ее понимаем». «Мы делаем все, чтобы как можно больше наших граждан узнали правду о Катынском преступлении».

В «Мемориале» решили издать эту книгу на деньги самих россиян. «Мы хотим дать нашим соотечественникам возможность быть причастными к сохранению исторической и человеческой памяти» — говорит Александр Гурьянов.

«Я был рожден в 1940 году, как раз в то время, когда произошло Катынское преступление — говорит Павел Литвинов, советский диссидент, участник демонстрации протеста на Красной площади 25 августа 1968 года, состоявшейся после ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. — Мы должны как бы искупить этот непрошедший стыд».

18 июня 2015 года на краудфандинговой платформе Planeta.ru была запущена кампания по сбору денег. За два с небольшим месяца, до 23 августа 2015 г. (дня 76-й годовщины принятия пакта Молотова-Риббентропа) предполагали собрать 800 тысяч рублей (11,5 тысяч евро). Уже к началу августа необходимая сумма была собрана с запасом, поэтому тираж можно будет увеличить. Это был подлинно народный сбор: самое большое пожертвование составляло 7 000 рублей (100 евро), но такую сумму внесли единицы. Больше 300 народных спонсоров предпочли участвовать в издании без награды. За 2 500 рублей можно было до 23 июля попасть в список благодарностей (это сделали 78 человек). Опции «спонсор проекта» (100 тысяч рублей) и «меценат проекта» (500 тысяч рублей) остались невостребованными.

Политолог Екатерина Шульман участвовала в продвижении идеи, потому что, по ее мнению, «такого рода материалы разгоняют пространство фэйка и фальсификации, в котором мы вынуждены блуждать, и которое делает нашу страну страной с непредсказуемым прошлым». «Непредсказуемое прошлое — очень вредная вещь, оно размывает наши нравственные основы. Плохо жить в пространстве, в котором

то, что происходит сегодня, может быть завтра оценено совершенно противоположным образом. Любой луч правды, любая объективная истина, любые точные данные разгоняют этот ядовитый туман, который токсичен для всех, кто вынужден в нем находиться, даже для тех, кто не знает, что он на самом деле в нем находится: тотальная ложь и тотальная фальсификация воздействуют на каждого. Поэтому правда и просвещение целительны для общества».

Журналист и телеведущий Андрей Лошак также выступил в поддержку проекта: «Важно это сделать самим, без помощи каких-нибудь иностранных фондов, тем более польских, а именно на собранные здесь, в России, нашими согражданами деньги. Помимо гордости своей историей — именно так у нас сейчас государство понимает патриотизм — не менее важной частью патриотизма является момент нравственного самосознания, которое невозможно без искупления собственных ошибок, совершенных на протяжении истории народа. <...> Сейчас у нас очень печальный тренд в обществе: забывать прошлое, не замечать ошибки, не извлекать из них уроки, а наоборот — идти навстречу тем же граблям и с высокой степенью вероятности повторять их. Важно испытать очищающее чувство покаяния за все, что было, потому что без этого нация впадает в смертный грех гордыни, и ничего хорошего и созидательного построить не может».

Важным для всех россиян, не меньше, чем для поляков, считает выход книги историк и журналист Николай Сванидзе. Потому что Катынское преступление совершили «на территории Советского Союза, это было у нас, это была наша страна. Это было наше руководство. И это наша ответственность, в том числе сегодняшняя».

Главный редактор издательства «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова называет «страшными» тенденциями «попытки реабилитировать душегубов, Сталина и его подручных, как "эффективных менеджеров", как символ великой страны». «Я считаю, что нет большего морального преступления. Более того, будучи даже нерелигиозным человеком, я считаю, что это чудовищный грех, и если это произойдет, у страны не будет будущего» — говорит Прохорова.

В книге будет около 900 страниц, над ее макетом работает известный графический дизайнер Борис Трофимов. «История почему-то все время повторяется. Мы опять в каком-то жестком, обиженном состоянии находимся по отношению ко всему миру. Мне кажется, это такое заблуждение, которое

нужно преодолевать только любовью» — считает дизайнер «Убитых в Катини».

Книга выйдет в Москве к 17 сентября 2015 года, 76-й годовщине ввода советских войск на территорию Польши в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа.

Имена 4 415 расстрелянных в Катини польских военнопленных будут также опубликованы в интернете. А в «Мемориале» уже идет работа над составлением второй книги памяти — о расстрелянных в Медном польских узниках Осташковского лагеря.

В год 75-летия Катынского преступления общество «Мемориал» издает книгу памяти «Убиты в Катини». Впервые на русском языке будут опубликованы краткие биографии 4 415 польских военнопленных, узников Козельского лагеря, расстрелянных весной 1940 года и захороненных в Катынском лесу в урочище Козьи горы под Смоленском.

«НАЗВАТЬ ПОИМЕННО»^[1]

Творчество Анки Групинской (р. 1956) — это феномен в польской литературе о Катастрофе и польско-еврейских судьбах, феномен, выросший из работы автора в познанских независимых журналах «Час» и «Час культуры», для которых она брала интервью. Выбор собеседников, таких как, например, Юлиан Стрыйковский, Генрик Гринберг, Амос Оз, свидетельствует о самых ранних ее интересах, но более всего, как она сама неоднократно подчеркивала, на нее повлияла беседа с Марекком Эдельманом, возобновленная спустя годы. Все книги Анки Групинской — особенные, неповторимые, непохожие друг на друга — возникают из опыта индивидуальных разговоров с отдельными людьми, разговоров, происходивших в Израиле и в Польше. Однако прежде всего она была хроникером судеб бойцов Варшавского гетто, мужчин и женщин, о чем свидетельствуют дополняющие друг друга публикации: «По кругу. Разговоры с бойцами Варшавского гетто» и «Опять по кругу. Разговоры с бойцами Варшавского гетто», а также книга «Прочтение Списка. Рассказы о еврейских повстанцах». Новые беседы приносили новую информацию, и книги неоднократно обновлялись и дополнялись. Важная область деятельности А. Групинской — редакторская работа, результатом которой стали дневник-повесть Эугении Шайн-Левин «В Варшавском гетто: июль 1942 — апрель 1943» и «Дневник из подполья» Баси Темкин-Бермановой. Групинская также подготовила фотоальбомы и организовала выставки, на которых были представлены довоенные и военные фотографии варшавских евреев. И наконец, особое место в ее творчестве занимает книга «Здесь трудно встретить Лилит. Рассказы хасидских женщин», над которой Групинская работала, когда занимала пост атташе по культуре польского посольства в Тель-Авиве. В течение ряда лет она создала собственную формулу изустной истории. Непосредственным результатом проектов, в которых она участвовала, стали книги «Бунтовщики. 70-е и 80-е годы в Польше» (в соавторстве с Иоанной Вавжиняк) и «12 еврейских историй» — дюжина избранных рассказов из множества записанных ею повествований о еврейском мире довоенной, военной и послевоенной Польши.^[2]

Вслушиваясь в сохранившиеся после Катастрофы голоса, в голоса уцелевших, необходимо совершенно определенно отдавать себе отчет в том, что большинство имен исчезло.

Есть такая книга — «Межевой столб» (1994) Петра Матывецкого, зачатого в гетто, рожденного уже на арийской стороне. Его философские медитации на тему Катастрофы завершает самый объемный во всей работе раздел под заголовком «Фразы из гетто» — это сгруппированные по тематическому принципу фрагменты написанных в гетто документов (хроник, дневников, заметок и т.п.), сопровождаемых своеобразным, намеренно неполным, выражающим беспомощность комментарием. Однажды Матывецкий определил свой труд как «восстановление в памяти». Автор (если позволительно его так называть, скорее, может быть, лектор? редактор? — впрочем, подобные сомнения возникают и по отношению к А. Группинской) проблематизирует уже само переписывание, выбор цитат и одновременно придает этой работе ранг деяния:

Надо найти особенный стиль цитирования документов из гетто. «Этот стиль должен создавать дистанцию вне прецедентов — не дистанцию иронии, не историко-объективистскую, не эпико-художественную. Это должна быть дистанция несуществования, атеологическая и агуманистическая: Их нет, и ничто не в состоянии обосновать, или объяснить, или обнаружить смысл Их несуществования.

Так что каждый документ должен быть по отдельности окутан этой пустотой, отсутствием смысла».

Теперь я знаю, что об этом не надо заботиться — такая дистанция несуществования попросту существует...^[3]

Одну из выписок, приведенную в части, озаглавленной «Вымирание семей», Петр Матывецкий комментирует следующим образом:

Погибает вся семья. Голод, тиф, расстрелы. На глазах у всех исчезает один из домашних миров. Если чья-то жизнь соприкасалась с домом, то, даже если кто-то из домашних умирал, он оставался в кругу семьи как ее умерший. Когда погибает семья, ее умершие исчезают в никогда-не-существование. Чужие помнят, но не обеспечивают семейной памяти, будущего. Авторы дневников предчувствовали конечное отчуждение: ведущее к безвестности уничтожение семьи семей, народа восточных евреев, насельников здешней земли. На чужих глазах у всего мира^[4].

Такие размышления, многократно возникающие в «Межевом столбе», составляют суть книги Матывецкого. Поэтому повторю еще раз, что это должно тяготеть над всеми деяниями по поиску имен и фамилий, — как неприменный негатив такой работы. Во многих отношениях подобные раздумья особо близки записям Группинской. Оба, она и Матывецкий, словно бы имели дело с сакральными текстами, схоже подают рассказы о еврейской судьбе, документы Катастрофы, имена и фамилии. Оба верят в правду, которую хранят эти тексты, и оберегают ее.

Оставаясь еще на минуту в русле поэтики перечисления произведений, родственных книге Группинской, важно отметить дополняющие (даже по сути идентичные записям, составляющим «Прочтение Списка») книгу Марека Эдельмана «И была любовь в гетто» биографические справки, которые он поместил в заключительном разделе, снабженном своеобразным заголовком (как таковой он фигурирует в содержании): «Я уже последний, кто знал этих людей по имени и фамилии, и пожалуй, никто никогда их уже не вспомнит»^[5]. Он записал все фамилии, которые запомнил в гетто, — и бойцов и не бойцов.

Это, надо сказать, знаменательная встреча текстов, учитывая исключительную роль Марека Эдельмана во всех еврейских проектах, предпринятых Группинской. Во всяком случае, в опубликованном на страницах «Газеты выборчей» обсуждении «Прочтения Списка», участие в котором приняли Казимера Щука, Витольд Бересь и Томаш Лубенский, К. Щука подчеркнула, что создание книги было вдохновлено Марекком Эдельманом, причем не только потому, что он вместе с Целиной Любеткин и Антеком Цукерманом в 1943 году в Варшаве составил список бойцов Еврейской боевой организации (не случайным в этом контексте кажется, что А. Группинская последовательно пишет существительное 'список' с большой буквы). Современная исследовательница утверждает, что выросшая из списка спустя почти шестьдесят лет книга Группинской (первое издание вышло в 2002 году) в значительной мере является очередной версией его [Эдельмана] рассказа о восстании, что подтверждает сама Группинская, когда пишет: «Это мое прочтение списка было авторизовано Марекком Эдельманом. И несмотря на то, что не лишено ошибок, пусть таким остается»^[6].

Но все же интересно было бы сравнить, как строят свои повествования об участниках восстания один из его лидеров и его слушательница, многократная собеседница, даже, можно сказать, друг. Интересно еще и потому, что Эдельман написал

краткое вступительное слово к «Прочтению Списка», а Группинская в своем предисловии к книге ссылается на мнение Эдельмана, что это опоздавшая работа [ПС, 15]. Можно еще указать и на различие в поэтике записей — у Эдельмана более связных и, хотя автору и не чужда личная интонация живого рассказа, более напоминающих энциклопедические статьи. Но так или иначе его записи вырастают из индивидуальной памяти, в них выразительно обозначается авторское «я» (Эдельман пишет: «Я его знал» или «Он был моим учителем»), в то время как повествование Группинской основано на многоголосье.

Однако в данный момент меня больше всего интересует, чем замечательны записи Группинской. Я бы назвала их поэтическими, желая таким образом подчеркнуть значение языка, изобретенного Группинской, чтобы свести в единое целое истории, которые ей поведали и которые ей не принадлежат (в какой-то момент она называет их собственными-чужими [ПС, 17]).

Список отсутствующих

Что узнаёшь из этой книги? (А узнаёшь много, пусть и не как из учебника; автор убеждает, что каждое из сведений, которые она приводит, имеет свой источник, достоверный ли — это не столь важно [ПС, 17], ибо не в том суть изустной истории, на которой основан проект.) Сначала мы узнаём то, на что Анка Группинская сама обратила внимание в своем списке:

Мой список также неполный. Быть может, неточный, быть может, с ошибками. Я записала имена 246 апрельских повстанцев, 29 еврейских и 13 польских участников Еврейской боевой организации. Я нашла 20 фамилий членов организации, замученных в январе 1943 года. Насчитала 308 варшавских членов организации, живших в январе 1943 года. 275 сражались в апрельском восстании. 20 погибли в ходе январской акции. (В этой книге нет рассказов об арестованных членах Еврейской боевой организации и о казненных до января 1943-го.) Я установила, что 31 повстанец пережил восстание и войну. Понятно, что я не смогу — это уже, пожалуй, невозможно — составить полный список имен [ПС, 15].

И далее:

«Список погибших при защите Варшавского гетто», который я называю лондонским списком, — это первый источник для рассказа об апрельских повстанцах в гетто. Я репродуцирую этот список и точно переписываю. Затем упорядочиваю: дописываю очередные фамилии январских повстанцев [речь идет о первой вспышке

восстания в начале 1943 года — А.Я.] и повстанцах апреля, я делаю пометки при именах тех, кто оказался в списке ошибочно, вношу фамилии еврейских и польских связных Еврейской боевой организации. Я подсчитываю число повстанцев и рассказываю о них [ПС, 16].

Я, читая, обращала внимание на несколько иные вещи. Читая, я подчеркивала даты дней рождения, отдавая себе отчет в том, как немного их сохранилось, далее отмечала людей, количество которых посчитать значительно труднее, убитых уже в лесу, уничтоженных Армией Крайовой или выданных людьми, к которым они обратились за помощью, — так было в случае с самым молодым из повстанцев, тринадцатилетним **Люсиком Блоне́зом (Элиезером)**: на него донес поляк, ранее обещавший, что спрячет его вместе с группой других бежавших из гетто; «Мужик жаловался потом по деревне, что получил слишком маленькое вознаграждение за евреев», — отмечает Групинская [ПС, 37]. А вот **Бронек (Борух) Шпигель**, скрывавшийся вместе с ещё несколькими людьми в Варшаве с осени 1943 года, «после [августовского — А.Я.] восстания не ушел из города, потому что боялся поляков [ПС, 124]. Знаменательной кажется также судьба **Владека Свентоховского**, поляка, отмеченного медалью «Праведник мира» за то, что во время оккупации, работая в пожарной охране варшавской электростанции, он в апреле 1943 года, когда тушил в гетто пожары, старался помогать встреченным евреям, нескольких укрывал в своей квартире, других переправлял в Варшаву. Рассказ о нем завершается, как многие подобные истории:

После войны он жил в Клодзке, у него там был какой-то магазин. Потом он вернулся в Варшаву и стал большим начальником, но не хотел записываться в партию, и его выгнали с работы. Бедствовал, пробавлялся кустарным трудом: мастерил авторучки, лудил в слесарной мастерской чайники. Но не терял присутствия духа и дружил со своими подопечными времен оккупации, а вот в 1968 году у него начались серьезные проблемы. Может быть, потому, что он получал посылки с апельсинами и красивые платья для дочери? Его допрашивали, за ним следили, так что он уже боялся выйти на улицу. Умер он в поразительном одиночестве в 1997 году [ПС, 131].

Читаю о **Марии Савицкой**. Со снимка, помещенного на странице, улыбается пожилая женщина в шляпке: «„Мария Савицкая была связной Еврейской боевой организации”, — без колебаний утверждал Марек Эдельман в 2000 году. После войны работала в каком-то учреждении, в детском саду, шила летние платья. Жила одиноко, от восточки к восточке от друзей из далекого Израиля. Умерла 17 августа 1996 года в Лодзи. Ей был

девятию один год. (Медалью «Праведник мира» была отмечена в 1964 году.)» [ПС, 115] Похоже текла жизнь евреев, которые уцелели: **Сара Бедерман / Бидерман (Крыся Серафин)**, например, «была очень грустной, страдала душевной болезнью. (...) Была мудрой, но жизнь ее оказалась печальной, судьба печальной» [ПС, 32]. По-иному трогают сведения о тех, кто все еще жив, как **Реня Фрыдман**, сегодня **Зося Сквижевская-Высоцкая** (Группинская ссылается на беседу с ней 2014 года [ПС, 57]).

В «Прочтении Списка» выстраивается своеобразный фоторобот типичного повстанца: очень молодого (даже о **Иехиэле Гурном (Юре, Хиле)** Группинская могла написать: «Родился в 1908 году. Был одним из «стариков» в Еврейской боевой организации, поскольку в 1943-м ему было тридцать пять лет» [ПС, 66]; или похожее: «**Дов [Шнипер]** был старше всех, ему могло быть тридцать лет»), необязательно хорошо образованного (многие были вынуждены рано начать работать, при этом вступали в объединения, товарищества и т.п.), общественно активного [ПС, 118]. Может быть, самое важное — это обстоятельства смерти и необходимость их указать, ибо, пусть эти обстоятельства и повторялись, но всегда были единственными, поэтому необходимо записать, что **Береку Шнайдемлю (Адаму, Абраму)** гранатой разнесло голову [ПС, 123]. Иногда складывается впечатление, что Анка Группинская проводила своеобразные «рекогносцировки на местности» касательно своих героев, как в случае **Гуты Тайхлер**, которая погибла 31 августа 1943, а после войны была похоронена на еврейском кладбище в Варшаве; к этой информации Группинская добавляет: «Фамилии Гуты нет ни на одном из полутора десятка надгробных мацев» [ПС, 131]. Хуже всего — это неизвестность: «Неизвестно, погибли ли девушки [**Тема Шнайдерман (Ванда Маевская)** и **Леа Перельштайн — А.Я.**] на Умшлагплац или в Треблинке» [ПС, 122]; «Неизвестно, пережил ли **Шломо** [известный только по имени — А.Я.] восстание, пережил ли войну» [ПС, 121]; **Ярдена Розенберг** «погибла во время апрельского восстания при обстоятельствах, которые никто не помнит» [ПС, 110]. Лишь раз в записанных Группинской историях эта неизвестность касается следующего поколения — в рассказе о **Рахельке Зильберг, Саренке**: «„Известно, что Майя, дочь Саренки, в литовской семье получила имя Ядвига Сугак. Ее так и не удалось найти, несмотря на множество попыток“, — написал из Израиля Реувен Алони, оставшийся вдовцом муж Рут, сестры Рахельки» [ПС, 141].

Остаются еще моменты, которые, если бы не контекст, можно бы назвать забавными деталями, и которые, я думаю, именно

так и задуманы. Это информация о том, что кто-то увлекался музыкой, а **Фейче Рабов (Ципора)** была «малорослой девушкой с восхищенным лицом и мечтательными глазами» [ПС, 105]. **Тэму Шнайдерман (Ванду Маевскую)** запомнили, как «очень худую, стройную, невероятно храбрую» [ПС, 122]. **Якуб Целеменский (Целек)** «выглядел, как сто поляков. И был смелый» [ПС, 43]. И это важно, именно здесь мы прикасаемся к размытой границе детали рассказа и жизни: «выглядел, как сто поляков, и был смелый», поэтому мог стать курьером еврейского подполья; как внешность, так и его занятия определили его судьбу — выжившего, умершего в 1986 году в Нью-Йорке. О **Гене Шульман**: «Записано, что она была нежная и сердечная. И что однажды позаботилась о бездомном мальчике — организовала сбор средств и нашла для него убежище» [ПС, 127]. О **Мириам Шифман**: «Кто-то отметил, что ей не давалась конспирация, потому что по ее сияющим глазам все видели, что она только что вышла из гетто» [ПС, 130]. **Казик Ратайзер**, вспоминая **Двору Баран**, рассказывает, что, «когда горело гетто и оттуда несло гарью сожженных тел, Двора тосковала по запаху волынских лесов» [ПС, 29]. О **Метеке Штерне** мы узнаём, что «он как-то украл из конторы магазина пишущую машинку и в квартире на улице Новолипе, 53 печатал на ней воззвания» [ПС, 126]. Об **Израиле Вильнере (Ариме, Юреке)**: «По природе он был очень робким и колебался между отчаянием и надеждой» [ПС, 137]. О нем «есть много записей», что он «призывал повстанцев к самоубийству». Потому что (Группинская приводит цитату из его дневника, запомнившуюся **Мелаху Нойсштадту**): «Есть события, которые потрясают тебя, направляют мысли на новые пути, по которым еще не ступала нога человека» [ПС, 138].

К чему это я? Обращаюсь — в какой-то мере случайно — к записи о **Толе Блюменфельд**:

Была членом Польской рабочей партии. Входила в Еврейскую боевую организацию. Продавала цветы у стены гетто. И еще известно, что она — дочь раввина, что была очень молодой, с короткой стрижкой, светловолосая. Кажется, после апрельского восстания скрывалась с другими уцелевшими в гетто в подвале на улице Медовой, 14 или 24. И это убежище выдали польские соседи. Толе было восемнадцать лет [ПС, 35—36].

Здесь целый пассаж, посвященный ей, в нем есть все, что характерно для судьбы повстанца, все, о чем пишет Группинская: возраст, работа, — вплоть до обстоятельств смерти. А одновременно сплошные пробелы в этих восемнадцати годах, несомненно богатых событиями.

Была ли Толя Блюменфельд героиней? А может, был героем **Абраша Блюм**? «Слабосильный, боец без оружия, он звал людей на борьбу словом и поступком» [ПС, 35]. Это он, словами: «Я думаю, что мы отсюда выйдем», — подвигнул Марека Эйдельмана вывести его группу из гетто. Или **Борух Пельц**, который на Умшлагплац обратился с речью к согнанным туда евреям, чтобы те не входили в вагоны. Все погибли на площади. Был героем? Или скорее, те, кто, как **Юда Конский**, на допросе, под пытками, не выдавали своих товарищей? А как отнестись к поступку **Анелевича**? Когда он приказал забрать пистолет у раненого **Майлоха (Мейлаха, Мелаха) Перельмана**, чтобы тот не совершил самоубийство, потому что, говорил командир, каждая пуля может убить одного немца [ПС, 102]. Несомненно, яркими и одновременно героическими были действия **Нюты Тайтельбаум (Рива, Ванда Витвицкая)**; после выхода из гетто во время Большой акции (1942) она была связной:

О ней рассказывают такую историю. В немецкую комендатуру входит молодая, невысокая девушка. На голове цветной деревенский платок, по плечам длинные, цвета соломы, косы. В руках держит кошелку. На пороге робко останавливается. Объясняет, что по личному делу. Из-за стола поднимается высокий, плечистый немец с нашивками СС. С удивлением глядит на девушку и восклицает: «Gibt es bei euch eine Lorelei?!» («У вас тут и Лорелея?!») Девушка из кроткой крестьянки превращается в Юдифь, выхватывает револьвер, стреляет и исчезает. Канвой этого рассказа послужило подлинное событие начала 1943 года. Ванда Витвицкая стреляла тогда в трех агентов гестапо, живших на Хмельной улице. Один из немцев оказался лишь ранен, его отвезли в больницу. Тогда Ванда, переодевшись врачом, смело вошла в больницу, застрелила полицейского, охранявшего боксы, и застрелила третьего агента [ПС, 133].

Была арестована 19 июля 1943 года, подверглась пыткам, но никого не выдала; неизвестно, где ее убили — в тюрьме «Павяк» или в гестапо на аллее Суха.

Со времени первых публичных выступлений Марека Эдельмана мы поняли, что героизм (не только по отношению к участникам апрельского восстания) — это проблемная категория. Книги Анки Групинской наглядно показывают еще вот что: как много зависит от асимметрии биографических записей, самые краткие из которых занимают от силы пару строк, а самые подробные не больше страницы-двух; информация, которую удастся собрать, определяет, что кто-то становится героем, а кто-то иной — нет. Случайно, но это не значит, что незаслуженно.

И еще: они в абсолютном большинстве были ровесниками с «поколением Колумбов». Это одна из мыслей, которые не дают мне покоя. И вторая: мне хотелось бы прочесть подобным образом написанные истории о повстанцах августа 1944 года.

Автор — глашатай

Я не знаю, откуда взялась форма имени, которой пользуется во всех своих публикациях автор «Прочтения Списка». Однако у меня складывается впечатление, что этот специфичный диминутив, в котором грубоватая нежность передает черты авторского стиля, каким-то образом предопределил обращение к повествованию о жителях и бойцах гетто. (Сама Группинская говорит, что ее «астральная сестра» — это соавтор «лондонского Списка» Целина / Цивя Любеткин, родившаяся в тот же день и месяц, что и она, но в 1914 году. А еще известно, что автор «Бунтовщиков» отмечена еврейской судьбой — по отцу, единственному уцелевшему из семьи, жившей в еврейском местечке под Станиславом). Эта книга для нее — личное дело, учитывая дружбу с Эдельманом, но не только поэтому^[7].

В авторском вступлении к «Прочтению Списка» Группинская так характеризует свою работу:

Я собираю клочки, фрагменты самых разных записей и вычитываю из них истории о привязанностях, о тоске по Эрец Исраэль, о незавершившихся любовях, выписываю рассказы об умирании. Я ищу подробности, которые позволяют мне представить себе тот мир. Хочу сохранить как можно больше. Иногда я не нахожу ничего — остается только имя из списка. Я пишу отчасти чужими, а отчасти своими словами. В еврейских текстах парень был «светлый» — не блондин, а именно светлый. Так что в моей книге светлый Юрек Блонес и светлый Зигмунд Фрыдрых. Какие-то вещи звучат коряво — например, что кто-то выглядел слишком небезопасно или у кого-то была безопасная внешность. Я не смогла поизящней [ПС, 15; выделено мною — А.Я.].

Важно, что, например, рассказывая о двух вооруженных восстаниях, Группинская называет их попеременно «апрельским», «августовским», «этим в гетто», «польским» (все же в подзаголовке книги речь идет о варшавских восстаниях Еврейской боевой организации). В этом вступлении, значение которого трудно переоценить, автор добавляет также, предвидя возможные упреки в неясности некоторых определений: «Цукерман записал, что Арнштайн говорил „еврейским языком, исполненным пафоса и восклицаний, но это был настоящий язык”. Так что и я пишу,

что Арнштайн говорил настоящим языком, — что бы это ни значило, как бы это ни толковать. Пусть решает слушатель моих чужих рассказов» [ПС, 17]. Впрочем, Группинская часто в скобках объясняет, досказывает то, что могло бы быть непонятным, отсюда также и остальные, интегральные части книги: объяснение названий, понятий, терминов и предложение нового упорядочения фамилий повстанцев — по группам, в которых сражались, и локализации групп («Новое прочтение Списка»).

Автор не боится прилагательных, но и не злоупотребляет ими: «В рассказах о повстанцах нет ни одного факта, события, никакой информации, ни одного прилагательного с целью вымысла, преувеличения или украшения. Все они откуда-то почерпнуты» [ПС, 17]. Поэтому, например, в записи, посвященной Дову Шниперу, возникают следующие формулировки: «Он был низкого роста и очень черный, милый, но не имел успеха, поэтому вязался ко всем девушкам» [ПС, 123, выделено мною — А.Я.]. Даже если бы Группинская записала (воспользуемся ее собственными словами) «поизящней», более гладко, такие формулировки ей бы не принадлежали. Потому что характерная черта стиля данной книги — это облачение автора в язык героев, инкорпорирование этого языка. Поступок, акт в высшей степени нерациональный, даже метафизический.

Заголовок вступления, «Записывание Катастрофы», комплементарен по отношению к названию книги, в котором «прочтение» — это также, или, скорее, прежде всего, «прочитывание», действие непрекращающееся, возобновляющееся: «Я пробую прочесть ее наново. В 2014 году — в очередной раз. Потому что после первого издания книги в 2002 году я в течение многих месяцев получала письма, написанные от руки и написанные на компьютере, шли телефонные звонки из Польши и заграницы, — приходили небольшие исправления, дополнения, опровержения, клочки новых деталей» [ПС, 14]. Рассказывая, довольно скупое, о том, как создавалась книга, Анка Группинская ищет, прежде всего, адекватные глаголы — они должны были способствовать работе воображения, сначала ее собственного, а затем и читателей; так, Группинская говорит, что хотела «выразговорить» (этот неологизм вмещает в себя нечто большее, чем «внимательно выслушать»), что ее работа основана на попытке «реконструкции армии, которая никогда не была сформирована» [ПС, 13]; я бы добавила, что Группинская по-прежнему упорно ее формирует, поскольку очередные издания дополняются новыми фамилиями. В каком-то смысле

они, ее герои, также оказываются именно глаголами: они извлечены из прошлого, иногда из современности, им наконец дано слово. Они уходят. Группинская записывает именно их бытие, движение во времени.

Также важен подзаголовок «Прочтения Списка» — «Рассказы о варшавских повстанцах Еврейской боевой организации», который автор объясняет по-своему: «Я записала рассказы и истории других. Моя книга — это рассказ чужих (и отчасти моих) рассказов» [ПС, 18, выделено мною — А.Я.]. А несколько ранее в скобках Группинская замечает, и это кажется мне ключевым моментом: «Я писала мою книгу таким языком, на каком я слышу эти рассказы. **(Потому что язык иногда, как картина, может показать, а не объяснить или растолковать.)**» [ПС, 17, выделено мною — А.Я.]. Поэтому записи, посвященные отдельным людям, я стараюсь не называть биографическими справками (какими были, скорее, заметки в выше упомянутой книге Марека Эдельмана). Возможно, более точно было бы определить их как портреты, а если лаконичный характер информации исключает такую квалификацию, то набросками — иногда лицо героя лишь едва заметно на дальнем плане. Но так или иначе интегральной частью книги оказались фотографии повстанцев (насколько эти снимки сохранились), напечатанные при заметках, посвященных отдельным людям. Тут, надо сказать, часто возникает интересное напряжение между фотографией и рассказанной Группинской историей, как в случае **Шаанана Лента** или **Абы Гертнера**, который погиб в возрасте девятнадцати лет, а мы видим его на довоенной фотографии, может быть, десятилетним мальчиком, кажется, в матросском костюмчике. Подобное значение приобретает в этом контексте затертая, нечеткая фотография **Маргалит Ландау (Эмильки)**.

Что еще важно — неукоснительное авторское выделение шрифтом имен собственных показывает, как Группинская их трактует. (Я могу и хочу поступить так же, выделяя написание имен и фамилий людей, о которых говорится в «Прочтении Списка»).

Я привожу их [повстанцев — А.Я.] имена в разных звучаниях, разных написаниях: много имен и короткая история. Иногда это только обозначения, что имя было записано, и что я не нашла никаких сведений. И в записи иностранных фамилий и слов есть некий принцип, несмотря на кажущуюся непоследовательность. Одни фамилии я склоняю (например, пишу «Миттельмана»), другие нет, потому что они не склонялись (так, «группа Генека Каве», а не Кавы) [ПС, 16].

Эдельман также приводит имена так, как их запомнил. Оба стремятся зафиксировать все версии имени, все фамилии. Группинская иногда снабжает имена дополнительным комментарием: «На самом деле **Шнайдомиля** звали **Адам**, но его называли Берек, потому что он был хорунжим в польской армии и был сильным и смелым еврейским солдатом, как Берек Йоселевич» [ПС, 123]. А **Беньямина Вальда** (р. 1920), «хотя он был так же молод, как другие, называли [...] «тателе». Может быть, потому, что он был теплый и заботливый» [ПС, 135]. Интересными и важными оказываются также отсылки, иногда обширные, посвященные лицам, которых не оказалось в списке: например, **Сара Файгенбладт** появляется в рассказе о ее брате **Якубе (Яцеке)**, а **Геля Шустер** упоминается в записи о **Шламеке Шустере**. Таким образом единичная судьба оказывается отмеченной крупнее.

Стиль Анки Группинской — это сплав бытийного стиля, разговора, это еще и стиль построенных ею фраз, в значительной мере эпитафийных, но прежде всего и преимущественно еврейских, в том смысле, в котором говорят о еврейских пластах в любом языке^[8]. Особенно характерны заключительные предложения ее записей, она часто повторяет в них имя героя или приводит информацию о возрасте. Так, например, в довольно коротком рассказе о **Моше Циглере**: «Быть может, на улице Милой, 5 погиб **Моше Циглер**» [ПС, 47]. Или: «Неизвестно, когда, где и как погибла **Геня Шульман**» [ПС, 127]; «Неизвестно, когда погибла **Мириам Шифман**, распространительница бундовской прессы» [ПС, 130]. Впрочем, следует заметить, что о ней Марек Эдельман в 2009 году написал иначе: «Ее муж, как и она, активный деятель «Цукунфта», погиб во время первой акции. Остался от них прекрасный фотоснимок. Молодая влюбленная пара стоит на углу улиц Генсей и Заменхофа, улыбаются друг другу. Она погибла на Генсей, 6, застреленная в кровати немцами»^[9].

Группинская ни разу, никогда не выказывает и не подчеркивает свое присутствие. Складывается впечатление, что она хочет быть прежде всего глашатаем, чтецом имен, как Векслер-Вашкинель, оплакивающий евреев, убитых во время Второй мировой войны, как жители Люблина, зачитывающие имена и фамилии своих уничтоженных еврейских соседей. Именно поэтому она, а не кто-то иной, смогла составить «Прочтение Списка». Она стремится к тому, чтобы несомненно авторские пассажи, которые я называю поэтическими, были значительны отнюдь не в связи с нею самой. Как будто она была послана языком.

Я ищу адекватное определение для опыта, в котором Группинская встречается с читателем своей книги, своего рода синоним для «прочтения Списка». Быть может «learn by heart» (буквально: «научиться сердцем»)? В польском языке англоязычную идиому передает фразеологизм «выучить наизусть»; это, конечно, не тождественные выражения, поскольку в английском принудительность, усилие уравниваются чувством, иррациональной потребностью сердца. Однако в польском языке есть другой замечательный оборот: «принять к сердцу» (а также: «у кого-то что-то лежит на сердце»), что, возможно, не обязательно означает «запомнить дословно», но кто знает, не означает ли большего; и возможно, именно этот оборот точно описывает, как Анка Группинская читает свидетельства, оставленные уцелевшими в Катастрофе:

Мы читаем очередной текст в поиске значимой детали. А между текстами — пространство для молчания. Без него нет фиксации Катастрофы. И вот мы на мгновение охватываем немыслимую действительность — и вновь понимаем это немое пространство, потому что за ним сокрыта подробность, благодаря которой через секунду мы соприкасаемся с воображимым миром [ПС, 13].

-
1. Заголовок в оригинале — «Poimienno nazwat'». По-польски статья будет опубликована в книге «Niezależna. Próby o Ance Grupińskiej», red. J. Budzik, B. Koper, которая выходит в краковском издательстве «Пасаже».
 2. Библиографическая информация о А. Группинской почерпнута из статьи: Кароляк С. Анка (Анна) Группинская // Великопольский алфавит писательниц. Ред.: Красковская Э., Мажец Л. Познань, изд. «WBiSAK» (на польск. яз.). С. 85–88.
 3. Матывецкий П. Межевой столб. Варшава, изд. «Латона», 1994 (на польск. яз.). С. 183–184.
 4. Матывецкий П. Цит. соч. С. 281 (выделено мною — А.Я.).
 5. Эдельман М. И была любовь в гетто. Выслушала и записала П. Савицкая. Варшава, изд. «Свят ксёнжки», 2009 (на польск. яз.). С. 163.
 6. Группинская А. Прочтение Списка. Рассказы о варшавских повстанцах Еврейской боевой организации. – Воловец, изд. «Чарне», 2014 (на польск. яз.). С. 17. Далее ссылки на это издание даются в тексте с использованием сокращения ПС и указанием страницы.
 7. Во вступлении к первому изданию «Прочтения Списка»,

которое, в принципе, отличается от последнего издания двумя следующими абзацами, Группинская помещает признание: «У этой книги уже есть ее первые читатели. [...] Они не спрашивали, почему я ее написала. Но я скажу. Я написала «Прочтение Списка» потому что считаю, что никто, кроме меня, такую книгу написать не может, а написать ее нужно было. Я написала ее, потому что в моей жизни в течение многих лет присутствует Марек Эдельман, и дружба с ним дала мне право и честь ее написать. Я написала ее, потому что чувствую свою сопричастность к этому — все менее существующему — миру». Группинская А. Прочтение Списка. Рассказы о варшавских повстанцах Еврейской боевой организации. — Краков: изд. «Выдавництво Литерацке», 2003 (на польск. яз.). С. 21 (выделено мною — А.Я.).

8. См., напр.: Матывецкий П. Два дыхания. Очерки о еврейско-христианской идентичности. Варшава, изд. «Вензь», — Варшава, 2010 (на польск. яз.). С. 9: «Я полагаю, что существует фундаментальная еврейскость каждого языка, польского также, хорошо известная поэтам — слугам предвечной аллитерации, мастерам природной аллитерации».
9. Эдельман М. И была любовь в гетто. С. 189–190.

ЯН КАРСКИЙ: БОНД, КОТОРЫЙ ПЛАЧЕТ

Перед камерой Ян Карский выглядел, словно актер, который спасает мир. Но он мог бы сказать: я хотел спасти миллионы, но не спас никого. Победительный, трагический герой в великолепном документальном фильме Славомира Грюнберга «Карский и властители человечества». В кинотеатрах Польши он демонстрировался с 24 апреля этого года.

— Смотри и помни, запоминай, — повторял провожатый, который осенью 1942 г. знакомил Яна Карского с варшавским гетто. «В течение трех часов я ходил по улицам ада». Когда Карский рассказывал об этом перед камерой в знаменитой ленте Клода Ланцмана «Шоа», в какой-то момент он разражался коротким рыданием — от чувства собственного бессилия. «Я возвращаюсь к этому спустя много лет», — начинает он свой рассказ перед камерой, но вдруг прерывается и встает, будто усматривает какую-то фальшь в том, что сказал. И исправляет себя: «Нет, я к этому не возвращаюсь».

Те вещи, которые он тогда увидел в гетто, показались ему чем-то выходящим за пределы человеческого, невиданным до сих пор в мире, не представленным ни в какой книге, кинофильме или театральном спектакле. В документальной ленте Славомира Грюнберга, известного американского кинодокументалиста, лауреата премии «Эмми», который выехал из Польши в 1981 г., повторяется повествование Карского про обреченных на гибель людей из гетто. Перед нами то самое сообщение, которое этот эмиссар Армии Крайовой (АК) во время войны многократно, «словно машина», повторял на Западе, — всегда с той же экспрессией и репортерским талантом к воспроизведению деталей. Некоторым то, о чем он говорил, казалось невообразимым, преувеличенным. Фильм С. Грюнберга позволяет понять, почему так происходило.

*

Один из слоев этой документальной кинокартины образует анимация (была даже мысль, чтобы всю ее реализовать мультипликационным методом, как сделан «Вальс с Баширом» — израильский фильм 2008 г. об истории ветерана Ливанской войны). Тем резче выглядят переходы от анимационных сцен

из биографии Карского к немецким хроникальным сюжетам, снятым в гетто. Многие из этих кадров нам уже известны, они цитировались в кино. Мы уже видели эту женщину с ребенком на руке, движущуюся, будто безумная, в уличной толпе; трупы умерших от голода, которые подбирают с улицы и сбрасывают по деревянному желобу в общую яму. Однако при сопоставлении с мультипликацией эти картины вновь обретают первоначальную жесткую остроту и отчетливость. И в них по-прежнему есть что-то нереальное. Быть может, дело обстоит так, что мы всегда будем защищаться от этого, никогда не привыкнем, не освоимся с ними?

Главная ценность данного фильма заключается как раз в выявлении разрыва между реальной действительностью и тем, что мы хотим или можем усвоить из нее для себя. «Карский и властители человечества» — это кинокартина о герое. Но героизм сочетается у Карского с ощущением трагизма и бессилия.

Феликс Франкфуртер, член американского Верховного суда, выслушав в 1943 г. сообщение Карского, заявил: «Я вам не верю! Не могу утверждать, что вы лжете, но мой разум, мое сердце не в состоянии этого принять»... Он был евреем, но не хотел поверить в реальность гетто, потому что это потребовало бы от него определенных действий. Каких? — этого никто не знал. Тем временем Карский добивался их. От имени и во имя польских евреев он требовал поступков на грани возможного. В этом заключалась его миссия.

Он сделал всё, что мог, действуя по приказу АК как представитель польского эмигрантского правительства в Лондоне. Добрался до Черчилля и Рузвельта, до еврейских лидеров и до писателей (в том числе Герберта Уэллса и Артура Кёстлера).

Однако Карский не испытывал чувства, что цель достигнута. Парадоксально, но может быть, получается именно так, что те, которые сделали больше всех, ощущают инерцию мира особенно сильно и болезненно. «На глазах мира» — так звучало заглавие нашумевшей подпольной книги Марии Канн, активистки харцерского движения из «Жеготы», изданной тогда же в Варшаве. Это была — как вспоминает Владислав Бартошевский^[1] — единственная публикация о борьбе варшавского гетто. «На глазах мира, — писала Мария Канн, — на наших глазах, на глазах нашей молодежи убивали народ. Мы смотрели на это безучастно и ничего не делали». На долю поляков — независимо от всяких актов помощи и независимо

от их собственного мученичества — в принципе выпала роль пассивных свидетелей тотального уничтожения евреев. И с необычайной силой это ощущает именно тот человек, который сделал столь много.

Рузвельт принял Карского на 20-минутной аудиенции. В появившемся недавно фильме К. Ланцмана «Рапорт Карского», который дополняет «Шоа», Карский воспроизводит указанную аудиенцию минута за минутой — фрагменты этой ленты Грюнберг цитирует в своем кинофильме. Президент США, — рассказывает Карский, — каждым своим жестом создавал впечатление, что он является «властелином человечества» и ниспровергателем гитлеровской Германии. Еврейскую тему Рузвельт, однако, не поддержал. В разговоре он сосредоточился на Польше. Карский признавал, что и для него в тот момент самой важной тоже была польская проблема: будущие границы страны, Россия, коммунизм.

Сложилось так, что фильм Славомира Грюнберга я смотрел в настроении повышенной военной паники. Ощущая собственную незащищенность, мы боялись публично высказываемых где-то российских высказываний о необходимости «раз и навсегда смести Польшу с карты». Волна страха спала, но именно она позволила нам в воображении пристально, как никогда ранее, увидеть и испытать тот давний, ни с чем не сравнимый страх евреев и то их ощущение полного одиночества. Свидетельство Карского доказывает, что даже он не прочувствовал в полной мере действительность, существовавшую за стеной гетто.

То, чем эта реальность была на самом деле, Карскому по-настоящему объяснили осенью 1942 г. два представителя еврейского подполья, действовавшие при варшавском представительстве правительства Речи Посполитой, сионист и бундовец. Они дали ему возможность понять нечто такое, в чем мир вообще не отдавал себе отчета, а именно, что мы имеем дело с беспрецедентным во всей человеческой истории систематическим планом уничтожения целого народа. «Выигранная война не является решением, так как все мы к этому времени погибнем», — говорили эти евреи. Необходимо воздействовать силой. Бомбить немецкие города, выкупать еврейских детей. «Надо разбудить мир». Карский слышал тогда о планах восстания в гетто, которое должно послужить «демонстрацией и укором».

Спустя несколько месяцев он рассказывал об этом в Лондоне Шмуэлю Зигельбойму, представителю бунда при Национальном совете, субституте польского парламента.

Выслушав сообщение Карского, Зигельбойм воскликнул: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь им. Все!». Когда через несколько недель стало известно о поражении восстания в варшавском гетто, он покончил жизнь самоубийством. В этом и состояло его «всё». Зигельбойм оставил письмо, что он сделал все, что было в его силах, дабы помочь евреям в Польше, но ничего не добился, а потому хочет воссоединиться со своими братьями. «Я чувствовал себя так, — писал Карский в своей книге "История тайного государства", — как если бы лично я вручил Зигельбойму смертный приговор. Я размышлял над тем, сколько людей сумеют понять, что означает умереть таким образом, как умер он, ради дела, которое могло быть победным, но одновременно в полной мере осознавая, что даже победа не предотвратит истребления его народа, уничтожения всего, что имело для него величайшую значимость».

Если бы Карский — то есть Ян Козелевский, как звучит его настоящее имя, — не был реальной фигурой, а всего лишь героем романа или кинофильма, то он вписывался бы в классический образец героя поневоле — молодого человека, который ищет достойную себя задачу, причем как можно более трудную, пока не становится заложником великого дела, связанного с народом, который обречен на гибель. Герой этого ненаписанного романа (его зачатком была вышеупомянутая книга Карского, в 1944 г. ставшая в Америке бестселлером) принимает задание от подпольного правительства Польши, но отыскивает в своей жизни такие моменты, которые словно бы вели его в данном направлении.

Грюнберг подчеркивает их в своем фильме: это воспитание в многонациональной Лодзи; слова матери, что «все имеют одного Бога»; угрызения совести из-за того, что он не оказывал помощи жертвам антисемитских беспорядков в университете; это ставшая переломной разведывательная экспедиция в гетто и пересыльный лагерь для евреев. Он стал курьером, заложником дела. Карского выбрали, принимая во внимания его интеллект, фотографическую память и повествовательный талант. Он был великолепным рассказчиком, этот очаровательный человек с магнетическим взглядом и широкой улыбкой. Перед камерой Карский выглядел, словно актер, Джеймс Бонд, который спасает мир и которому удастся все, — так же, как ему удался побег из советского лагеря и из тюрьмы гестапо, где его пытали (у него наготове имелся яд), как удавались броски через всю охваченную войной Европу. Но это такой Бонд, который плачет. «Я хотел спасти миллионы, но не спас никого».

-
1. «Жегота» — кодовое название Совета помощи евреям, подпольной общественной организации, созданной в конце 1942 г.; одним из ее творцов был историк, публицист, дипломат и общественный деятель, узник Освенцима и боец АК В. Бартошевский (1922–2015). Прим. пер.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В начале девяностых годов в прессе проходила — повторяющаяся, впрочем, уже не раз — дискуссия на тему роли и значения интеллигенции. И не в первый уже раз ставились вопросы о том, что такое интеллигенция и существует ли она вообще, поскольку, как подчеркивалось, Запад обычно такого слоя не признает, однако признает и ценит тех, кто подпадает под определение «интеллектуалы». Быть может, и в самом деле интеллигенция — это социальная формация, присущая, прежде всего, Центральной и Восточной, а также Южной Европе, сложившаяся в XIX веке в странах, лишенных политического суверенитета, остававшихся под владычеством Турции, России и Австрии, а в XX веке оказавшихся во власти тоталитарной системы. Здесь интеллигенция, наряду с религиозными институтами, играла роль хранителя национальной идентичности, замещая в этой сфере отсутствующую политическую ипостась национального государства. После обретения независимости эти интеллигенты — писатели, философы, журналисты, то есть, прежде всего, гуманитарии, — оказались лишенными такой роли. Довольно интересно писал об этом Стефан Жеромский после 1918 года, указывая на исчезновение интеллигенции в освобожденной стране и на готовность интеллигенции служить самым разным политическим силам, выполняя при этом вспомогательную, второстепенную роль. Подобное происходит и сейчас, после 1989 года, когда интеллигенты, особенно старшего поколения, кажутся потерянными и неуверенными в своих силах в мире, где доминируют правила политической игры.

В статье «Элиты в упадке» на страницах «Тыгодника повшехного» (№ 31/2015) Магдалена Новицкая пишет: «Польша либеральная и солидарная, современная и смоленская, рациональная и радикальная — крестными родителями этих разделений являются именно интеллектуальные элиты. Своими высказываниями они натурализуют конфликт между якобы морально более благородной группой граждан и другой, зловредной (это действует в обе стороны). От чьего имени они это делают? В таком морализаторстве более всего сегодня заинтересованы медиа и партии, проводящие медийную

политику. Лет двадцать назад Марек Чижевский, исследователь общественного дискурса, писал, что польские элиты оказались соблазненными массами. В уверенности, что, кокетничая с общественностью, контролируют ситуацию, они не заметили, как, напротив, сами угодливо подчинились массовому спросу. Спросу на развлечение. Сегодня именно медиа соблазняют элиты, поддерживая в них мысль о том, что общественность в массе своей ждет голоса экспертов и интеллектуалов, которые объяснят мир и приведут его в порядок. Массы же разделились на десятки микросообществ, которые более охотно прислушиваются к голосу новых элит, то есть блогеров, локальных активистов, лидеров общественных движений, знаменитостей или героев медийных «шоу талантов», которые представляются им в большей мере аутентичными или, как минимум, более забавными, чем традиционные авторитеты».

Такие авторитеты — это, несомненно, наследие романтизма. О попытках преодолеть такое наследие интересно говорит в том же номере журнала философ Агата Белик-Робсон в интервью, озаглавленном «Бунт масс». Вспоминая начало девяностых годов, она обращает внимание на происходившие в то время перемены: «Когда в те годы, обитая между Варшавой и Лондоном, я приезжала в Польшу, я заметила резкое изменение в способе говорить о польском единстве, которое впервые перестало являться столь солидарным, как это было прежде. Произошел неожиданный переход от романтической парадигмы солидарности и обобществленной идентификации к антиромантическим установкам, к все менее скрываемым враждебности и отчужденности. (...) Романтизм в начале XIX века был языком, созданным для так называемых опоздавших стран, то есть примкнувших к новому времени второй волной. Польская культура и далее могла бы такой возможностью пользоваться. Но у нас не получилось. Несмотря на славные, но эфемерные попытки. (...) Это были опыты чисто академические, не пробившиеся в публичную сферу. И именно тут публичные интеллектуалы разочаровали. Вместо того чтобы приложить польскую романтическую модель к более масштабным, мировым вызовам, они стали истерически защищать ее замкнутую, локальную версию». Комментируя эту защиту, предпринятую интеллектуалами преимущественно правой или откровенно консервативной ориентации, А. Белик-Робсон подчеркивает: «Переделка не удалась, образец оказался слишком сильным, он их втягивал в поле гравитации черной дыры, которой является мессианская Польша — избранный народ, хотя неизвестно, для чего избранный».

Имеет смысл попутно вспомнить, что о ловушке мессианизма предупреждали создатели парижской «Культуры» Ежи Гедройц и Густав Герлинг-Грудзинский. Последний об этом писал напрямую во вступлении к одной из первых книжных публикаций Литературного института — переизданию «Книг польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича. Ничего удивительного, что Агата Белик-Робсон аллергически реагирует на тот «интеллигентский пережиток», который составляет понимаемый таким образом образец польского романтизма: «Интеллигентским пережитком является уже сама суть политики «Права и справедливости»: если эта партия придет к власти, то главным образом из-за того, что будит надежды на восстановление великодержавности Польши. И это притом, что такого рода суверенитет в условиях глобализации обрести нельзя, нет даже возможности его парафразы. И кто в самом деле столь мечтает о великодержавности? Ведь не польский же народ. Он хочет просто достойно жить, хочет быть как все нормальные люди, поэтому способен адаптироваться. Хочет приспособиться к Брюсселю, современности и капитализму — и от политических элит, скорей, ждет, что они ему это облегчат. А вот интеллигенция, в своей остаточной форме существующая уже сегодня преимущественно как правая, играет тормозящую роль. Она репродуцирует самые скверные стереотипы романтического мифа и шляхетства». В конце беседы А. Белик-Робсон подчеркивает: «Если углубиться далее в психологию кризиса элит, то, кажется, ему есть одна из важнейших причин: я вижу массовый исход из публичной сферы людей, скажем так, наиболее утонченных — то есть более размышляющих, критичных по отношению к себе, способных сомневаться, стремящихся к реальной дискуссии, а не только к скандированию неизменных тезисов. Людей, которые не хотят жить в соответствии с ницшеанским принципом «то, что не убивает нас, делает нас сильнее». На наше место приходят какие-то чудовищные «сверхлюди», которых я, однако, как человек не особо почитающий Ницше, элитой бы не назвала...»

Сомнений нет у Бронислава Вильдстейна, выступившего в еженедельнике «вСети» (№ 31/2015) со статьей «Культура, дурашка!», в которой он призывает к реконкисте пространства культурной жизни посредством «Права и справедливости». Основной тезис, хотя и не сформулированный впрямую, а расписанный на несколько дигрессивных пассажей, — это утверждение, что «Гражданская платформа» в прагматизме своей политики отдала культуру во владение посткоммунистических кадров СМИ «главного течения», пропагандирующих образцы, опасные для национальной

идентичности: «„Гражданская платформа” под водительством Туска — это аморфическая партия власти, готовая использовать любые средства, чтобы ее удержать. Делиться властью с наиболее влиятельными кругами — главная стратегия этой группировки. Поэтому культура была передана центрам, пропагандирующим доминирующую идеологию». Идеологию, пагубную для Польши: «Необычайную культурную идентичность нашей страны сталкивают с враждебной ей идеологией. Так произошло потому, что вся творческая среда отождествила себя с царящими сегодня на Западе трендами. И этот процесс прогрессирует, являясь, по преимуществу, главной производной образцов и стандартов, навязанных доминирующими культурными центрами в Польше, которые перенимают их от центров цивилизационной власти в Евросоюзе и ими поддерживаются. Именно они, оснащенные всякого рода средствами давления, выполняя роль мецената и цензора, в состоянии формировать облик польской культуры. Вот таким образом патология, терзающая Запад, к которой у Польши, казалось, был иммунитет, стала нашей проблемой». Упомянутые центры культуры — это также государственные институты, оккупированные уже в течение восьми лет «Гражданской платформой», — и эти центры предстоит отвоевать «Праву и справедливости».

О загнивающем Западе меня учили еще в социалистической школе. Сейчас в этом меня хочет убедить Бронислав Вильдстейн, который, увы, не в состоянии даже увидеть, что в Польше давно нет цензуры, но есть разные культурные центры и институты, поддерживающие различные явления: одни публикуют эссеистику Вильдстейна, другие — авторов, чьи взгляды едва ли могли увидеть свет на страницах изданий, в которых печатается он. Так обстоят дела в пространстве общественного многоголосья — и это пока что не цензура.

Но не это главное. Бронислав Вильдстейн обращается к романтизму, утверждая, что «со времен романтизма в культуре Запада появилась фигура художника как конкурента Бога». Тогда она еще не подчинила себе культуру, но продолжение следовало: «Такое представление стало тяготеть над культурой и вести к разрыву не только с традицией, но и с действительностью, то есть с миметической функцией. Мимезис объединяет в себе самые разные концепции: от установки на отражение внешних форм до попытки добраться до глубинных смыслов явленного мира; но так или иначе все эти подходы предполагают, что человек не может быть творцом, равным Богу, и чувствует свою связь с окружающей действительностью. Эта позиция была поставлена под

сомнение на рубеже XIX и XX века, что привело к кризису современного искусства».

Это отнюдь не новый диагноз. В нацистской Германии такие преобразования называли «дегенеративным искусством», а коммунистические режимы обвиняли их в различных идейных злодеяниях, клеймя «формализмом» или даже, в случае экспрессионизма, «протофашизмом». В России было уничтожено великое явление кубофутуризма, заблокировано его развитие. Соцреализм ставил перед художниками требование «коммуникативности». В том же направлении идут изыскания Б. Вильдстейна, который о кризисе искусства на рубеже XIX и XX века пишет так: «Одним (...) из результатов было отдаление творца и потребителя друг от друга, причем творец стал более податлив на идеологические искушения». А вот и неправда: авангард выдержал атаку идеологии, как нацистской, так и коммунистической, — в Польше ожил раньше, чем в других странах советского блока: джаз и абстрактная живопись завоевали себе право на существование уже в 1956 году. Но Вильдстейну удастся и этим воспользоваться по-своему: «При таком положении вещей доминирующая идеология проявляется не только во внешних формах давления, но и во внутренних тенденциях, особенно в мифе об абсолютной свободе художника. (...) Поэтому изменить доминирующую тенденцию и остановить триумфальное шествие новой идеологии польской культуре будет особенно трудно. Однако не невозможно. Более того — необходимо».

И наконец вывод: «Вовлеченные в ежедневные сражения политики забывают о роли культуры. В действительности же это важнейшая сфера, которая формирует политику. Это метаполитическое измерение, строящее позиции, которые увенчаются действительно демократическими выборами. Если мы согласимся с современным обликом культуры в нашей стране, то уже очень скоро осуществим мечту «прогрессистов»: получим ситуацию обществ Западной Европы — дезинтегрированного, ведомого исключительно потребительскими импульсами, неспособного к самозащите стада. С той разницей, что на значительно более низком материальном уровне. Государство создано для защиты народа, то есть также и его идентичности. Это накладывает серьезные обязательства на политиков, ответственно размышляющих о своем призвании. И я надеюсь, что такими являются те, кто придет к власти через три месяца». Понятно?

Не знаю почему, но мне в этом контексте вспоминается письмо, которое в 1958 году направил в редакцию журнала

«Творчество» выдающийся поэт Антоний Слонимский. В этом письме он протестовал против толерантного отношения к позитивным оценкам футуризма, который он считал поэзией, содействовавшей фашизму. То, что Маринетти действительно поддерживал фашизм в Италии, как и то, что экспрессионист Бенн в Германии поддерживал национал-социализм (очень недолго), или то, что Маяковский поддерживал коммунизм, не означает, что авангард является в искусстве «патологией». Можно без труда указать на многих представителей авангарда, которые заплатили жизнью за противостояние идеологии.

Ежи Кронхольд

СТИХОТВОРЕНИЯ

[Прошное, будущее]

Прошное, будущее,
не начинай.

Оставь их,
как отвертку в коробке
с шурупами.

Оставь этот дивный вечер
на попозже,
как кружку
с шалфеем,
и темноту оставь, как судно
с неизвестным флагом на мачте.

Пускай себе спят иглокожие,
пусть светит
уютный планктон,
пускай крадется пыль.

Ты исцелилась давно

Ты исцелилась давно,
слишком легко, быстро.

А ведь с тобой идти мне нравилось как ни с кем,
проводя тебя
аллеей серебристого тополя,
изящный жасмин срывая,

который рос за оградой
фазенды упырей алкоголиков.
Фильмы, что с тобой я смотрел,
были прекрасны, поскольку ты была рядом,
по правде сказать, прекрасна была одна лента,
лишь пятиоскаровая «Квартира»,
она одна шла
в зачет в пустом зале
с дивной Ширли Маклейн.
И Джек Леммон смешил нас, когда вместо сита
на теннисную ракетку
он откидывал макароны,
а после сеанса тихий рынок в снегу,
мороз и быстрые, опьяненные губы.
Исцелилась ты слишком легко, быстро.

Сумерки

Вчера были
«Дети из Бюллербю»,
а сегодня
«Сумерки идолов»
читаю через твое плечо,
будто человек свободный не дорожит роскошью,
о которой грезят торгаши, христиане, коровы,
женщины и англичане...
Когда-то заучивал все это наизусть.

Оружие

После войны

ротмистр В.

сидел при металлоломе,

имея центнер веса,

среди подшипников и диковинно

изогнутых труб,

с овчаркой Самсоном, которого ночами

спускал с цепи.

Прогуливая очередной урок,

его сын, мой ровесник,

спалил

основной семейный секрет,

приоткрыв дверь двустворчатого шкафа.

Там висел старательно

отглаженный мундир,

лоснились сапоги

и сабля,

как мы решили

(слюнявя палец и поглаживая им клинок)

— годная для рубки

тяжелых голов

в заречье.

Ариэль

Ариэль, подвижность братьев Чиж,

кружил по центру города

в сезон небесно-голубых

ирисов.

Он имитировал

звучание бормашины

из кабинета д-р Б.,

что способна превратить

в развалины здоровые зубы.

Серебряный,

он играл в поворотах блеском

выхлопных труб и красавцем цилиндром.

Ангельское имя того,

что уделывал чехов в кубке

за голубую ленту Ользы,

звучало как

самый большой комплимент,

а победитель, обычно

кто-то из братьев, получал

экстра-премию—

поцелуй скупно

одетой Мариоли Миранды

и балерон из местной свиньи.

Пламя

Темное пламя в сети «Теско»,

на тишотках и постерах,

на обложках глянцевого каталогов,

мелькающий

над банками с красной фасолью

и полкой золотой ольмеки—
это Че, что не устоял.

СО СТИХАМИ НА ТАНКИ

Поэт Ежи Кронхольд — в числе тех, что в конце шестидесятых создавали (вместе с Адамом Загаевским и Юлианом Корнхаузером) так называемую краковскую группу «Тераз», и кого можно отнести к наиболее выдающимся представителям течения, определяемого критиками как «новая волна». «Самосожжение», его первый сборник, признанный одним из важнейших поэтических событий тех лет, свидетельствует: несмотря на сильное идеологическое сродство с ровесниками, автор выбрал особый, насквозь оригинальный творческий путь, не укладывавшийся в базовые схемы и рецепты. Очередные публикации лишь подтверждают положение вещей. Хотя публикуется Кронхольд редко, задав для себя и своей поэзии высокую планку, долго и интенсивно работая над каждой книгой.

В (само)ироничном стихотворении без названия автор делится своим кредо, которое с уверенностью можно счесть одним из важнейших тропов поэзии «новой волны»:

Когда-то я бросался
стихотворением
на танки
не вынося насилия
не мог обуздать свою
ненависть ко злу

Этот текст из сборника «Низина» объективно передает мировосприятие молодой поэзии на переломе шестидесятых-семидесятых: появляющиеся тут танки имеют свой реальный эквивалент — прежде всего это танки, вошедшие в 1968 году в Чехословакию. Как раз-таки в дебютном «Самосожжении» (заглавие связано с самоубийством студента Яна Палаха, выразившего таким образом протест против советской инвазии в период Пражской весны; при этом титульное стихотворение было изъято цензурой) Кронхольд писал: «Поэзия — это отсутствие» («Парад»), уточняя в другом месте («Forest Flower»):

Тело является побочным эффектом

Стихового взрыва [..]

Ввергнуто в сомнение,

Как в единственную форму

Поэзии

Текст этот, представляя собой протест против насилия во время войны во Вьетнаме (довольно, кстати, неоднозначный), выдает кровное родство с иконами левого движения («Ленин со мной/ И Христос со мной/ И Че со мной/ И Судзуки со мной / И Мао со мной/ И Мик Джаггер со мной»). Как многие тексты ровесников автора, стихотворение является попыткой поиска языка, способного противостоять мировому злу. Обратим, впрочем, внимание – уже в раннем письме возникает дистанция самоиронии, с годами лишь набирающая силу.

Быть может, эта дистанция выражает нарастающее с годами ощущение «провинциальности» человека и «периферийности» поэзии. Более того — символизирует собой сознательное отдаление от какого бы то ни было «центра», что не означает, конечно же, отдаления от мира: напротив, на расстоянии мир и его проблемы видятся острее и резче. Бросается в глаза поддержанная разумом серьезность эмоции, едва ли не медитативная – как у пестующего свое одиночество отшельника — концентрация. И вот пульсирующий токами жизни «большой мир» оказывается пустырем, в котором надлежит — как в стихотворении из сборника «Низина» — «переждать затаившись/ под навесом из бузины» и ждать:

пока не спадет волна

мусора очисток отходов

и газов густого болота

Только теперь можно постичь то, что подлинно. Поэзия — это территория, куда попадают лишь на мгновение, но которая одновременно задает область странного, сферу непонятого, неуловимого опыта, с которым не все и не всегда желают считаться. К подобному опыту относится и мучительное переживание того далекого, что дает знать о себе спустя десятилетия: мощные, выразительные образы прошлого, исключительно насыщенные смыслом, воскрешающие вкусы и запахи, свежесть давнишнего бытия. Этот театр событий прошлого, воссозданных в стихах Кронхольда, разыгрывается

на сцене текущих мелочей жизни, таким образом мы имеем дело со своеобразным драматическим палимпсестом, где героями, персонажами являются слова, в которых можно находиться, однако не находить убежище. Особенно сейчас, когда минувшее обнажает свои угрюмые черты, как в стихотворении «Касабланка» о пане Вороне, повествующем о даме, которая не получив «вознаграждения» за услуги, протягивает руку за деньгами:

сказала два слова

применительно к

обстоятельствам:

casa blanca

вот так появился

ее профессиональный

псевдоним

Ворона хрипит

но его увы не слышат

вот так и вышло

на свет

его погнало сексота

В своих стихах, словно походя, Кронхольд описывает кажущиеся незначительными эпизоды прошлого, которые на день сегодняшний имеют, однако, значительный вес — к примеру, послевоенный исход коллег немецкого происхождения (из стихотворения «Урок религии»: «также неожиданно/ Хейни уехал на лучшую родину/ поближе к Эссену»). Многие подобные намеки нуждаются в примечаниях, непосредственно присутствующая в ранних стихах «большая история» со временем получает выражение весьма деликатное. Один из самых драматичных, а при этом художественно совершенных примеров своеобразного освоения истории — стихотворение «Жизнь птиц и млекопитающих после», в котором мелькает «место сожженного сарая» в Едвабне, где во время войны поляки сожгли своих соседей-евреев — параллельно аллюзия на слова Теодора Адорно о том, что

писать стихи после Освенцима было бы актом варварства:
«большая история» проходит, жизнь длится.

Заслуживает внимание тот факт, что стихи эти фиксируют жизненную атмосферу в специфичном культурном анклаве, Тешинской Силезии, прежде всего в самом Тешине, разделенным польско-чешской границей пополам городе. У региона своя литература — достаточно вспомнить прозу Корнеля Филиповича, Ежи Пильха или стихи Збигнева Махея — в которой поэзия Кронхольда бесспорно заняла высокое суверенное место, подчеркнув этим «провинциальность», которая в таком понимании равна манифесту индивидуальности поэта как гражданина мира и вместе с тем обитателя «малой родины»: в нашем случае пространства поликультурного и — еще недавно — многоязычного и конфессионально неоднородного. Память как о давнем, австро-венгерском, так и о недавнем прошлом, является значимым компонентом лирической вселенной и придает ей меланхоличную тональность. Как в этом стихотворении без названия:

Прошное, будущее,
не начинай.
Оставь их,
как отвертку в коробке
с шурупами.

В пространстве стихов присутствуют знаки мелких на первый взгляд событий, складывающихся в единый неповторимый космос человеческой жизни: здесь и сейчас, навсегда. Это позволяет Кронхольду приглушать переживание и относиться к преходящему спокойно, предметно, как в том чудесном любовном признании из «Напишу на листе березы»: «напишу пальцем/ на стекле/ что люблю тебя/ и сразу сотру/ салфеткой для очков».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Пора отпусков под знаком литературы? Именно так случилось нынешним жарким летом на Балтике.

Сначала — проводившийся в четвертый раз Приморский читательский пленер (31 июля — 2 августа) в Гдыне, с рекордными цифрами: 60 издательств, 35 авторов и толпы публики. Читатели могли получить автографы многих любимых писателей, таких, например, как Марек Бенчик и Петр Матывецкий, Ханна Бакула, Виктор Осятынский и Агата Тушинская.

Четвертый фестиваль «Литературный Сопот» был посвящен литературе наших южных соседей. В августе из Чехии в Сопот приехали более десяти замечательных литераторов, в их числе Радка Денемаркова, Петра Гулова, Ян Новак, Ярослав Рудис.

— Наша главная цель — пропаганда чтения как среди жителей Тригорода, так и туристов, приезжающих в Сопот. Ведущим мотивом фестиваля всегда является литература определенной страны. В нынешнем году это чешская литература. Если мы имеем кое-какое представление о классике нашего ближайшего соседа, например, о Богумиле Грабале или Франце Кафке, то о современные чешские — писатели менее известны, — сказала координатор фестиваля «Литературный Сопот» Марта Чарнецкая.

Во время проходившего в течение четырех дней фестиваля состоялась дискуссия «Советские в Праге» по книге Йозефа Паздерки «Вторжение в Чехословакию 1968. Российская перспектива» (интервенция войск Варшавского договора в Чехословакию началась в ночь с 20 на 21 августа 1968 года).

Наряду с мероприятиями, посвященными чешской литературе, состоялись также встречи с польскими писателями. В Сопот приехали, в частности, Филип Спрингер, номинанты на премию «Нике» Малгожата Шейнерт и Мариуш Урбанек, Виолетта Гжегожевская, Петр Несторович, Магдалена Тулли, а также лауреат премии имени Рышарда Капустинского нынешнего года Михал Ольшевский. Публика массово прибыла на авторскую встречу с метрессой репортажа Ханной Краль в связи с премьерой книги «Краль», подготовленной Войцехом Тохманом и Мариушем Щигелем.

А в Гданьске с 18 по 20 августа в самом центре города, на улице Длуги Тарг, разместился Литературный городок. Были подготовлены встречи с польскими и швейцарскими авторами, мероприятия для детей, показы фильмов, выставки и много хорошей музыки. Тон задавали поэты — Юстына Баргельская, Роман Хонет, Лукаш Ярош. Тадеуш Домбровский привлек внимание читателей к избранным им стихам Зузанны Гинчанки, поэтессы еврейского происхождения, погибшей в 1944 году в Кракове.

В полуфинале литературной премии Восточной Европы «Ангелус» оказались 14 книг. Шесть среди них польские: «Мать Макрына» Яцека Денеля, «Пой сады» Павла Хюлле, «Восток» Анджея Стасюка, «Семерка» Земовита Щерека, «Якубовы книги» Ольги Токарчук и «Шум» Магдалены Тулли. Внимание жюри привлекли также три книги украинских авторов: «Книга забвения» Василя Слапчука, «Букашкина тарзанка» Наталки Сняданко (в польском переводе — «Любисток на чердаке»), «Месопотамия» Сергея Жадана. Шансы на главную премию имеют также «Птицы Верховины» венгерского писателя Адама Бодора, «Я видел ее этой ночью» словенца Драго Янчара, «Тишина в Праге» чешского писателя Ярослава Рудиса, «Матей Брунул» румына Лучана Дан Теодоровича, а также «Житковские богини» чешской писательницы Катежины Тучковой. Семерку финалистов жюри назовет в сентябре, а имя победителя мы узнаем 17 октября.

В июне Магдалена Парыс получила в Брюсселе литературную премию Евросоюза 2015 года за книгу «Фокусник». Роман был опубликован в 2014 году издательством «Свят ксёнжки». Цель премии — поддержка debutирующих и начинающих авторов из стран, участвующих в программе «Культура Европейского Союза». Ранее литературными премиями Евросоюза были отмечены два поляка — Яцек Дукай (2009) и Петр Пазинский (2012).

1 июля премию «Орел Яна Карского» получил профессор Юлиан Корнхаузер (р. 1946), выдающийся поэт, один из наиболее известных представителей поэтической «новой волны» 1970-х, символическая фигура для послевоенного поколения, деятель антикоммунистической оппозиции, авторитетный литературовед, профессор Ягеллонского университета, выдающийся поляк с еврейскими корнями — сын выжившего в Холокосте узника концентрационных лагерей. Капитул премии вручил ее за «литературную борьбу за более разумную Польшу», указав при этом: «Свершения лауреата в области поэзии, литературы и философии — прекрасное

доказательство тому, что изменение действительности в Польше было бы невозможным без интеллектуального вдохновения и рефлексии, служащих формированию самосознания человеческой личности и самосознания общества. Проф. Юлиан Корнхаузер передает это вдохновение своим землякам уже 45 лет».

После пережитого в 2008 году инсульта поэт страдает от потери речи и правостороннего паралича. Он оставил профессиональную и творческую деятельность, избегает появляться на публике, сделав исключение для Адама Загаевского — прибыв в мае на тожества в связи с 70-летием поэта. Юлиан Корнхаузер — тесть президента Анджея Дуды.

Лауреатом присуждавшейся в одиннадцатый раз премии «Трансатлантик» за выдающиеся достижения в популяризации польской литературы стала переводчица на французский Лоран Диевр. Вручение премии состоялось в Кракове, в Collegium Maius Ягеллонского университета. На счету Лоран Диевр (р. 1950) около 60 переводов (книжных изданий), преимущественно современной польской прозы. Она переводила, в частности, книги Анджея Бобковского, Леопольда Тырманда, Иды Финк, Адама Загаевского, Ежи Пильха, Лешека Колаковского, Чеслава Милоша, Славомира Мрожека, Станислава Лема, эссе Адама Михника, а также «Последнее желание» Анджея Сапковского, книги для детей, комиксы.

Тадеуш Гурный, известный популяризатор чтения, вице-председатель Польского товарищества книгоиздателей, один из авторов концепции нового формата майских варшавских международных книжных ярмарок, отмечен ежегодной премией столичного города Варшавы. Премия была вручена 31 июля в Королевском замке во время торжественной сессии Варшавского городского совета.

«Это не польский Версаль и не Эмпайр-стейт-билдинг. Скорее он напоминает Замок Кафки. Это источник городских легенд: о тридцати подземных уровнях, о несуществующих этажах, о тоннеле, связывающих его со зданием ЦК ПОРП. По сей день он отбрасывает на Варшаву самую длинную тень», — так писали о Дворце культуры и науки им. Иосифа Сталина, называемом еще «бетонным тортом», «сталинским подарком», а чаще всего «Пекином». Некоторые хотели бы снести этот вражий символ, другие считают его памятником прошлого и свидетелем драматичных перемен, которые приключились с Варшавой и Польшей в XX веке.

22 июля исполнилось ровно 60 лет передачи Дворца культуры Советским Союзом польскому обществу. По этому случаю издательство «Знак» выпустило книгу Беаты Хомонтовской «Дворец. Интимная биография». Автор взглянула на здание глазами людей, которые связали с ним жизнь. Как пишет издатель, Хомонтовская рассказывает нам о драматической судьбе архитекторов — братьев Сигалиных, о «повенчанной» с Дворцом мемуаристке, о прыжках самоубийц с 30-го этажа и людях, которые пишут письма «Дорогому Дворцу», как старинному божееству.

Еще одно литературное подношение поклонникам варшавского колорита — это подготовленный издательством «Искры» никогда не публиковавшийся роман Марека Хласко «Волк», рассказывающий историю Рысека Левандовского, парнишки из Маримонта, взрослеющего в межвоенное двадцатилетие. Район бедный: «Улочка была грязной. Улочка, утыканная деревянными, кособоко вросшими в землю домиками, как все другие улочки Маримонта: песчаные и кривые, кривые, словно проложенные по пьяным следам.

Сочетались, однако, эти заборчики и с кривым фонарем на углу, и с темным магазином, торговавшим пивом и овощами. В него спускались по выщербленным, скрипучим ступенькам, пищали двери, протяжно стонал звонок, и толстая продавщица Масловская отрывала от прилавка блеклые, заспанные глаза».

Жители Маримонта — это преимущественно преступники и безработные, отчаянно пытающиеся раздобыть немного денег. Молодой человек, нагледевший вестернов, ищет благородный пример для подражания, чтобы изменить окружающую его реальность. Рукопись была обнаружена спустя 60 лет, в оставшихся после писателя архивных материалах, хранившихся во Вроцлаве. Книга выйдет в свет осенью.

«Люди» — таково название выставки, подготовленной Марией Анной Потоцкой в Музее современного искусства в Кракове. В экспозицию вошли несколько десятков портретов авторства Збигнева Херберта. Рисунки отобраны из сотен работ, находящихся в коллекции Национальной библиотеки в Варшаве. Лишь небольшая часть — это портреты реальных людей. Большинство же — персонажи со старых картин. Как известно, автор «Варвара в саду» глубоко интересовался искусством, многочисленные доказательства чему можно найти как в его поэзии, так и в эссеистике. Выставка продлится до 19 сентября.

Уже в одиннадцатый раз в Варшаве проводился фестиваль «Шопен и его Европа». Мероприятие проходило с 15 по 29 августа. В программе фестиваля мастерские интерпретации произведений Бетховена, Листа, Чайковского, Венявского, Рахманинова, Падеревского, Сибелиуса, Элгара, а также польской музыки: от Шопена, Огинского, Добжинского, Курпинского, Шимановской, Вольфа и Липинского до впервые исполняемых произведений Анджея Чайковского и Павла Шиманского.

Перед варшавской публикой выступали оркестры из Москвы, Лондона, Фрайбурга и Варшавы, а также лауреаты шопеновских конкурсов и пианисты мирового уровня. На открытии фестиваля 15 августа выступил, вместе с оркестром «Sinfonia Varsovia», российский пианист, лауреат многих конкурсов Николай Луганский. Днем позже выступал Сергей Кривов, один из наиболее талантливых скрипачей своего поколения.

Более 100 фильмов в более чем десяти тематических секциях увидели зрители Познани во время пятого «Transatlantyk Festival» (6–14 августа). Это мероприятие, объединяющее кино и музыку, — авторский проект обладателя «Оскара» Яна А.П. Качмарека. Ведущей темой нынешнего, юбилейного фестиваля был хаос.

— Мы проходили через разные фазы хаоса: как Польша, как цивилизация и как планета. Мир распадается, не складывается в единое целое. Вот и Польша политически и ментально растеряна: мы не знаем, кто прав, а кто неправ. Но хаос — это интересный момент для старта в направлении светлой идеи. Я надеюсь, что кризис нужен, чтобы из него вырос какой-то порядок, — сказал композитор.

Фестиваль торжественно открылся в актовом зале университета им. Адама Мицкевича. В Польше в первый раз в концертном исполнении прозвучала «Интерлюдия» Яна Качмарека, посвященная умершему в июле известному бизнесмену Яну Кульчику.

В конце июля начались съемки биографического фильма о Тадеуше Канторе «Я сюда уже никогда не вернусь». Режиссер картины — Ян Хрыняк, роль знаменитого художника, сценографа, одно из ведущих польских мастеров театра играет популярный актер молодого поколения Борис Шиц. Съемки начались в Кракове, где велись до конца августа. Затем съемочная группа направится в Боянчицы, Тарнув, Варшаву и Тикоцин. Съемки пройдут также в Париже, Флоренции и Нью-Йорке.

— Борис Шиц в роли Тадеуша Кантора совершенно великолепен. Он не играет Кантора, он им стал, — заявила пресс-секретарь фильма Агнешка Мровинская.

Для новой роли артист похудел на полтора десятка килограммов; кроме того, снимается в портретном гриме.

Кинобиография создается в связи с Годом Тадеуша Кантора, родившегося 100 лет назад, в 1915 году. Как заявляет дистрибьютор фильма, это будет «рассказ о творчестве и удивительной жизни Тадеуша Кантора на фоне наиболее драматичных моментов истории XX века; вначале — детство, проведенное в местечке Велёполе-Скшинское, потом — учеба в гимназии в Тарнуве и занятия в Академии изящных искусств в Кракове, деятельность в краковском художественном кругу, и наконец — международные успехи». На экраны фильм выйдет во второй половине 2016 года.

Прощания

23 июня в возрасте 85 лет умер профессор Рене Сливовский, выдающийся исследователь русской литературы рубежа XIX и XX века, переводчик и критик. Он родился во Франции, был сыном эмигрантов двадцатых годов XX века, возвратившихся вместе с детьми в Польшу в 1948 году. Выпускник Педагогического института им. Александра Герцена в Ленинграде, Сливовский с 1954 года был связан с Варшавским университетом. Автор многочисленных работ об Антоне Чехове и русских писателях Серебряного века, а также о выдающихся советских прозаиках, переводчик и популяризатор русской литературы.

В некрологе в «Газете столичной» от 27–28 июня, подписанном деканом факультета прикладной лингвистики Варшавского университета, а также коллегами и учениками проф. Рене Сливовского, читаем: «С покойным мы потеряли не только одного из последних представителей самого старшего поколения современных польских русистов, но также яркую личность и благородного человека, всегда доброжелательного к молодым исследователям, наделенного большим чувством юмора, прекрасного преподавателя и рассказчика».

В некрологе, опубликованном семьей, написано, что Р. Сливовский говорил о себе, что «родился и умрет беспартийным», а также, что был «человеком праведным и бескорыстным, праведностью и бескорыстием атеиста, который не ждет награды ни на этом свете, ни тем более за гробом». Он «славился чувством юмора и критичным

отношением к себе, был прекрасным кулинаром, в течение полувека возглавлявшим гостеприимный дом». Кроме того, «его любили студенты, нянечки, уборщицы, независтливые коллеги, а также умные и смелые „друзья-москалы“».

6 июля в Варшаве умер Войцех Альбинский, талантливый прозаик, финалист «Ангелуса» 2010 года. Его постоянной темой была Африка и происходящие там перемены. После побега из ПНР в 1963 году В. Альбинский жил в Париже и Женеве, а затем переехал в Африку. В течение многих лет жил в Ботсване и Южно-Африканской Республике, где работал геодезистом. В возрасте 68 лет опубликовал первый сборник африканских рассказов «Калахари», за который в 2004 году получил премию им. Юзефа Мацкевича и был номинирован на литературную премию «Нике». Альбинский издал шесть книг, среди них «Королевству нужен палач», «Антилопа ищет охотника», «Соуэто — моя любовь». О столкновении культур, кровавых племенных конфликтах и апартеиде он писал очень конкретно, кратко, с некоторой долей иронии и черного юмора. Единственную автобиографическую книгу «Achtung! Banditen!» опубликовал в 2009 году. Последние годы провел в Польше. Войцеху Альбинскому было 80 лет.

5 августа в возрасте 90 лет в Варшаве умер Ежи Плажевский — корифей польской кинокритики и историк кино, связанный, в частности, с еженедельником «Пшеглэнд культуральны» и журналом «Фильм на свеце». «Более шести десятилетий он знакомил зрителей с миром кино как критик и историк», — подчеркивает Объединение польских кинематографистов, в котором он много лет состоял. Был автором ряда книг, посвященных кинематографии, таких, например, как «Язык кино», «История кино для каждого». Многократно был членом жюри крупнейших кинофестивалей, в том числе в Каннах, Берлине, Сан-Себастьяне, Локарно и Карловых Варах.

16 августа в возрасте 83 лет в Варшаве умер Роберт Яроцкий — журналист, писатель, лауреат премии им. Ксаверия Прушинского, присуждаемой польским Пен-клубом. Он был автором около двух десятков историко-биографических книг, в частности о Станиславе Лоренце, Яне Замойском, Анатоле Мюльштайне, Александре Гейшторе, Петре Слонимском, Романе Ясинском.

«Роберт Яроцкий — человек большой культуры и эрудиции, умевший разговаривать с недюжинными людьми и приблизить читателю их миры», — написала Барбара Холлендер в газете «Жечпосполита». Книгу «Искусство и кровь» он посвятил людям, которые во время Второй мировой

войны спасали польские культурные ценности от вывоза и уничтожения. В последней книге «Магдулька и весь мир» он беседовал с Витольдом Ежи Кежуном, профессором-экономистом, представителем польской праксеологической школы, развивающим теорию управления. Ждет издания завершенная недавно работа, которую Яроцкий посвятил брату, умершему в 2012 году выдающему театральному режиссеру Ежи Яроцкому. Роберт Яроцкий, наделенный великолепным чувством юмора, был также в течение ряда лет фельетонистом рубрики «Клуб однокашников» в «Плюсе-Минусе», культурном приложении к газете «Жечпосполита».

Сергей Морейно

ДОЛИНЫ ПОД СНЕГОМ

Продолжение, начало в НП 7-8

*Перед тем как спустить курки,
поглядите на наши лица.*

Игорь Белов

Реплика — в ту — сторону.

«Опеки и, значит, безопасности для наших памятников нет нигде, и ненадежность эта побудила графа Плятера искать в Швейцарии приюта для польских памятков. [...] Вряд ли можно было место прекрасней выбрать или условий лучших добиться» (Ю.И. Крашевский).

«В отсутствии представительства у Польши в целом, равно как и у любой из ее частей, необходимо заместить его Учреждением соборным, Народным горнилом систематической и всесторонней практики. [...] Таково последовательное устремление к государству в духе, прежде чем государство во плоти явиться сможет» (Владислав Плятер).

«Скромная экспозиция Польского Национального музея в Рапперсвиле, которую, как замечает местная газета, на момент открытия составили «картины, гравюры, гербы, знамена, книги, медали и монеты, повествующие об истории Польши», скоро начала прирастать пожертвованиями...» (Войцех Пестка).

«Это дивное место: на холме высоком, кругом облитое озером, висит местечко настолько древнее, что единый вензель образует: над местечком стоит старый замок, а в нем помещается наш музей» (Стефан Жеромский).

«Вели нас идеи разные, в направлениях переменных, без согласия касательно путей и средств — раздел страны разделил и людей, розно их формируя; — отсюда разброд и шатания, опасные для Польши, коей объединиться должно» (В. Плятер).

В октябре 1927 года приблизительно 2 тыс. исторических памятников, 3 тыс. произведений искусства, 9 тыс. медалей и монет, 20 тыс. гравюр, 27 тыс. манускриптов и 92 тыс. книг, составлявших коллекцию музея, тринадцатью вагонами

транспортируются в Варшаву. Книги и рукописи, в том числе архив Национального правительства 1863 года, а также относящиеся к Ноябрьскому восстанию и Великой эмиграции документы, поступают в только что заложенную Национальную библиотеку, чтобы рассыпаться золой и прахом во время Второй мировой.

как же будет мне одиноко

после первой встречи с тобой

Сергей Михайлов

«Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всяких неистовств польских действия самого русского правительства. Ксендзы, прибегающие к отраве, в тысячу раз нравственнее ваших Головниных, Валуевых, и всего Вашего петербургского правительства», — писал Иван Сергеевич Аксаков, адресуясь семейству Блудовых.

Грубо говоря, претензии России еще менее объяснимы рационально. Россия относилась к Польше хуже, чем к восточным окраинам — гораздо хуже, если обращать внимание на близость крови, языка и видимое подобие цивилизаций. Вероятно, имел место факт завышенной оценки своей роли в защите Европы от монголов, роли «щита меж двух враждебных рас» (снова Блок, снова «Скифы»).

По моим ощущениям, российско-польский вопрос — это не вопрос насилия и разделов Польши, а вопрос неразделенной любви. Польша искала в России партнера, с которым ей удалось бы объединить время. Россия, в свою очередь, видела в Польше брата (скорее, нежели сестру) — то есть такой склад пространства-времени, с каким и на расстоянии можно чувствовать себя единым целым. С точки зрения Польши, Россия ее использовала и отвергла, с точки зрения России Польша ее предала. Польша желала быть любимой, Россия была уверена в кровном родстве.

Дальше — куда ж без Пушкина?

Не стану цитировать «Клеветникам России», заинтересованные стороны владеют текстом и его предысторией. Поскольку Пушкин имел обыкновение почти каждую букву нагружать смыслом, анализ текста занял бы — ну, занял бы. Как известно, в автографе стихотворения присутствовал якобы саркастичный эпиграф: «Vox et praeterea nihil» (звук и больше ничего). Но, во-первых, неизвестно, не

испытывал ли поэт эмпатического чувства к Эхо, иссохшей от любви к Нарциссу. Во-вторых, мы не знаем, о чем именно сожалел певец в послании «Графу Олизару»: «И тот не наш, кто с девой вашей/ Кольцом заветным сопряжен;/ Не выпьем мы заветной чашей/ Здоровье ваших красных жен...». В-третьих, кто расставит акценты в его письме к Петру Вяземскому?

«Тогда он [Кржнецкий] запел «Еще Польша не сгинела», и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей».

Если внимательно читать, то прочтется сочувствие, прикрытое равнодушием. В определенной ситуации — самая достойная реакция (в другой ситуации равнодушие, прикрытое сочувствием, принесет достойные плоды).

Повседневная практическая лживость обеих религиозных систем усугубляла, как говорится, невыполнимость миссий: задачи России — понять и принять, что Польша ей чужая; задачи Польши — перестать видеть в себе жертву (даже не России, а любовных страстей) и признать свое одиночество как единственно возможный для нее способ существования. Швейцария тем временем реализовала комплекс Давида — желание защитить слабейшего от посягательств Голиафа, каковая акция стала едва ли не отправным пунктом в становлении Швейцарии как гаранта «последнего приюта», «последней справедливости» и прочая. Поняв, что вмешивается в дела семейно-любовные, страна ретировалась.

Der Himmel regnete Güte, und ich sah die Gerechtigkeit

warten, daß sie herabführ und käme der Zorn.

Johannes Bobrowski

«Стоявшие на квартирах, рассредоточенные части действительно должны были стать легкой мишенью для вооруженных толп. Однако они оказали серьезное сопротивление. На окраине Плоцка в казарме находились 12 казаков, половина из которых — больные. Фактически это был госпиталь. Толпа из приблизительно 300 мятежников попыталась сжечь его, но наткнулась на меткие выстрелы. Казаки отбивались, пока на помощь не подоспела пехота. В

местечке Юзефов Люблинской губернии 15 казаков 10-го Донского полка в течение 3 часов отбивались от нападения толпы в 500 чел., потеряв при этом 3 человек убитыми и 3 ранеными. Особенно тяжело пришлось пленным: над ними зверски издевались и убивали. Пленному барабанщику 6-го пехотного Либавского полка нанесли перед смертью 18 ран, отрезали нос, язык и детородный орган. Покалечены были и два других солдата этого полка, попавшие в руки мятежников. Кроме войск, они нападали на православные монастыри, подвергая их грабежу, а насельников — издевательствам».

Нюх подсказывает мне, что компиляция по началу восстания выполнена ангажированным историком. Однако и в фундаментальном труде Н.В. Берга с лихвой найдется примеров. Отдадим должное летописцу восстания Николая Васильевичу Бергу. Очевидно, что стиль его рефлексии может быть однозначно характеризован как имперский, но это скорее признак ума (здорового), нежели амбиций (захватнических). А вот то, насколько нежно относился Берг — историк, не наместник — к Речи Посполитой, бросается в глаза почти сразу. Замечу, что «имперскость» в его понимании предполагала, похоже, сдержанную взвешенность суждений. Так, об Анне Теофиловне Пустовойтовой, в которую кто только не бросил камня: «Что касается ее отношений к Лангевичу — в них нельзя подозревать ничего особенного. Просто-за-просто было некогда заниматься ничем, кроме войны. Лангевич был до такой степени задержан во все минуты дня и ночи разными хлопотами, нравственно и физически разбит и тощ, что думать ему, о чем думают прежде всего и более всего здоровые и беззаботные студенты, было невозможно. Слова: *kochanek*, *kochanka* тут не приходят в голову, не вяжутся со всем окружающим. А если и был какой мимолетный поцелуй — что из этого...»

Впрочем, пуританином Берг не был. «Курган Костюшко насыпан подле Кракова за Вавелем, в 1817 году, при участии всех жителей города и его окрестностей. Приезжали и приходили туда лица разных сословий, мужчины и женщины, и сыпали столько земли, сколько каждый мог. Не одна аристократическая ручка оставила здесь хотя несколько горстей. В основание кургана, как говорят, положено сердце Костюшко, тогда как все его тело покоится в Краковском соборе, на Вавеле, рядом с Яном Собеским и Юзефом Понятовским. На вершине виден довольно большой серый камень, неотесанный гранит, и на нем написано крупными золотыми буквами только одно слово: *Kościuszce* (Костюшко)». Сколько зримого (и

незримого) эротизма в этом фрагменте, пусть и выдающем слабое знакомство с судьбами национальных реликвий!

Walkę kończy śmierć,

każda inna rzecz walkę jedynie przerywa.

Andrzej Sapkowski

В сборнике «Исследование предмета» Збигнева Херберта, год 1961-й, есть стихотворение «Трен Фортинбраса», ставшее не просто культовым, но текстом-иконой. Стоя над трупом Гамлета: «Сейчас когда мы одни принц можем и поговорить как мужчина с мужчиной/ хоть леж на ступенях ты видишь то же что мертвый мураш», — Фортинбрас затевает с покойным принцем диалог, в тоне полуупрека, полуоправдания отвечая на безмолвные реплики последнего. Он толкует ему, что тот «был все равно обречен», винит его в том, что «выбрал легкий путь эффектный штрих», сообщает о своем предвечном одиночестве и необходимости заняться датской бюрократией. В конце стихотворения Фортинбраса самого пробивает на рефлексии: «Ни встретиться нам ни проститься живем на архипелагах/ а та вода те слова принц что ж они что ж они могут».

Море анализов текста; почти все сходятся в том, что это — начало так называемой полемики Херберта с Чеславом Милошем, которому, собственно, и посвящен «Трен». Прежде всего Фортинбрас упирается в «Песнь гражданина» из «Голосов бедных людей Милоша» (1943), причем не только откликаясь на затронутую Милошем эволюционную струну муравей–обыватель–тиран, но метя, кажется, дальше: в библейскую максиму о живом псе и мертвом льве.

Артур Грабовский, например, предлагает вариант «психоанализа психомахии»: «Нечего удивляться тому, что ревнивый Фортинбрас глумится над останками Гамлета, ставя ему в вину «эффектный удар», — раб необходимости, собственной фрустрацией понуждаемый передергивать. Точно так же, как тюремщики Сократа, друзья Иова, критики безнадежных восстаний... Посредством спровоцированного самоубийства Гамлет в действительности ускользает от Фортинбраса, тем самым, будучи повержен как правитель, как личность он не проигрывает [...]»

В «Темном истоке» Анджей Франашек, без преувеличения крупнейший знаток фактической стороны польской поэзии

второй половины прошлого века, призывая в свидетели Шопенгауэра и Левинаса, держит речь о страдании.

Вкратце. «Выходу за границы собственного „я” сопутствует боль». Артур Шопенгауэр предлагает людям обращаться друг к другу «товарищ по несчастью» (Leidensgefährte) вместо монсеньер или сир; в основе отождествления с Другим лежит мысль, что тот, другой, тоже страдает; пан Когито слышит крик боли, обращающий его лицом к другому лицу — через столетие. Этот крик первобытен, внеисторичен, он подлиннее выстроенных вокруг него абстракций. Маски и архетипы скрывают незащитное лицо, кричащее — Декалог *via* Эмманюэль Левинас — «не убий!». Дальше — больше (и отнюдь не тишина): сквозь лик Другого светит — смутная, мерцающая — тень Бога; лицо становится, по Левинасу, «следом иного»...

Что ж, Гамлет наступает на этот след — он убивает. Как минимум троих: самым непосредственным образом, «эффектным ударом». Гамлета «извиняет» его гнев — чистосердечный, открытый. Гнев Гамлета настолько хорош, что невольно возвышает его жертв. Вообще говоря, это ведь условное чувство, гнев, — сопровождаемое осознанием неправильности (чьего-то) выбора или поступка и запускающее мышление по кругу, белкой в колесо «а если бы». Но «если бы» ожидаешь от фигуры если не равной, то близкой — не по значимости, так по потенциалу — на доске судеб; как минимум присутствующей на этой доске всерьез.

И наоборот, ощущая «верховный» гнев, гнев Божий, ты определяешь свое положение в иерархии Земля–Небо, собственное место в этом декорированном под лестницу сценическом пространстве: тебе отводят место. Гнев: перископ, радар; тот, кого нащупывает локатор чужого гнева — найден. Он становится чьим-то Другим. Персона генерал-губернатора Муравьева-вешателя до сих пор вызывает ярость постольку, поскольку он подавлял восставших поляков практически без гнева, как слон топчет мурашей — — —

Херберт же, исчерпав, по-видимому, все аргументы, тридцать лет спустя посылает Милошу в Америку открытку со слоном, занесшим свою тяжелую ногу над цыпленком, и подписью: «Не топчи!».

Еще студент посередине Праги

горел и корчился, как лист бумаги...

Вячеслав Пасенюк

Одним из движущих факторов событий минувших и грядущих была и будет боль. Ощущение боли и наслаждение ею ускоряет временной метаболизм, время начинает течь быстрее, мощнее, с большим накалом. Хотя иногда кажется, что время застыло, когда его напряжение падает, сила тока возрастает. В розовом саду Рапперсвиля мой вопрос — как, каким образом напрасно пролитая кровь привела к появлению этой магнитной точки?

Боль, боль и боль (говорю я). Есть вещи, — передать их чаще всего не удастся; не имеет смысла пробовать, даже если речь идет о простом пересказе боли...

Но.

Любой знает: время и боль крепко связаны. Боль, как и время, имеет двойственную природу (время — это движение и разметка, а боль бывает физической и душевной). На востоке говорят, что боль наступает от обезвоживания чакр, но время — та же вода, жизнь — река, а навигационной системой служит память. Боль — ее сигналы.

Острая боль — это предупреждение организму о существующей в данный момент опасности органического повреждения или заболевания. Часто острая боль сопровождается ноющей болью. Хроническая боль определяется как боль, сохраняющаяся дольше того периода времени, по истечении которого она обычно должна прекратиться.

Не реки Чистилища, к счастью, а насущный дорожный гном — источник моей уверенности в том, что боль — не штатный сигнал тревоги, но вездесущее поле. Мы плывем в океане боли, и только время, данное нам, окутывает нас защитной оболочкой, храня перед болью. Как только с нашим личным временем что-то не так, мы касаемся вод боли... Нарушенная разметка — сигнал: боль! Навигатор отметил ошибку курса — боль.

Я считал: мы плывем в реке времени, каждый в своей струе. Боль сообщает о том, что началось (продолжается) рассогласование со временем. Она также возникает при резких временных скачках, как при перепадах температуры/давления. Боль — своего рода ожог либо закупорка; обезвоживание/обезвреживание.

Я понял: боль возникает не в одних пограничных ситуациях (как если бы мы просто плыли по реке времени). Мы странствуем по просторам боли, и время — наш скафандр в открытом космосе, гать на зыбучем болоте, провешенная над

минным полем трасса. Хороший день, близкий человек, удачная встреча — все это обволакивает нас временем и отдаляет от темных волн боли. Вне времени остаются ангелы — у них нет времени на защиту от боли, они живут в боли, как дельфины, киты и акулы. (Падшие ангелы — потерпевшие крушение без спасательных шлюпок.)

Я вижу: поток времени и мы в этом потоке, что означает — все предрешено, но есть свобода выбора. «Все предопределено, но свобода дана; а мир судится по благодати», — быть может, как раз в постоянном двойном движении знаменитая формула из Мишны обретает свой смысл? У каждого своя струя времени, своя дорожка, но перемещение по ней не детерминировано строго. Трудно избежать сопоставления (скорее лирического, нежели осмысленного): как тональ (учит дон Хуан) — это остров в океане нагуаля, так личное время — это дрейфующий остров в море боли.

Время — мать; как мать, оно успокаивает нас среди всепроникающих болей. Когда говорят, что пришла боль, это значит, что отступило время. Обнаженность перед болью, когда разбита капсула и стерты последние мазки времени: ты один — в подобном гравитационном поле, — на один с потоком частиц. Квант боли — «долорон» (по аналогии с фотоном, гравитоном)? Интересно, что по-русски «долороном» называется успокаивающий крем, такова ирония нового русского словообразования.

Do Lourseów, Semadenich, Minnich, Lardelichów i Zambonich

*należały najelegantsze adresy kawiarenek i kawiarni w
Warszawie.*

Anna Buchmann

Сколько ни спорь, кто там полег в битвах на Ворскле или на Синих водах, мы видим лишь то, что видим — заросшую травой помпею Кюстрина на польско-германской границе, где местные хлопцы отжимают мобильники у заблудших туристов. И пепел, как подорванный, может стучаться по утрам во все сердца, но единственно плач, падающий ниоткуда, растворяющий все в своем прозрачном недвижимом пространстве, смоем и эти хлопья.

Збигнев Херберт в конце шестидесятых: «если темой искусства/ разбитое станет корыто/ жалкое разбитое сердце/ чья скорбь о себе безмерна// мы ничего не оставим/ ну разве что плач любовников/ в жалком грязном отеле/ когда светлеют обои».

Жалость к себе — это желание притулиться, спрятаться в бабкином подоле, в материнских ладонях; найти себе гавань тихую, снаружи ветрами обдуваемую (для стимуляции продолжительного чувства). Руки матери от страха смерти оберегают, ветер сознание собственной важности поддерживает, к выходу побуждающей за пределы личного времени. Боль зовет; сдвиг боли в область хронической раскроет защиту и бросит грудью — вперед и дальше — туда, где нет ни ветра, ни безветрия. Земли обетованные, гора Арарат, сердце Польши — тень Бога? меридиан? маяк?

Летний полдень, сияющий, ослепительный,
и глубина тени. Пустишь ли меня поплавать
в темные воды? Все чаще в моей голове звучит
вересковая пустошь — как символ несбыточности,
либо образ давнего кем-то где-то не испитого меда.

Поляки заварили январскую кашу из жалости. Когда я слушаю, смотрю или читаю что-нибудь и вдруг приходят эмоциональные слезы, то чудится: слезная жидкость долго скапливалась, уровень ее повышался, и бац — открылись шлюзы. Возможно, и в том, что вызвало мои слезы, долго копилось время. Я зашел туда, время встало, но начался его внутренний отсчет, «на объем»: оно хлынуло, возник ветер времени, глаза слезятся на ветру. Сопутствующая нашему эмоциональному плачу радость основана, полагаю, на чувстве большой сопричастности; таким образом мы фильтруем время — по крайней мере, принимаем посильное участие в его очистке.

(«Берегись того, кто готов рыдать, когда ему кажется, что он осознал нечто важное, ибо он ничего не осознает», — Дон Хуан.)

Прорывы шлюзов — от счастья, от горя — выглядят как болевой прилив. Слезные заводи мерцают точками катастроф; избыточная жалость к себе, обернувшись жалостью к другим (как в случае Костюшко или Траугутта), выталкивает за пределы плато безопасности — навстречу боли!

«В этом параграфе мы обсудим исследование нарушений режима в тюрьме Гартри в течение 1972 г., проведенное Зиманом, Холлом, Хэррисоном, Мэрриджем и Шеплэндом.

Предварительный статистический факторный анализ данных показал, что факторы, влияющие на беспорядки, могут быть разделены на две в основном независимые группы: напряженность (чувство разочарования и безвыходности, бедственное положение); разобщенность (взаимная отчужденность, отсутствие общения, разбиение на два лагеря).

Далее, с ростом напряженности повышается вероятность волнений, а увеличение разобщенности ведет к тому, что волнения принимают характер более внезапных и яростных вспышек. Это заставляет подумать о катастрофе сборки, с осью напряженности, нормальной к острию, и осью разобщенности, идущей вдоль острия [...]» (Т. Постон, И. Стюарт: «Теория катастроф и ее приложения», перевод А.В. Чернавского).

То есть, при плавном ухудшении общего качества жизни суммарный протест против условий этой жизни, равно как и «гаранта» этих условий, усиливается нерегулярно и скачкообразно.

So don't demean the mystery of man in you

by feeling sorry for yourself or by trying to rationalize it.

Carlos Castaneda

Интересна оппонирующая, скажем так, культу повстанцев современная мысль, выраженная в интеллигентной Польше особенно элегантно и последовательно.

По-взрослому.

«Мессианизм романтиков четвертого и пятого десятилетий XIX века неидентичен и несовместим с официальной „идеологией” Эмиграции, являющейся смыслом ее существования, то есть инсуррекционной основой и доктриной. Наоборот, он был ее полной альтернативой как проявление убежденности в том, что дорога к воскрешению Польши ведет не через вооруженную борьбу, а через молитву, работу, духовное упражнение и интериоризацию жертвенных мук мессианского народа», — пишет политолог Университета Николая Коперника в Торуни Яцек Бартызель в очерке «1863 — вместе в пропасть».

Однако в процессе «сращивания мессианизма с инсуррекционизмом» происходит искажение «рефлексии и медитации в духовной работе над смыслом польскости». Революционные акты подменяют их.

«Январское восстание — под которым следует понимать также его долгую увертюру в виде патриотически-религиозных манифестаций в Варшаве 1860–1862 гг. — действительно является плодом и результатом этого романтического мессианизма предшествующих ему десятилетий в польской культуре. Оба определения чересчур приукрашивают это явление, которое было бы лучше заменить простым словом „последствие”, подчеркивая его пагубность».

Баланс общих последствий Январского восстания — не считая непосредственных физических потерь в виде погибших, расстрелянных, повешенных и сосланных на сибирскую каторгу (поляков), — отрицателен вельми. Потери инстанций и институций Царства Польского; поражение надежд не только на возрождение, но и на сохранение; возобновление «союза трех черных орлов»; политическая плебеизация и падение идеалов.

«С этого периода начинается действительная — не только официальная, но в значительной степени и духовная — русификация (а в прусской оккупации — германизация), и с этих пор борьба велась не за возрождение государства, а за обыкновенное выживание польскости (и католической религии), за то, чтобы не опустилась она до уровня этнического материала, „обогащающего” великорусский или германский этнос».

После этого спасение приходит лишь из Галиции, благодаря сохраненному под австрийским господством «благоразумию галицийской шляхты, краковских и львовских консерваторов» [и закаленному, очевидно, Галицийской резней?]...

Ценой всех потерь нация вышла за границу времени, спрыгнув с сочувственных материнских колен навстречу спасительной боли, чего интеллеktуал, профессор, офицер ордена Возрождения Польши и почетный член Организации польских монархистов — по причине заскорузлой рационалистичности классических моделей мышления «латинского западничества и римского католицизма» (sic!) — понять, мне кажется, не в силах.

Не последний из идеологов галицийской автономии, краковский консерватор Павел Попель: «Движение в 1863 году не было восстанием, это не была революция, это было отчаянное кровопролитие, чтобы раны раздела сохранить кровоточащими». Дон Хуан назвал бы это «фиксацией точки сборки» (*fixation of the assemblage point*) в национальных масштабах. «Ты думаешь о себе слишком много, — сказал он и

улыбнулся. — А из-за этого возникает та странная усталость, что заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы» (Карлос Кастанеда, «Отдельная реальность»).

Раны раздела — это, понятно, не одни только внутренние границы, но и диффузные швы, кровоточащие по обе стороны мембраны. Тот, кто, жалея себя, выходит за пределы своего времени (и собственного «я»), с легкостью ранит другого; нарушающий разметку автомобиль легко становится причиной ДТП с участием других водителей. И горечь его личной утраты столь велика, что потери другой стороны попросту не идут в зачет. Живя в отдельной реальности, он втягивает в нее — на своих условиях — живущих в реальностях по соседству. За нашу и вашу вольность: пропасть — так вместе.

Теперь нас может спасти только сердце,

потому что нас уже не спас ум.

«Аквариум»

Швейцария, как и Польша, окружена превосходящими ее в силе соседями. Маленькую нейтральную страну обошла война и пощадили разделы, но у нее есть свои обязанности в политической жизни Европы. Слово швейцарцам.

«Мы, швейцарцы, свободны, богаты и настолько, насколько это вообще позволительно народу, уверены в неотъемлемом праве на нашу государственную самостоятельность и, в силу этого, на наше счастье... [...] Но как часто внутренние раздоры уже подводили наше отечество к краю гибели! Если представить себе, что в миг подобных раздоров, каждый день могущих возобновить свое неистовство, объединятся могучие наши соседи, которые до сих пор были разъединены, — в том смысле объединятся, в каком сделали это Россия, Австрия и Пруссия, когда речь зашла о разделе Польши: — разве приведут все потуги швейцарских сил и швейцарского мужества к чему-либо иному, нежели к отчаянной борьбе, в которой нам придется пасть жертвой десятикратного превосходства в силе, если только какое-нибудь особое стечение обстоятельств не будет ниспослано сверху в помощь нашей свободе? И если мы, наши сыновья или внуки, наденем на себя чужое ярмо и оковы, то смиримся ли мы с этой бедой на веки вечные? [...] Разве не станем и мы, покуда достойны мы отцов своих, страстно желать, чтобы настал день и дал нам шанс на новую освободительную битву?» — католически-консервативная газета с волшебным названием «Neuen Tagblatts aus der östlichen

Schweiz» (Новая ежедневная газета из восточной Швейцарии, 1863) отражает мнение своего редактора Петера Феддерсена.

Сказано как бы из-за пределов жалости — оттуда, где боль не исчерпана, но преодолена.

Атташе по культуре посольства Второй Речи Посполитой в Швейцарии, доктор Альфонс Бронарский — из Рапперсвилля с любовью: «Поляки не имели правительства. В Рапперсвилле был создан управляющий совет, поначалу насчитывавший пять, но в скором времени, под титулом «Музейного совета», уже пятнадцать членов — лучших, избранных сынов родины. Это своего рода правительство в изгнании, которое, хоть и не располагало никакой реальной властью, моральным авторитетом пользовалось немалым. Совет этот соединил поляков всех трех частей разделенной Польши ради совместной работы над восстановлением своего отечества — убежденных, что труд их не будет напрасным».

Конечно, то не был совет в Явне/Ямнии, призванный вести избранный народ путем Писания после падения Иерусалимского храма. И граф Владислав Плятер — не рабби Йоханан бен Заккай. Скорее уместна аналогия с самим храмом Соломона: первая экспозиция сгорает, как храм под пятой Навуходоносора, причем с последующим пленением.

Пятьдесят лет спустя, то есть накануне создания Третьего Рейха, Карл Густав Юнг в Кюснахте, а может, и в Боллингене — в любом случае на том же озере, готовя речь «О становлении личности» перед венским Культурбундом, размышлял о «катастрофических» причинах, мотивирующих развитие личности. «Слова „Много званых, но мало избранных“ верны здесь как нигде; ведь развитие личности от исходных ее ростков к полному осознанию — это харизма и в то же время проклятие: его первым следствием является осознанное и неизбежное обособление отдельного существа из неразличимости и неосознанности стада».

Во имя радикальных изменений личности необходимо вырваться из привычной обстановки, иначе друзья и соратники никаких изменений не допустят. Едва ли лучшие сыны отечества, даже покинув его — кто раньше, кто позже, — резко переменились; к слову, граф Плятер — утверждают современники, — оставался таким же взбалмошным, если не сказать скандальным, чем выводил из себя даже Готфрида Келлера, главного друга поляков и секретаря Польского Central-Comité в Швейцарии. Но, обособившись на своей волшебной горе, они создали некое навигационное устройство для

дальнейших «плаваний и возвращений»: буй, маяк, а точнее, в силу определенной изменчивости и лабильности самого музея, компас.

Гирокомпас, хранилище памяти.

Когда пространство обитания раздроблено, время теряет привычную координатную сетку, и стандартная коллективная память перестает обслуживать нужды движения в нем. Ну и, стало быть, вот.

Das Verstehen ist ein Wiederfinden des Ich im Du;

*der Geist findet sich auf immer höheren Stufen von
Zusammenhang wieder...*

Wilhelm Dilthey

Я переводил мертвых и живых; некоторые были сочтены великими, а я все равно умудрялся разочароваться в них, потом очароваться обратно, но «привкус никеля на языке» (сказал бы Гюнтер Айх) не исчезал.

Контролируемый пафос, слабая интерпретируемость — не помогал даже «разорванный», как утверждают критики, синтаксис; он, синтаксис, не проникал глубже внешнего уровня языка. Синтаксис и лексика оказались вторичными, как бывают второстепенны кажущиеся на быстрый взгляд первостепенными вещи. «То, что терзает сознание, — совесть, невыполненный долг или долги, неосуществленные планы, незаглаженный обман, — это поверхностное, наносное; по-настоящему совершается другое, какой-то великий актер, проинтерпретировав одну роль в не им написанной и расписанной игре, бросает там и начинает тут» (В.В. Биbihин).

Важно: что и кто вселяется в текст, что «это» собой представляет и как далеко внутрь языковых пластов оно готово продвинуться. Чуть ли не оправдываться хочется, цитируя Владимира Вениаминовича — но от соратников своих, с их кукольными страстями (что до порой страшных жизненных обстоятельств — так ведь и куклу можно найти растерзанной на помойке), он отличался способностью чувствовать и описывать большую боль, что и делал — как человек опытный, образованный и открытый, — хорошо.

Названные им выше вещи суть вещи Соляриса:

Может быть, океан ответил на излучение каким-либо другим излучением, может быть, прозондировал им наши мозги и извлек

из них какие-то изолированные островки психики.

— *Островки психики?*

Это меня заинтересовало.

— Ну да, процессы, оторванные от всех остальных, замкнутые на себя, подавленные, приглушенные, какие-то воспоминания, очажки памяти. Он воспринял их как рецепт или план какой-то конструкции... (авторизованный перевод Дмитрия Брускина), –

ими, как ступеньками, пользуется, чтобы спуститься вглубь самого человека, Океан — которого остается только пожалеть, как жалеют Бога. Что Лем и делает: хорошо.

Станислав Лем сообщил Станиславу Бересю в связи с фильмом Андрея Тарковского: «Мои претензии к этой адаптации весьма основательны. Во-первых, я желал бы видеть планету Солярис, но, к сожалению, режиссер не дал мне такой возможности, произведение-то камерное. А во-вторых — и я в одной из ссор сказал об этом Тарковскому — он, в принципе, не «Солярис» снял, а «Преступление и наказание». [...] А что было уже совсем тяжело, Тарковский вовлек в фильм родственников Кельвина, даже какую-то его тетю. Но прежде всего маму, потому что мама — это мать, а мать — это Россия, Родина, Землица. Тут уж я здорово взбесился».

Тарковский пошел по простейшему пути — очень русскому и, более того, советскому, что и странно, и характерно одновременно: по пути «дружбы народов», так сказать, с человеком в заглавной роли. «Для Тарковского Солярис — кривое, но нейтральное зеркало, безразличное к тому, что в нем отразилось. Пыточный инструмент, провокатор, космическое воплощение нравственного закона — кем бы ни был в фильме Солярис, он — не его герой, — пишет Александр Генис в одном из своих, пожалуй, самых точных на сегодня текстов (Три «Соляриса»). — Главные у Тарковского — люди, попавшие в тиски экстремальной нравственности. [...] Сняв фильм о земных грехах, а не о космическом контакте, режиссер облегчает и свою душу».

Долгое время я считал, что Лем брюзжит напрасно, пока не постарел — настолько, чтобы. Хотя и пан Станислав перебирает; мать — это, конечно же, родина, но не только родина. В большей мере — символ жалости к себе.

Никакими своими ухищрениями

смертный не освоит Другого.

Владимир Биbihин

Эммануил Левин, он же Эммануэль Левинас, родился в начале прошлого века в губернском городе Ковно, но эмигрировал во Францию уже из Каунаса, временно исполняющего обязанности литовской столицы, поскольку 9 октября 1920 года генерал Люциан Желиговский с негласной санкции Юзефа Пилсудского «взбунтовал» 1-ю Литовско-белорусскую пехотную дивизию и занял Вильно, то есть Вильнюс, согласно Сувалкскому договору от 7 октября 1920 года признаваемый Польшей главным литовским городом (а с ним и часть Юго-восточной Литвы, где было образовано отдельное, формально независимое от Польши государство — Срединная Литва, — менее чем через полтора года по постановлению Виленского сейма добровольно вошедшая в состав Польши).

О «взаимонепроницаемости» умов, об умножении взаимно абсурдных логик и взаимной несоединимости Я и Ты пишет Э. Левинас сразу после Второй мировой войны. Обстоятельства, в которых он встретил мир, печальны — и это мягко сказано. Символом уязвимости стало для него лицо, *le visage*: как, собственно говоря, в рыцарской традиции — лицо без забрава (*la visièr*). Так начался/продолжился его путь к Другому.

«Встреча Другого есть сразу моя ответственность за него»

...А — уже — отмечено: «Сужение ответственности человека до одной лишь области психологической, биологической или социальной превращает его в изгоя. Либо он отвечает за вселенную целиком, за все формы бытия, за все ценности, либо его ответственность вообще ничего не значит» (Якоб Леви Морено, но мог бы быть и Ницше, и...).

И — уже — тогда им с невыносимой пронзительностью было намечено все то, о чем будет говорить всю жизнь во все более интимном и одновременно все более абстрактном ключе: «Этой товарищеской общности мы противопоставляем предшествующую ей общность Я-Ты. Это не участие в третьем звене — человеке-посреднике, истине, догме, произведении, профессии, интересе, жилище, питании — то есть, не приобщение. Это опасное „лицом-к-лицу” отношений без медиатора, без медиации».

И еще.

«То, что представляется провалом любовного общения, как раз составляет позитив отношений; это отсутствие другого как раз

и есть его присутствие в качестве другого». Кажется, это можно называть «швейцарским вариантом».

Прошлый век, испуганный собственной силой — мощью своего отчаянья, своей мстительности, изобретательности в искусстве смерти и так далее — ринулся учить себя и других тому, как познать и понять или трактовать «чужое Я». Он раскрутил на полную катушку свой герменевтический круг, перенес методы анализа текста (тоже, как доказали некоторые экзегеты и «герменевты», не безопасные) на толкование не только человек, но и племен и народов. Обратившись к раннему М.М. Бахтину (а Бахтин-младший и Время — в чем-то «близнецы-братья»), натыкаемся на «вчувствование», «вживание», *Einführung*, *empathy* и даже «объективацию».

Несколько — как бы лучше сказать? — уязвленному тем, что все усилия по объективации не смогли предотвратить десятка братоубийственных войн, мне хотелось бы противопоставить им: «вочуждение», «вочужествление»; деинтерпретировать, «разотдалиться» (более сильное французское *déséloigner* вместо немецких *sich entfernen* или *zurücktreten*). Я бы «разотождествился» (с другим) и «изжил себя» (в другом), когда бы это не было так страшно. Отпустил бы Другого, как почти никогда не удается отпустить родину, женщину — без взаимных претензий.

Кажется, это тоже можно назвать «швейцарским вариантом».

Поляки давно начали искать возможную форму корректного объединения Я и Ты, комбинируя их различными способами (догадываясь, что даже призыв к достижению обоюдорыбодной цели звучит агрессивно, если выгода обманчива). Приписываемый Иоахиму Лелевелю девиз повстанцев 1830 года «Во имя Бога за нашу и вашу свободу» имеет хождение в сокращенном виде «За свободу нашу и вашу», а на медали образца 1956 года для награждения польских добровольцев — бойцов интербригад — написано «За вашу свободу и нашу» и вполне намекает!

tranšejas dievi rok

un es raudu par savu spēku

Andra Manfelde

Польским беженцам помогло отсутствие у швейцарцев чувства юмора в нашем (добрый вечер, месье Тодд!), русско-польско-еврейском понимании — и то, что они, вследствие этого,

серьезно отнеслись к приключению поляков. Равновесие между юмором и иронией плюс отсутствие страха, такая вот вызывающая неподдельное уважение смесь.

«Сначала режь, — говаривал старик Якоб Леви, — потом измеряй».

Положим, страх — это чувство дискомфорта, вызванное ощущением действительного или кажущегося несоответствия разметки движения его условиям, могущего привести к отклонению от избранного маршрута. Маршрут есть всегда: к примеру, человек, который сидит дома и хочет досидеть до конца своих дней, будет бояться, что за ним зайдут — просто зайдут, — вытащат погулять и так собьют с пути истинного. Тем не менее, представив доказательства того, что улица является продолжением жилища, можно убедить домоседа скорректировать маршрут и таким способом избежать опасности.

Ирония — не категория эстетики, а образ мышления и даже действия; это понимание и демонстрация понимания того, что предположительно далекие друг от друга явления на самом деле близки или могут стать близкими (в отличие от сравнения или метафоры, сводящих вместе вещи далекие и таковыми остающиеся). Она обратна к страху — ирония обезоруживает страх, хотя способна и породить его, показав, что соответствие является ложным. Ирония убийственна для метафоры: последняя построена на сопоставлении изначально несравнимого, однако ирония убеждает нас в том, что сравнимо (ибо сопоставимо) всё — и лишь та метафора неуязвима перед лицом иронии, которая приводит к пониманию того, что (лишь бы не запутаться!) одно и то же может существовать в несравнимых и несопоставимых ипостасях.

Ироничность зачастую построена на паузах и этим выдает национальный характер. Поскольку наши европейские языки выросли на одном и том же плато, причем как мы их, так и они нас старались формировать в едином русле мышления, ценностей, короче — парадигм, то, когда эстонец и испанец говорят, это близкие похожие люди, зато молчащий эстонец и молчащий испанец — существа с разных планет (а поскольку эстонцы, в отличие от испанцев, в основном молчат, то — *it comments itself*). Но стоит изъять из речи паузы, как Другие станут Чужими.

Следуя старой французской традиции, Эмманюэль Тодд приписывает немцам роль, «несущую катастрофы остальным

европейцам». В «Записной книжке филолога» о *Lingua Tertii Imperii*, языке Третьего Рейха, Виктор Клемперер называет важную причину конкретного рецидива болезни (имевшего место во второй трети прошлого века): «Абсолютное господство языкового закона, которое навязывалось ничтожной группкой и даже одним человеком на всем немецкоязычном пространстве, было исключительно эффективным, поскольку LTI не различал устную и письменную речь». Он говорит о снятии различий между людьми одного языка, поскольку пишущий немец и пишущий немец (пишущий русский и пишущий русский) — две большие разницы.

А в Швейцарии письменная речь далека от устной (*Mundart*), отвечая за какую-то из степеней швейцарского нейтралитета.

В одном романе с двумя названиями Э. М. Ремарка есть хорошая сцена: протагонист, автогонщик Клерфэ, по пути в высокогорный санаторий «Монтана» пересекает франко-швейцарскую границу и останавливается на бензоколонке. Заправщик Губерт (просто Губерт), по чистой случайности однофамилец недавнего рейхсмаршала, заправляет машину; Клерфэ раздражен циничной практичностью паренька, использующего свою фамилию — Гёринг — в качестве рекламы.

«Он завел двигатель.

— Вы забыли уплатить, — сообщил Губерт. — С вас сорок две монетки.

Клерфэ отдал ему деньги.

— Монетки! — сказал он. — Я вновь спокоен, Губерт. Если в стране деньгам дают ласкательные имена, в ней никогда не будет диктатора».

Монетка — *Fränkli* (от слова «франк») — франчок. Наверняка Эрих Мария ни разу не слышал песню «Бублички». А послушал бы — знал, как угрожающе тревожны бывают русские диминутивы.

Nous n'avons pas de présent.

Il nous fuit entre les doigts.

Emmanuel Levinas

Еврейская тема — территория больших цитат.

«Праздник закончился не легкою закускою, а формальным ужином. Вацлав произнес великолепный тост в честь еврейской молодежи вообще и еврейской женщины в особенности. Адольф же, поблагодарив его от имени еврейской молодежи, провозгласил тост за примирение наций.

— Неужели всех? — спросил Вацлав.

— Всех, — ответил Адольф.

— Но, милостивый государь, — возразил Вацлав, с воодушевлением, — есть народы, с которыми мир невозможен.

— Я таких народов не знаю, — спокойно ответил Адольф.

— Стало быть, вы космополит?

— Да.

— И я тоже, — бухнула сумасшедшая Полина, кстати прервав объяснение молодых людей, — я тоже космополит» (Лев Леванда, «Горячее время»).

Я бы разделил точку зрения Вацлава, но мешает относительно маленькая Финляндия, спокойно существующая в мире со своим соседом-гигантом и даже давшая ему как-то раз вооруженный отпор. Хотя «всё это хорошо в поэтическом отношении», конечно.

Немного утрированная биография Льва Леванды выглядит так. Родился в Минске, в год смерти княгини Чарторыйской. В Вильно окончил раввинское училище. Прозаик, публицист («Рассвет», «Виленские губернские ведомости», «Восход»). Более двадцати лет, включая период восстания, состоял при виленских генерал-губернаторах советником по еврейским вопросам. Его роман в четырех книгах «Горячее время» с подзаголовком «Роман из последнего польского восстания», серия «Еврейская библиотека», вышел из типографии Адольфа Ландау, Санкт-Петербург, в первой половине 1870-х. В конце 1870-х опубликовал в «Русском еврее» радикальную ассимиляторскую программу. Погромы начала 1880-х сделали из него палестинофила. С середины 1880-х был болен душой.

«Ученый еврей» — служба государственная, бессрочная, со всеми вытекающими. Поскольку дать оценку фактичности романа я не смогу, то приведу еще пару цитат. Красивые, звонкие — в состоянии говорить за себя сами.

«Мы здесь подумали и решились — идти направо, пристать к Москве. Туда влечет нас инстинкт, соображения и, наконец, чувство благодарности. Мы никогда не должны забывать, что варварская Россия, а не цивилизованная Польша впервые стала заботиться о нашем образовании и воспитании. Пробуждением в нас самосознания мы обязаны России, а не Польше. [...] Что сделал для нашего образования князь Чарторыйский? Мы для него совсем не существовали. Но мы существовали для графа Уварова; он много для нас сделал, и еще более хотел сделать. Мы этого не должны забывать и не забудем».

Из письма одного романного еврея другому (Женева, год 1864): «Поплакав, принимаюсь утешать их, чем могу. За вечерним чаем читаю им "Иудейские войны" Иосифа Флавия. Они находят это чтение интересным и назидательным. И не мудрено: судьбы Польши и Иудеи имеют в себе очень много аналогического: та же крошечность территории, то же центральное положение между сильными и воинственными соседями, те же великие задатки, та же живучесть, талантливость и неугомонность, тот же исступленный патриотизм, вместе с раздорами партий, и те же несчастья. [...] Граф намерен так и порешил, что евреи — это поляки древнего мира».

«Ясневельможный» пан вдруг забыл, что евреи, в отличие от поляков, только блуждали «от моря до моря»; создав государство, они отчего-то стали походить на швейцарцев. Вот пара черт, роднящих гору Сион с вершиной Юнгфрау — также утрированных.

Армия как один из факторов развития: оружие в доме, стрельбища в деревнях, постоянная боеготовность — решающее отличие от Польши и от России.

Минорат: в классической швейцарской семье наследство, с обязательством выплатить долю старшим, получал младший сын — у старших сыновей библейских патриархов не складывалось с благословением.

Семья как ячейка: протестантский подход к человеку — российско-польский патриотизм обыкновенно являлся видимостью, твердыни мессианства, православного и католического, презирали рядовых граждан, зато обе религии легко примиряли индивидуальное самочувствие с имперским сознанием.

Еще более тонкие связи — бесспорно, две точки встречи России с Польшей...

Unschuldige können nicht wachsen.

Sie bleiben stehen, sie bleiben Kinder.

Bert Hellinger

И последнее, но не из последних — деловой цинизм швейцарцев. Ради поставок угля Швейцария одной из первых признала коммунистическую Польшу. Чуть позже, когда польское посольство принялось насаждать в Рапперсвильском замке пропаганду коммунизма с портретами Маркса, Ленина и Сталина, швейцарская сторона, разорвав договор аренды, затеяла в музее экскурсии для военных, используя новую экспозицию в качестве «призрака коммунизма». В то блаженное время Чеслав Милош — с подачи Симоны Вайль — думал, что «жизнь невозможна, однако же выносима». Он умер в нашем веке, так и не признав, что жизнь — то возможна, зато практически невыносима.

Цитата.

«Над нами властвует все то, с чем мы себя отождествляем. Мы можем властвовать над тем, управлять и использовать всё то, с чем мы себя разотождествляем». Роберто Ассаджолли, «Акт воли».

Цитата.

«Все, что мы отвергаем, завладевает нами. Все, что мы любим, оставляет нас свободными». Берт Хеллингер, «Законы свободы».

Задача интеллекта: увидеть связи там, где они есть, и не видеть там, где их нет. Ассаджолли и Хеллингер — чудотворцы западного, интеллектуального толка, — возвращают утраченное и помогают избавиться от навязанного. Не знаю, хорошо это или плохо: скорее всего, это лишний аварийный выход при заклиненных дверях центрального входа. Однако работает (магия белого человека самая сильная!).

Если, желая спасти реноме западного образа мыслей, поступить неинтеллектуально, форсируя связь между двумя высказываниями, получится пересечение по первому члену — не отождествляй себя с тем, что отвергаешь. Логическая разность по второму повисает в воздухе: то, что я люблю, разотождествлено со мной — но я любим, пока не пытаюсь управлять; взаимная любовь возможна при условии обоюдного разотождествления.

Любовь, согласно высшему замыслу, не имеет конца: я буду хранить тебя перед лицом боли, пока не вышло мое время. Получается, что любовь — это неустранимый зазор между болью и временем. Хотя Бог есть любовь, и познание Бога есть любовь, и пребывать в Боге означает пребывать в любви, как сказано почти в любом месте любого из Евангелий, любовь либо не поддается осмыслению — и тогда Бог с ней, — либо мыслится в мире, куда уже вошли боль и время.

Поэтому Церковь, проповедуя бесконечность любви, здание свое строит на страхе. Удивительно: когда долго читаешь Тютчева, стихи и статьи подряд, возникает стойкая слуховая галлюцинация, безумное ощущение какое-то. По логике Ф.И. Тютчева — а его трудно заподозрить в симпатиях к Польше, — в 1830 году Россия (православие) выступает на стороне порядка, в то время как Польша (католицизм) — на стороне любви.

В процессе, который можно определить как «оправдание виноватых», мастера семейных расстановок используют формулировки одного из отцов метода, Б. Хеллингера, сведенные в символический кодекс — «Порядки Любви» (*Ordnungen der Liebe*). Сам Хеллингер долгое время не посвящал своему опыту ни строчки, считая, что он не вмещается в слова и не может быть описан, — свидетельствуют специалисты.

Допустимо говорить о каких-то принципах и техниках, применяемых в конкретной работе, но главное содержание совершенно не в них. Иногда, закончив сессию, даже удивляешься тому, что и как тебе удалось достичь.

Вытяжка — в границах любви и порядка — тоже может быть сделана.

Основное качество жизни — течение, движение. Любовь — это течение отношений между людьми, она существует и действует только в тех границах, в каких она поддерживает самую жизнь.

Порядок является первоначальным принципом, и он не позволяет замещать себя любовью. Любовь вписывается в определенный порядок — туда, где она способна развиваться, — подобно тому, как семена попадают в почву, где они могут прорасти и принести плоды.

Применяясь уже не к отдельным людям, а к малым и большим их общностям, любовь остается частью порядка, ему соответствуя. Непосредственно после Первой мировой, во встрече — как полагается в практике катастроф — с детьми,

беженцами, проститутками — услышано и это слово. Еще более удивительное, чем отзвук любви у Тютчева.

«У меня была встреча с собою, а после того, как стал полностью себе соответствовать, покинул себя и встретился с соседями по дому. А после того, как стал полностью им соответствовать, я покинул их и встретился с жителями моей деревни, А после того, как стал полностью им соответствовать, я покинул их, и странствовал с места на место, и соответствовал всем, кто встречался на пути ко всем». Я.Л. Морено, «Речь о Встрече» (перевод Андрея Боковикова).

(Цитата.)

...И покидал всех, кто встречался на пути ко всем.

It gets easier.

Jason Bourne

to Nicky Parsons

Порой со мной — как, думаю, и с остальными — случаются вещи, которые мы склонны считать «знаками». Прежде я охотно интерпретировал посылаемые мне знаки. Очевидно радуясь тому, что получаемые мной знаки суть «важные» (а я, получается, принадлежу к категории принимающих особые послания избранных), я слегка подтасовывал их, стремясь специально добиться красивого толкования. И сегодня я этого не стыжусь — но в последнее время мне легче просто рассказывать о произошедшем и происходящем, не строя теорий и ничего не трактуя.

Мне даже не приходило в голову, что «мои» личные знаки рассылаются другим, многим, всем («польские» знаки, ежели таковые были, предназначались и русским). Когда на моей стороне стоит знак «50», то на встречной полосе, параллельно со знаком отмены для меня, скорее всего, тоже будет знак «50». Если при подъезде к перекрестку я вижу знак «Пересечение с второстепенной дорогой», тот, кто едет по ней в «поперечной» машине, определенно видит знак «Выезд на главную дорогу». Близкие люди сцеплены временами — передвигаются по одним и тем же, параллельным или пересекающимся трассам; их разметки хорошо связаны. Когда я еду один — а я большей частью еду один, — со мной всегда они: сиденья не пустуют.

Все чаще я вижу перед собой кенигсбергскую дорогу. Последние солдаты Рейха, высаженные вдоль обочин — еще при Бисмарке — деревья, задают неповторимую разметку. Вот мы в одной

машине, словно в одной лодке, и наши времена сцеплены.
Янтарное, Отрадное, Морское; Черняховск, Светлогорск,
Приморск, Зеленоградск, Балтийск. Всё темнее, полотно дороги
всё уже, деревья обжимают его всё теснее. За каким-то из
поворотов они сомкнутся.

Он знал довольно по-латыне,

Чтоб эпиграфы разбирать...

А.С. Пушкин

Осознавать это быть вне времени

Но лишь во времени есть миг в саду среди роз...

Томас Стернз Элиот

Порядок необходим лишь глупцу,

гений властвует над хаосом.

Альберт Эйнштейн

Никогда не поздно

иметь счастливое детство.

Милтон Эриксон

Мир — это круг; светила водят в нем хоровод.

Круглы колеса телеги, но счастье круглей всего!

Готфрид Келлер

Нет средств каких-либо меж мною и другими

Я непосредственен: во встрече

Якоб Леви Морено

С неба излилась благость, я видел, что посеяна правда

и ждет, чтобы снизойти и чтобы настал гнев.

Иоганнес Бобровский

Битву закончит смерть,

все остальное — лишь перерыв в битве.

Анджей Сапковский

Лурсам, Семадени, Мини, Ларделли и Замбони

*принадлежали самые изысканные кафе и кондитерские
Варшавы.*

Анна Бухманн

Не стоит принижать тайну внутри себя

чувством жалости к себе или же здравым смыслом.

Карлос Кастанеда

Понимание — это возрождение Я в Ты;

*дух возрождается на все более высоких уровнях взаимной
связи...*

Вильгельм Дильтей

роют траншеи боги

и я плачу над собственной силой

Андре Манфелде

У нас нет настоящего.

Оно ускользает из наших рук.

Эмманюэль Левинас

Невинные не могут расти.

Они останавливаются, они остаются детьми.

Берт Хеллингер

И последний гондон — как последний

патрон.

Сергей Чиграков